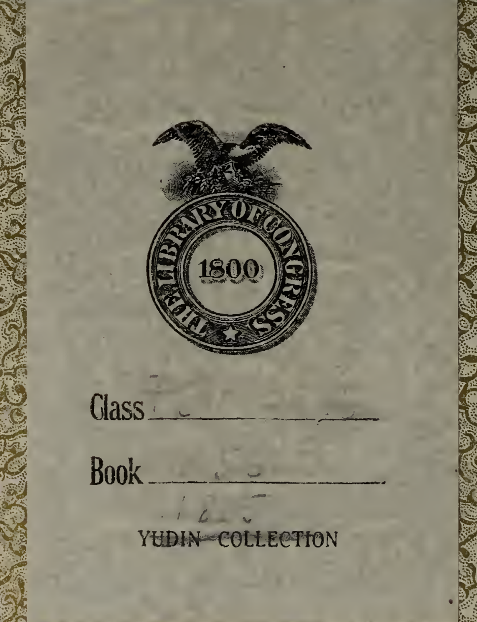

A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА
U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800
Class
Book
YUDIN COLLECTION

Souvenir de la Princesse Zénéide, offert par son fils, le Prince Alexandre Volkonsky.

СОЧИНЕНІЯ

КНЯГИНИ

ЗИНАИДЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ВОЛКОНСКОЙ

УРОЖДЕННОЙ КНЯЖНЫ БѢЛОСЕЛЬСКОЙ

ПАРИЖЪ и КАРЛСРУЭ

Печатано въ Придворной Типографіи В. Гаспера въ Карлсруэ

1865

СОЧИНЕНІЯ

КНЯГИНИ

ЗИНАИДЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ВОЛКОНСКОЙ

УРОЖДЕННОЙ КНЯЖНЫ БѢЛОСЕЛЬСКОЙ

ПАРИЖЪ и КАРЛСРУЭ

Печатано въ Придворной Типографіи В. Гаспера въ Карлсруэ

1865

КНЯЗЮ

КОНСТАНТИНУ ЕСПЕРОВИЧУ БѢЛОСЕЛЬСКОМУ

ВЪ ЗНАКЪ ДРУЖБЫ И РОДСТВЕННОЙ
ПРИВЯЗАННОСТИ

КН. А. В***

Издавая отрывки изъ путевыхъ воспоминаній Княгини Зинаиды Александровны Волконской, ея стихотворенія и начало неонконченнаго романа или поэмы въ прозѣ: *Сказаніе объ Ольгѣ*, мы желали познакомить нынѣшнее поколѣніе съ мало извѣстными трудами одной изъ лучшихъ представительницъ Русскаго высшаго общества, прославленной своимъ умомъ, наклонностью ко всему изящнему и рѣдкими дарованіями. Она стала въ ряды любителей Русскаго слова подъ счастливымъ руководствомъ и въ блистательномъ окруженіи: она нашла сочувствіе и поощреніе въ Жуковскомъ, Пушкинѣ, Кн. Вяземскомъ, Баратынскомъ, Д. Веневитиновѣ, Шевыревѣ и другихъ поэтахъ.

Въ концѣ нашего изданія помѣщаются нѣкоторыя посланія ей посвященныя.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

1829.

ВЕЙМАРЪ. БАВАРІЯ. ТИРОЛЬ.

Веймаръ. Удаляясь отъ пантеона великихъ писателей германскихъ, моя душа исполнена чувствами благоговѣйными. Все тамъ дышитъ наукой, поэзіей, размышленіемъ и почтеніемъ къ генію. Геній тамъ царствуетъ, и даже великіе земли суть его царедворцы. Тамъ я оставила Ангела, проливающаго слезы на землѣ.... Тамъ я посѣтила Гёте. Такого всеобъемлющаго поэта можно сравнить съ стариннымъ, изящнымъ, многолюднымъ городомъ, гдѣ храмы свѣтлаго греческаго стиля, съ простыми гармоническими линіями, съ мраморными статуями, красуются возлѣ готическихъ церквей, темныхъ, таинственныхъ, съ прозрачными башнями, съ кружевною рѣзьбою, съ гробницами рыцарей среднихъ вѣковъ. Въ городѣ старинномъ, все живо, важно, незабвенно: памятники, книги, зданія, мавзолеи разсказываютъ вѣкамъ о герояхъ, о великихъ мужахъ. Въ городѣ изящномъ все дѣйствуетъ, все паритъ; ученые углубляются въ архивы всѣхъ временъ; художники воображаютъ, животворятъ; поэты, смотря на вселенную, упиваются вдохновеніемъ, и пророчатъ. Въ городѣ многолюдномъ страсти кипятъ жизнію; тамъ всѣ звуки раздаются: тамъ звучатъ арфы,

1 .

металлы, гимны, псалмы, народные припѣвы, страстныя пѣсни — и всѣ звуки сливаются и восходятъ, какъ жаркіе, благоуханные пары. Въ образѣ сего идеальнаго города я вижу Гёте вѣковаго. Надъ городомъ блестятъ эѳирныя звѣзды, и на челѣ старца горятъ звѣзды неугасаемыя.

Бернекъ. На горѣ стоятъ развалины зáмка Валленродовъ, рыцарей ордена Дѣвы Маріи. Возлѣ, остатки церкви, нѣкогда посвященной Богоматери. Подъ горою течетъ жемчужная рѣка: такъ ее называютъ отъ жемчуговъ, которые въ ней рождаются. Замѣтимъ сходство лучшаго украшенія женскаго съ каплями слезными. Не для того ли сотворены перлы, чтобъ и въ торжественныхъ нарядахъ припоминать полу нашему его назначеніе? — Вотъ горы Герцинійскія; лѣса ихъ, которые путемъ семидневнымъ едва ли измѣрялись, нынѣ прозрачны, и уступаютъ свои земли нивамъ и селеніямъ. Рыцари Святой Маріи теперь на колѣняхъ стоятъ окаменѣлые надъ гробницами своими. Не отъ нихъ уже зависитъ прекратить моленія; но развѣ человѣческая рука или громъ небесный разобьетъ образъ ихъ и прерветъ молитву. Лѣса и рыцари пропали, а въ рѣчкѣ перловое племя пережило вѣка и, окруженное развалинами, тихо плодится и отдыхаетъ въ чистой и гладкой своей колыбели.

Регенсбургъ. Уже рыцари съѣхались въ многолюдный городъ; одни спесиво возвѣщаютъ властителю жесткія имена бароновъ, графовъ, германскихъ богатырей; другіе не произносятъ имени, не поднимаютъ забрала, и, какъ невѣста подъ опущенной фатою, скрываютъ свои надежды, жаръ души и благородный стыдъ. Всѣ стремятся туда, гдѣ ждутъ ихъ похвалы старцевъ и ободряющій взоръ красавицъ. Пестрая толпа валитъ на площадь, окружснную темными, готическими зданіями. Вельможи, дамы въ одеждахъ бархатныхъ и парчевыхъ,

чинно садятся на высокія, красныя ступени. Первый взоръ на красавицъ, второй на желѣзную конницу, выѣзжающую на поприще. Толпа замолкла, все тихо, все ожидаетъ. Ровные шаги лошадей, быстрыя движенія бойцевъ, удары оружія о желѣзо, ломающіяся копья, паденіе ратниковъ и коней производятъ шумъ, звонъ и стукъ ежеминутный. Опять все замолкло; но вдругъ поднялся крикъ въ народѣ, и тотъ утихъ. Опять звучатъ одни оружія. Вотъ явился черный рыцарь; всѣ глядятъ на него: онъ страшенъ, и глаза его, сквозь забрало, какъ пламя сверкаютъ, и черныя латы отливаютъ огнемъ. Въ душѣ героевъ ужасъ есть гнѣвъ: ратники его окружили; сраженіе за сраженіемъ, а черному рыцарю побѣда за побѣдой. Выѣзжаетъ новый ратникъ, непобѣжденный никогда: и тотъ два раза побѣжденъ, два раза раненъ, а черный рыцарь подъ забраломъ своимъ страшно хохочетъ. Весь народъ изумленъ; герой поднимаетъ усталую голову, укрѣпляется на сѣдлѣ; удивленный самому себѣ, вопрошаетъ, смотря на соперника: «Кто онъ такой?»... Тихо произноситъ молитву, и вдругъ съ новымъ жаромъ потрясъ копье. Уже черный рыцарь подъемлетъ смертоносную шпагу; герой отражаетъ ее; искры летятъ; онъ хладнокровно копьемъ своимъ означаетъ крестъ на лбу страшнаго бойца. Уже копье воткнулось въ чело... кровь течетъ, и огонь съ кровію, — и черный рыцарь изчезъ! Герой стоитъ неподвижно и шепчетъ молитву. Испуганная толпа, тѣснясь, убѣгаетъ отъ ограды; всѣ крестятся; народъ стремится въ обширный соборъ; благочестивыя жены, прижавши крестъ къ бьющемуся сердцу, удаляются въ свои часовни, и предъ распятіемъ преклонивъ колѣни, долго читаютъ по древней готической книгѣ: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся враги его!» Давнее преданіе теперь еще повѣствуется въ Регенсбургѣ и тамъ показываютъ путешественнику, напротивъ древняго ратгауза, живопись, представляющую на стѣнѣ таинственное сраженіе.

Южная Баварія. Здѣсь возвышаются гора за горою, лѣсъ за лѣсомъ, все выше и выше, какъ зеленыя пирамиды; а за ними голыя скалы, на коихъ лежитъ не тающій снѣгъ. Какъ очи нѣжнаго отца на неблагодарныхъ дѣтей, солнце на нихъ тщетно ударяетъ! Ниже клубятся тяжелыя облака... Ясные теплые дни рѣдки на высотахъ... Часто встрѣчаются озера, осѣненныя лѣсистыми горами. То вижу въ нихъ нѣжные взоры, отражающіе высокія, но печальныя мысли; то влажные амфитеатры, гдѣ дремучіе лѣса одни ожидаютъ водяныхъ побоищъ. Тутъ не звучатъ ни лиры, ни литавры; одна строгая гармонія грома прерываетъ тишину сего зрѣлища.

Тироль. Вершины горъ, освѣщенныя солнцемъ, полузакрытыя облаками, напоминаютъ о таинственныхъ Синаѣ и Ѳаворѣ, какъ будто и здѣсь скрывается для взора недостойнаго какое либо чудо. Столица Германскаго Тироля стоитъ подъ скалами неизмѣримыми; надъ нимъ нависли темные лѣса, разноцвѣтные луга и нивы, а надъ горами тусклыя облака. Какой Кремль величавый! Подъ высокою горою, въ узкой долинѣ шумитъ каменистая рѣчка, бьетъ и хлещетъ по гранитамъ. Далѣе, бездна водъ то поглощается незримою пропастью, то выбѣгаетъ изъ нея обширнымъ потокомъ. Въ столицѣ тирольской сохраняются три великія воспоминанія: гробница Максимиліана, окруженная толпою государей, которые и подъ бронзою сохраняютъ память высокаго уваженія; — учрежденіе Маріи Терезіи, по которому двѣнадцать дамъ надъ памятникомъ порфироносснаго ея супруга продолжаютъ ея моленія: обѣ мысли достойны рыцарскихъ временъ. Живое чувство благоговѣнія къ Гоферу есть третье воспоминаніе: горный охотникъ лежитъ вмѣстѣ съ царями, а преданіе о немъ такъ же не умолкнетъ въ горахъ Тирольцевъ, какъ и пѣснь ихъ патріотическая и задумчивая.

Со всѣхъ сторонъ я вижу ландшафты Рюисдаля и Сальватора Розы. Какое торжество для художника, когда сама природа, твореніе Божіе, напоминаетъ произведенія смертнаго. Здѣсь дерево сухое, обросшее мхомъ, валится на бодрое и прямое, а тамъ внизу падшій пень лежитъ мостомъ надъ свинцевымъ зеленымъ потокомъ. Тутъ сосны проникаютъ прямыми своими вѣтвями въ округленную и обширную тѣнь платановъ. Лиственницы качаютъ надъ пропастями свои пернатыя вѣтви. Древній дубъ простираетъ неровные и голые сучья; темнозеленый плющъ обвиваетъ гнилой, обширный пень его, и, какъ любовь дѣтей, согрѣваетъ, можетъ быть, и удерживаетъ жизнь въ лѣсномъ старцѣ. Сосны, какъ щетина, покрываютъ скалы отъ глубины до вершинъ, а въ сырыхъ ущельяхъ журчатъ и пѣнятся высокіе водопады.

Тиролецъ измѣряетъ свои горы твердою стопою, какъ серны быстроногія. Взоръ его привыкъ къ огромности, удивляющей прохожаго. Такъ дѣвственный взоръ смущается, когда въ первый разъ пораженъ видомъ порока, но мало по малу привыкаетъ къ опасному зрѣлищу. Такимъ же образомъ люди, живущіе всегда съ великими мужами, свыкаются съ ихъ величіемъ; такъ вдова великаго островитянина цѣнитъ себя простою вдовою; а жена альбіонскаго барда видитъ въ геніи, принадлежащемъ вселенной, собственнаго мужа, хозяина, угодника ея домашнихъ причудъ. — Весь Тироль вообще есть великая, однообразная мысль Создателя. Все въ этой странѣ имѣетъ одинъ характеръ, — и горные духи здѣсь хоромъ поютъ все одинъ припѣвъ, но смѣлый, великолѣпный и вѣчно новый! . . .

САКСОНІЯ. ИТАЛІЯНСКІЙ ТИРОЛЬ. СѢВЕРНАЯ ИТАЛІЯ.

Какое блаженство стремиться къ Италіи, удаляться отъ холодныхъ вѣтровъ, отъ сухой, песчаной земли, отъ лѣнивой природы Сѣвера! Какое блаженство дышать весеннимъ воздухомъ послѣ долгой болѣзни! вѣдь и зима — болѣзнь, страданіе земли... Она такъ же всѣ краски стираетъ и превращаетъ въ блѣдность; она такъ же изсушаетъ всѣ источники жизни, — и даже слезы жаркія останавливаются и превращаются въ капли ледяныя.

Счастливъ тотъ край, гдѣ цвѣты составляютъ непрерывную цѣпь отъ весны до весны. Конечно зимняя гирлянда не такъ пушиста, не такъ пестра, разноцвѣтна, не такъ благоуханна какъ во время царства солнца и любви: она бѣднѣе, но крѣпка и вѣрна какъ стебель плюща. Хладные вѣтры ее качаютъ, но не прервутъ: такъ и въ жаркомъ сердцѣ страсти иногда утишаются, но не изчезаютъ; онѣ недоступны ни суетамъ ни болѣзни, ни старости. Вѣрныя страсти, какъ сроднятся съ душою, могутъ превратить ее въ пепелъ, но оставить никогда.

Май веселый встрѣчаетъ насъ; со всѣхъ сторонъ вижу символы младости; новорожденные листья трепещутъ на высокихъ тополяхъ; полосы усѣянныя янтарными цвѣтами, прерываютъ свѣтлозеленую траву, нѣжную какъ пухъ на юномъ лицѣ. Все шумитъ, все пробуждается, — и рои младыхъ птичекъ неопытнымъ крыломъ летаютъ отъ вѣтви до вѣтви, или бѣгаютъ за хлопотливою матерью. Даже темныя сосны, какъ старики, зеленѣютъ и улыбаются, смотря на играющую природу. Мотыльки летаютъ надъ бѣлопушистыми плодовитыми деревьями, которыя посажены по обѣимъ сторонамъ дороги, — знакъ трогательный довѣренности и попеченія! Пріятно сердцу филантропа видѣть въ человѣкѣ подражаніе благотворящей природѣ. На востокѣ воздвигаютъ фонтаны, сажаютъ тѣнистыя и плодовитыя деревья по большимъ дорогамъ. Тамъ усталый странникъ можетъ отдохнуть, напитаться, утолить свою жажду... а въ нашей образованной Европѣ стоятъ деревья плодовитыя, цвѣтутъ на большой дорогѣ, но плоды ихъ заповѣданы жаждущему путнику. Что жъ эти деревья? — Одинъ нарядъ.

Длинныя паутины, развѣшанныя по кустамъ со всѣхъ сторонъ, обѣщаютъ селянину продолженіе ясныхъ дней, — но какъ легко можетъ прерваться его надежда, какъ тонка нить, на которой она отдыхаетъ! — Такъ и всѣ надежды смертнаго; а простой житель полей такъ же вѣритъ симъ вѣщимъ предсказаніямъ, какъ Ной радугѣ примирительной. Но суевѣріе не поэзія ли слабости человѣческой?

Вдали ряды стройныхъ тополей подымаются надъ селеньями и садами. Они гордо простираютъ къ небу свои вѣтви: это не колонны ли, приготовленныя для храма весны?

Какъ богата мысль Божія, распредѣлившая климаты на землѣ! Какая пространная лабораторія, которой Богъ есть душа и попечитель и художникъ! Здѣсь изобильная роса упо-

летъ изсохшую землю; тамъ хляби небесныя растворяются и проливаютъ вдругъ ручьи теплой весенней воды на землю оледенѣлую, — и когда почва песчаныхъ пустынь, тщетно ожидающая дождя, кажется готова произнести проклятіе на небо, — оно обливаетъ ее свѣжимъ потокомъ, который даруетъ ей снова жизнь и терпѣніе.

Между Пѣснекомъ и Шлейцомъ. 13-го Мая.

Здѣсь горы окружаютъ насъ, и на вершинахъ сосновые лѣса, а на каменной скалѣ, выше лѣсовъ, стоитъ тюрьма. Невольники смотрятъ на свободу и ропщутъ: вѣдь и въ долинѣ преступнику нѣтъ свободы, вѣдь безнаказанность не есть прощеніе совѣсти, а ты, невинно страждующій, заключенный въ высокой тюрьмѣ, смотри выше: тамъ свобода; взгляни въ сердце твое: тамъ надежда.

Какъ трудно ѣхать по каменистой неровной дорогѣ! А тяжелѣе тому, который непрестанно смотритъ на трудный путь свой, считаетъ всѣ камни, которые могутъ ранить его ногу. Взгляни онъ на синія горы вдали, на гордыя скалы, на извивающуюся крутую дорогу, въ которой онъ спустился — и тогда, запыхавшаяся, его грудь вздохнетъ отъ чувства и восторга: такъ поэтъ, смотря на прошедшія скорби души, на гоненія, на клевету, на невозвратныя утраты, находитъ въ нихъ краски поэзіи и красоты, и въ мучительномъ водоворотѣ страданія пьетъ вдохновеніе и славу.

Вчера долго я глядѣла на вечернюю звѣзду, на предводительницу хора небесныхъ сестеръ своихъ. Она казалась мнѣ сребристѣе, живѣе, такъ какъ видала я ее на небосклонѣ южныхъ странъ, — и такъ сегодня природа очарована для

взоровъ нашихъ однимъ ожиданіемъ завтрашняго наслажденія. Вотъ другая звѣзда, но эта вдругъ, отдѣлившись отъ эфирнаго поля, пала.... куда?.... туда же, куда пропадаютъ и звуки Эоловой арфы въ тишинѣ ночи, и Авзонійское пѣніе, внушенное мгновеннымъ восторгомъ, и слова страстнорѣчивой души въ уединеніи.

Путешествіе — какой изобильный источникъ для мыслящаго! Тамъ называютъ горами, что далѣе пригорки; что здѣсь дремучій лѣсъ, — тамъ рѣдкая роща; то что тамъ пропасть, здѣсь долина; что для того востокъ, для другаго сѣверъ; для меня отечество, для тебя чужбина: но могутъ ли быть края совсѣмъ чужіе для истиннаго филантропа? Отечество! священное имя, священный край, гдѣ надъ гробницами предковъ нашихъ раздается нашъ родной языкъ. Отечество! ты нашъ родитель, а братья и друзья — всюду, гдѣ жизнь пылаетъ и сердце бьется. Славянинъ! гордись родиной, дари ее жизнію своею, но простирай руку всѣмъ, ибо великое родство соединяетъ на землѣ сердца, любящія безсмертную истину Создателя и красоту Его созданія.

Италіянскій Тироль. 21го Мая. Мы спускаемся къ Италіи; горы становятся все огромнѣе и, какъ башни и стѣны, возвышаются надъ виноградниками и плодовитыми садами. На кремнѣ высокомъ и прямомъ виситъ развалина замка какъ орлиное гнѣздо, какъ зáмокъ Безъименнаго въ романѣ Манзони. Можетъ быть и здѣсь невинная дѣва проливала слезы, на четки коралловыя клянясь забыть обрученнаго, но владѣлецъ жестокій нашелъ ли въ долинѣ втораго Боромея?

22º Мая. Что ѣдешь далѣе, то болѣе природа теряетъ свою жестокость; рѣки текутъ къ Италіи свободнѣе, легче; на-

рѣчіе Германское сливается съ Авзонійскимъ; растенія горныя срастаются съ благоуханными растеніями южными; цвѣтъ взоровъ превращается изъ небеснаго въ черный какъ уголь; и смуглота лицъ и богатство природы знаменуютъ одно и то же, присутствіе жаркаго дѣятельнаго солнца. Сельскія церкви, распятія въ поляхъ, образа Святыхъ и Богоматери, становятся изящнѣе; пестрота и нелѣпость произведеній грубыхъ измѣняются въ простыя и пріятныя формы, и все предвѣщаетъ родину прекрасныхъ линій. Какъ непостоянно воображеніе человѣка! Огромныя горы которыми я долго восхищалась, мнѣ теперь кажутся тюрьмою, — и я скажу съ нашимъ Пушкинымъ:

Мнѣ душно здѣсь, я въ лѣсъ хочу! . . . .
Но въ лѣсъ лавровый! . . . .

Вотъ скалы становятся еще выше, камни какъ черепа исполинскіе остановились на покатѣ крутыхъ горъ, глядятъ и скрежещутъ на смѣлаго прохожаго. «Тутъ горные духи ихъ набросали», сказалъ намъ тамошній житель, и сказавши, прошелъ мимо ихъ спокойно.

Въ тотъ же день вечеромъ.

Рѣка течетъ въ долинѣ, — это Брента... но я ея еще не узнала. Берега ея пусты, народъ скученъ. Альпы надъ ней; но вотъ она; вотъ веселыя, бѣлыя селенія; вотъ сады изъ которыхъ валятся какъ изъ рога изобилія сочные плоды и текутъ ручьями нѣжный шелкъ и сладкія вина; вотъ густыя гирлянды изъ виноградныхъ листьевъ; онѣ своенравно сплетаются то съ дикимъ то съ плодовитымъ деревомъ. Кипарисы, какъ исполинскіе чернецы, подъемлются надъ плакучими ивами. Вокругъ меня, грація природы и звучный языкъ... я въ Италіи! Повторяю съ поэтомъ: «Италія, Италія, о ты, пріявшая отъ жребія несчастный даръ красоты, съ роковымъ вѣномъ безконечныхъ бѣдствій, которыя, печальная, являешь на челѣ своемъ!»

Для чего же ты такъ прелестна, для чего не такъ же сильна? Тогда болѣе страха и менѣе любви внушала бъ ты тѣмъ, которые будьто томятся предъ красотою твоего взора, а вызываютъ тебя на смертный бой.

Альпы возвышаются за нами и грозно глядятъ на красоту земель Италіянскихъ, какъ Готѳы и Вандалы, когда съ вершинъ кремнистыхъ они пали какъ желѣзныя лавины.

Переходъ изъ Тироля въ Италію напоминаетъ мнѣ переходъ средняго и суроваго вѣка въ изящный вѣкъ Медицисовъ. Угловатая сухость очерковъ уступаетъ круглотѣ сладострастной; природа сама есть первый наставникъ граціи въ сей пластической землѣ.

23го Мая послѣ Банако.

Альпы бѣгутъ и синѣютъ какъ туча, какъ тѣнь, какъ небо. За нами раздаются горные припѣвы. Эхо и птицы Альпійскія, наставники тамошнихъ пѣвцовъ, повторяютъ за ними. Но меня зовутъ впередъ другіе звуки, звуки знакомые, родные, звуки арфы Марчелло! Запахъ розъ встрѣчаетъ меня; на всѣхъ розы; даже въ бѣлыхъ волосахъ веселой старухи качаются двѣ розы. Не такъ ли, какъ въ Кашемирѣ, здѣсь нынѣ празднуютъ рожденіе лучшаго цвѣтка изъ цвѣтовъ?

ВИЧЕНЦА. ПАДУА. ТОСКАНА. НІОБА (ВО ФЛОРЕНЦІИ).

Послѣ Виченцы и Падуи. 1829. Природа и воздѣлываніе, все въ Италіи согласно и прелестно для взора. Гирлянды тройныя, многосложныя, по обѣимъ сторонамъ дороги висятъ на деревьяхъ и составляютъ густыя лиственныя сѣти. Онѣ обнимаютъ нивы и межуютъ сосѣднія поля. Конечно Шекспиръ здѣсь бы соединилъ хороводъ своихъ духовъ игривыхъ вокругъ прихотливой волшебницы луговъ, — и прихоти ея здѣсь бы умолкли. — Царица и легкій дворъ ея при свѣтѣ бриліантовой луны то засыпали бы въ веселіи на этихъ свѣжихъ качеляхъ, то пробуждались бы для новыхъ наслажденій. Въ Виченцѣ имя Палладія одно гремитъ надъ будущими развалинами его зданій. Уже валятся украшенія, валятся и камни; въ театрѣ, подражающемъ Греческимъ театрамъ, пыль поднимается подъ стопами любителя художествъ; все брошено, все темнѣетъ.... Одна вѣчно младая природа нѣжной рукой своей неразлучно обнимаетъ изящныя линіи, и надъ разсѣвшимися карнизами то вѣетъ, то горитъ. Такимъ же образомъ малолѣтный внукъ многомыслящаго Гёте ласкаетъ его и обвиваетъ главу сѣдую своими дѣтскими руками.

Падуа, 24-го Мая. Въ Эвганейскихъ горахъ покоится духъ Петрарки. Тамъ онъ доживалъ дни посвященные любви, наукамъ и поэзіи. — Кто сомнѣвается въ его страсти къ Лаурѣ, тотъ не видалъ ни Воклюзы въ южной Франціи, ни Аркуа въ Падуанѣ. Преданія о его любви къ златовласой Авиньонской красавицѣ составляютъ цѣпь романтическую и непрерывную. Отъ самыхъ горъ, сохраняющихъ фонтанъ Воклюзскій, источникъ поэтической страсти, отъ береговъ благоуханной Сорги, до уединенныхъ плодоносныхъ садовъ Аркуа, раздаются имена Петрарки и Лауры. Жалѣю о тѣхъ, которые въ страстныхъ стихахъ его видятъ только мечтанія поэта. Сожалѣю о тѣхъ, которые, въ нѣжныхъ выраженіяхъ Севинье къ многолюбимой дочери, читаютъ приготовленныя письма для будущаго изданія. Сколь обижены природой всѣ тѣ, которые не понимаютъ нарѣчія сердца. *У меня болитъ твоя грудь*, пишетъ мать къ больной дочери. Кто въ этихъ словахъ не пойметъ неумышленнаго изліянія сердца? Какой праводушный читатель не увидитъ отчаянной страсти въ стихѣ Петрарки?

Оставимъ тяжелыя и холодныя изысканія историку и археологу. Да и тѣ должны ли легкомысленно отвергать національныя легенды? Ученые! не разоряйте народнаго богатства, когда ничѣмъ не можете замѣнить его; о томъ васъ проситъ и отечество и поэзія. Самъ мудрый Геренъ пишетъ про ученаго Нибура, старавшагося опрокинуть все принятое до сей поры въ Римской Исторіи: «Острота ума не всегда бываетъ чувство истины».

Виченца и Падуа какъ будьто задумчиво глядятъ на влажную Венецію и ей приносятъ печальную, но драгоцѣнную дань своихъ воспоминаній. — Венеція нѣкогда гордая невѣста Океана! Сколько разъ взоры мои обнимали твои лагуны, острова и гармоническія зданія! Какъ часто я летала по твоимъ каналамъ и мечтала видѣть въ черныхъ продолговатыхъ гондолахъ, то

дни прошедшей твоей славы, то образъ скоротечныхъ ночей Италіянскихъ! Волны морскія могутъ залить тебя, твои дворцы, твои храмы, смыть радужныя краски Тиціана; но имя твое, Венеція, звучитъ на золотой лирѣ Байрона. Стихи великаго поэта есть неприступный, неразрушимый пантеонъ.

Діалектъ Венеціянскій милъ какъ лепетаніе ребенка, и наполненъ, какъ онъ, природною поэзіей. Не видны ли краски Тиціана въ трехъ словахъ сей баркаролы: *dia s'abozza il giorno: Ужъ обрисовывается день.* — «Скоро ли пройдетъ гроза?» — спрашивала я селодня у крестьянина. — «Уже горы свѣтлѣютъ», отвѣчалъ онъ мнѣ — и въ этомъ отвѣтѣ картина. Въ изреченіяхъ простаго Русскаго народа я также находила часто черты поэтическія: «Съ тѣхъ поръ какъ ты съ нами», говорила крестьянка своей госпожѣ, «и солнце яснѣе и воздухъ какъ-то легче». Нѣтъ ли въ этомъ привѣтствіи какого-то восточнаго воображенія на Сѣверѣ? Солнце, тихій воздухъ такъ дороги тамъ, гдѣ снѣгъ полгода покрываетъ спящую землю, что крестьянка ничего не нашла лучшаго сказать своей покровительницѣ, какъ сравнить ея присутствіе съ любимымъ и рѣдкимъ благомъ природы.

Нравъ народовъ говорящихъ діалектомъ Венеціянскимъ, такъ какъ и ихъ нарѣчіе, пріятенъ и привѣтливъ. Они, какъ всѣ Италіянцы, благодарны, привязаны. Кочующіе писатели! пора вамъ мириться съ правдой, пора вамъ не судить о нынѣшнихъ Италіянцахъ по лѣтописямъ средняго вѣка, о Французахъ по преданіямъ временъ регента, Русскихъ же по разсказамъ Маржерета, Ансело или Массона! Путешественникъ, не знавшій языка, обычаевъ, наполненный предразсудками, мимоѣзжій, торопливый, можетъ ли основать какое нибудь сужденіе? Въ дорожной, скучной, пыльной каретѣ, погруженный въ медвѣжью шубу, борющійся съ мятелью и холодомъ, иностранецъ

можетъ ли въ гостинницахъ понять характеръ людей природы? Всякая наука требуетъ времени и таланта; сколько же болѣе нужны они въ познаніи народа и человѣка? — Конечно утонченный умъ можетъ скорымъ взглядомъ поймать нѣкоторыя разбросанныя замѣчательныя черты, ибо каждый народъ имѣетъ свои общія, — согласна; но, чтобъ быть Лафатеромъ народа, нуженъ геній не всѣмъ данный; до правды же каждый мыслящій можетъ достигнуть ученіемъ и глубокимъ наблюденіемъ. Народъ Италіянскій, населяющій малую часть Европы, составленъ изъ стихій столь различныхъ, что можно къ нему примѣнить слова Мицкевича: «Это міръ изъ мозаиковъ, въ которомъ каждая часть дышитъ своею жизнью.

Падуа. Мая 25. Древнимъ Джіотто, законодателемъ правильнаго рисунка, расписана алфреско вся церковь, стоящая близъ Римскихъ развалинъ арены. Головы, выраженія ихъ напоминаютъ кисть Рафаеля, и доказываютъ сколь часто сей ангелъ живописи смотрѣлъ на сухія, но благородныя, произведенія основателя Флорентинской школы. Послѣдній судъ занимаетъ цѣлую стѣну той церкви: отъ Бога Саваоѳа съ одной стороны течетъ на спасенныхъ лучъ благодати; съ другой лучъ гнѣва Господня на осужденныхъ; а Сатана и поглощаетъ и бросаетъ отверженныхъ въ неугасаемое пламя. Тутъ какой-то Папа идетъ на вѣчное мученіе, но, хотя падшій, не теряетъ прежней привычки своего сана земнаго: онъ благословляетъ другаго грѣшнаго, который стоитъ предъ нимъ на колѣняхъ. Глубокая мысль! Сколь часто благословеніе руки не соотвѣтствуетъ благословенію сердца! Сколь часто формы религіи отдѣлены отъ чувства ея и суть ничто иное какъ пустая пелена, содержащая одинъ пепелъ и кости! Но что чувствительнѣе, святѣе искренняго, душевнаго благословенія? Оно падаетъ на главу младенца, какъ роса на нераспущенный цвѣтъ; онъ

залогъ примиренія и прощенія, — и подъ сѣнью чистаго благословенія даже цѣлыя поколѣнія долго цвѣтутъ и красуются.

Въ томъ же храмѣ вдругъ три имени являются памяти; имена Джіотто, Микель-Анжело и Данте. Смотря на послѣдній судъ, кто не вспомнитъ о фрескѣ пророка-художника. — Предметъ одинъ, понятіе не то. Между двумя произведеніями, которыхъ нельзя сравнить въ совершенствѣ исполненія, мы видимъ ту же разницу, какая есть между статуями первыхъ временъ рѣзьбы Греческой и вѣка Фидіаса. Джіотто какъ-то боится дать слишкомъ много движенія своимъ фигурамъ. У него люди безъ страстей и мудрая рука его рисовала послѣдній судъ терпѣливо, безъ страха, безъ порывовъ. Микель-Анжело напротивъ, живописуя тотъ же предметъ, живетъ и дѣйствуетъ въ своей картинѣ, — самъ протягиваетъ скорую руку спасеннымъ, самъ поражаетъ громомъ преступниковъ, ведетъ барку Харона и самъ ужасается лицъ отверженныхъ, явившихся подъ его кистью. Христа же, чтобъ изобразить во всей силѣ, во всей красотѣ, онъ одарилъ чертами Эллинскаго бога солнца, поэзіи и генія. Христосъ у него походитъ на Феба. Мысль смѣлая, но изящная.

Флоренція. Первое желаніе души любящей — изливать въ дружескую душу всѣ впечатлѣнія пріятныя и всѣ чувства очаровательныя, кои я пью съ воздухомъ Италіи. Хотѣла бы излить ихъ въ письмѣ къ другу, но другъ мой въ печали: такъ могу ли напомнить ей о блаженствѣ земли? . . . . Тутъ я вспомнила о знаменитомъ Миланскомъ хореографѣ Виганò. Молчаливая поэзія его балетовъ горѣла духомъ великаго художника и картины его живыя дышали мыслію глубокою. — Супруга и сестра счастливаго Титана, живущая съ семьею своей въ раю земномъ, вдругъ вспомнила о страждающихъ братьяхъ въ Тартарѣ и опечалилась. «Хочу къ нимъ» изъяснилась она «я съ ними повидаюсь и опять буду къ вамъ». — Прощаются съ нею жнѣ-

ныя дѣти и посылаютъ къ страждающимъ Титанамъ цвѣты и плоды, коихъ они тамъ не видятъ. Удаляется мать, сходитъ въ подземное страдалище; мученія встрѣчаютъ ее тамъ и провожаютъ утѣшительницу. — «Вотъ, говоритъ она братьямъ, возьмите, вотъ свѣжіе плоды и цвѣты душистые; они растутъ у насъ, и у васъ нѣтъ ихъ болѣе» .... Но они вздрогнули .... видъ эмблемы забытаго изобилія и земныхъ веселій какъ аспидъ для сердца страдальцевъ.

Тоскана. Пиза, 12го Іюня. Вся Тоскана есть улыбка Все тамъ отвѣчаетъ взору вашему: *мы довольны, мы счастливы.* Берега Арно угощаютъ жителей золотыми колосьями, чернымъ виноградомъ и тучными оливами. Такъ на Горацiевыхъ пирахъ столы гнулись подъ богатыми дарами садовъ и душистые цвѣты вѣнчали чаши пѣнистаго Фалерна.

Вся Тоскана — Виргиліева эклога. Веселыя поселянки, черноглазыя, въ красивомъ убранствѣ, плетутъ солому и готовятъ тѣ легкія шляпы, которыя имъ самимъ служатъ уборомъ; или отправляются въ дальные города странъ заальпійскихъ. Здѣсь набрасываютъ онѣ легкую тѣнь на смуглое чело маломыслящей поселянки. Тамъ на главѣ сѣверныхъ златовласыхъ царицъ онѣ осѣняютъ высокія думы и надъ ними вѣютъ гибкія перья бѣлаго лебедя, или златится райская птица.

Между Сіенной и Витербомъ. 15го Іюня. Какъ молодая дѣва, которая, подходя къ великому старцу-философу, становиться задумчива, такъ прелестная, веселая Тоскана, приближаясь къ границѣ Римской, дѣлается суха, уныла и молчалива. Но и здѣсь благоуханіе дикихъ розъ и генестра провожаетъ путника.

Ніоба (во Флоренціи). Древніе намъ оставили два мраморныя семейства: Лаокоона съ сыновьями и Ніобу, гордую мать прекраснаго племени. Ніоба стоитъ подъ дождемъ острыхъ стрѣлъ; онѣ со всѣхъ сторонъ впиваются въ сына, въ дочь; каждая рана на драгоцѣнномъ тѣлѣ дѣтей ея ранитъ глубоко ея душу; а она, подобно безсмертной, стоитъ нетропутая, и это одиночество ее терзаетъ. Ніоба всѣхъ ихъ ищетъ, зоветъ, обнимаетъ взглядомъ, хотѣла бы всѣхъ спасти, за всѣхъ погибнуть, или составить изъ роковыхъ стрѣлъ для себя и для нихъ одну смертную цѣпь. О какъ бы она предпочла смерть Лаокоона! Онъ погибаетъ, но вмѣстѣ съ дѣтьми; онъ страждетъ за нихъ и съ ними; ихъ вопль сливается въ одинъ вопль; змѣи обвиваютъ ихъ вмѣстѣ и узломъ вѣчнымъ стягиваютъ и утверждаютъ семейныя узы. Какъ море послѣ бури, чело отца еще носитъ слѣды ужаснаго страданія; но въ немъ попеченія и заботы всѣ погасли. — А Ніоба, въ полнотѣ жизни и силы любви, все вдругъ теряетъ. Красота и бодрость, которыхъ она чаяла безсмертными въ дѣтяхъ, валятся вокругъ нея, какъ легкіе цвѣты, свѣваемые вѣтромъ. Несчастная! вѣнецъ лавровый, которымъ ты гордо наряжалась, притянулъ на тебя внезапный перунъ. Не скрывайся подъ покровъ матери, невинная! Мщеніе, сладострастная радость безсмертныхъ, тебя и твоихъ избрало цѣлью ихъ стрѣлъ. Серебряный лукъ, пославшій смерть Пиѳону, теперь натянутъ на тебя. Богиня ловитвы угощаетъ далекомещущаго брата новою охотою; но дѣвы и юноши замѣнили оленей и кабановъ.

Дочь Ніобы! не взывай къ небу: отвѣтъ на твою молитву.... стрѣла. Куда бѣжитъ сестра твоя? — Сгибы легкіе летящаго хитона, какъ облако обвивающаго станъ ея, не остановятъ ли стрѣлу? — Нѣтъ, — взоры лучезарные ужъ устремились на нее, и она пала пронзенная.

Не поднимай своей руки, не скрывай главы, юноша неопытный! — Хоть бы плащъ твой былъ щитъ желѣзный — и тутъ не спасти ему тебя отъ гнѣва безсмертныхъ!

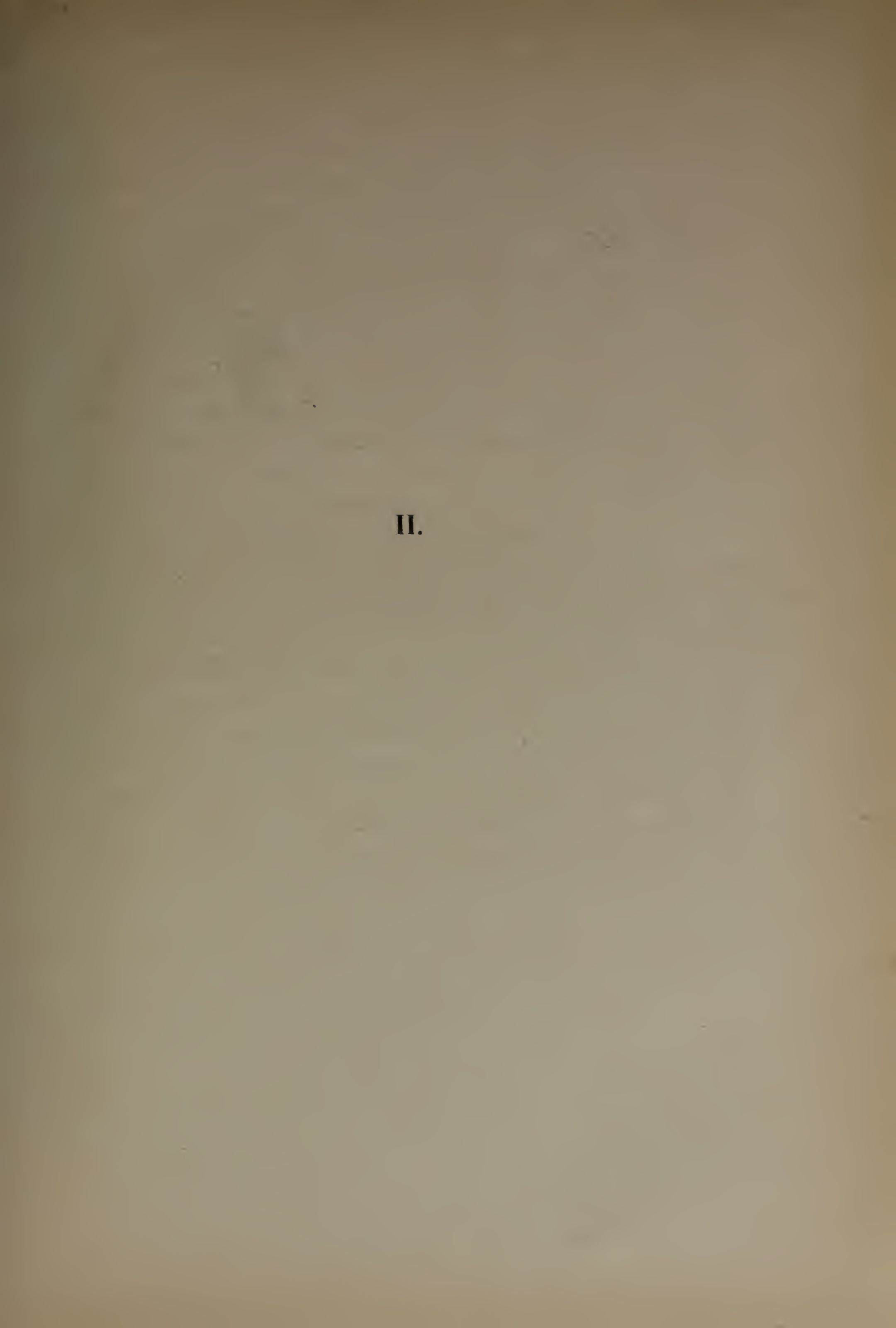
Но какая участь ожидаетъ осиротѣлую мать послѣ погибели дѣтей? — Жить ей нельзя, умереть даже — мало.

Живописный и глубокомысленный геній Грековъ вообразилъ для нея конецъ, сообразный съ ея безпримѣрнымъ несчастіемъ; вопль и нареканія долго текли изъ устъ измученной матери какъ лава кипящая; но вотъ все погибло, все молчитъ, ужъ стрѣлы не валятся, и гордая Ніоба сдѣлалась матерью недвижнаго семейства, . . . и замолкла какъ погасшій волканъ: все волненіе, весь жаръ, весь огонь, все истощено ужаснымъ изверженіемъ. Она стоитъ оцѣпенѣлая. — Теплая любовь, взоры заботливые, страхъ и слезы, рѣчи грозныя и мука, — все изчезло, окаменѣло. Одна гордость при ней: въ образѣ горы, увѣнчанная пепломъ, Ніоба скрываетъ въ облакахъ свое пасмурное жерло. — Какая участь была бы приличнѣе для Ніобы? Куда бъ ей укрыться отъ Феба, отъ троеликой Гекаты? — Дни, ночи, вселенная для нея наполнена пронзительными стрѣлами. Теперь какъ курганъ, воздвигнутый въ честь своихъ чадъ, она стоитъ одинокая, безчувственная, безплодная.

Несчастія Ніобы напоминаютъ мнѣ приключеніе, случившееся на Черномъ Морѣ, недалеко отъ Одессы. Живое описаніе трогательнаго событія раздается еще и нынѣ въ моемъ сердцѣ. Жена одного консула, окруженная своимъ молодымъ семействомъ, благословляла вѣтеръ попутный, надувавшій бѣлые паруса и стремившій корабль къ желанному брегу. Ужъ скалы Одесскія желтѣлись предъ глазами радостныхъ путниковъ; хутора зеленѣлись, и жизнь многоплеменнаго народа встрѣчала ихъ послѣ долгаго странствованія по пустынной дорогѣ. Вдругъ небо задернулось черною тучею; море поснѣло и факелы небесные засверкали вокругъ подвижнаго катафалка, несшаго осужденныхъ на смерть... Но мнѣ ли описывать вихри и кораблекрушенія? — Арфа барда морей еще звучитъ надъ океаномъ, и эхо всѣхъ земель, на всѣхъ парѣ-

чіяхъ, повторяетъ его бурные звуки... Предметъ моей повѣсти — мать и дѣти: скажу же я съ Корреджіо: anch' io son pittore! — и пишу смѣло. — Уже несчастная знаетъ близкую погибель; она выбѣжала на палубу, и дѣти за нею; вѣтеръ рвется въ платьяхъ, въ шелковыхъ власахъ невинныхъ, и лица ихъ поминутно ими застилаются; а мать, устремя на дѣтей взоръ прощальный, удаляетъ то одежду, то власы, чтобы ни одна черта любимая не была скрыта отъ жадныхъ ея взоровъ. Ужасное движеніе корабля бросаетъ ихъ наземь; все вокругъ рвется, ломается, трещитъ; вездѣ море, вездѣ смерть; но опять семья соеденилась на трясучихъ доскахъ. Мать взглянула на чадъ своихъ, на пропасть, на небо — и въ душѣ ея вдругъ раздалось отчаяніе; но въ той же душѣ другой голосъ зазвучалъ и отвѣчаетъ любовью и молитвой. Три взгляда на дѣтей, на пропасть, на небо опять помирили ее съ покорностью. «Умремъ вмѣстѣ» кричитъ она. Но вдругъ роковая волна ихъ разлучила; она бѣжитъ, ползетъ, бросается, хватаетъ дѣтей, хотѣла бы во второй разъ запереть ихъ въ свое чрево. — «Умремъ вмѣстѣ!» повторяетъ она, и вотъ шаль свою длинную сбросила съ плечъ, обвила ею дѣтей вокругъ себя, связала ихъ крѣпко, опоясалась ими и улыбнулась. До послѣдней минуты, до послѣдней волны она молилась, и бурный мракъ и гибель казались ей нестрашны. Послѣднія слова ея были: «мы вмѣстѣ». Ее ангелы земные вознесли на небо къ ангеламъ роднымъ и къ матери небесной.

II.

НА КОНЧИНУ ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ.

1826.

Уже мечта твоя свершилась!
Вторичный бракъ исполненъ твой.
Ликуй! ты съ нимъ соединилась;
Онъ въ храмѣ вѣчности съ тобой!

ПОРТРЕТЪ.

(въ Альбомъ).

Кто сей смертный, коего чело, кажется, увѣнчапо горестнымъ воспоминаніемъ, даже среди шума веселій! Ужели онъ одинокъ на землѣ? Нѣтъ! Взоры друзей устремлены на него и останавливаются на немъ, какъ бы онъ былъ средоточіемъ ихъ мыслей. Или жизнь ему надоѣла?.. Во глазахъ его выражается грусть, въ улыбкѣ насмѣшка. — Можетъ быть, подобно Байрону, и онъ преслѣдуемъ злобою и завистію? Можетъ быть, струны сердца его оборваны, и, подобно разбитой лирѣ, оно уже не издаетъ никакихъ звуковъ? Или, какъ тяжкая цѣпь на рабахъ, совѣсть не отягощаетъ ли его мыслей? Но нѣтъ: душа его свободна, чиста: онъ можетъ безъ укора смотрѣть на добродѣтель; благородный поступокъ, великодушіе; все что истинно, все что прекрасно, плѣняетъ, восхищаетъ его. Внимаетъ ли онъ трогательной, но величественной гармоніи: онъ исполняется святой радости, — святой, ибо она меланхолическая. Тогда покои нисходитъ на его взволнованную душу, тогда геній его упоенъ божественными звуками, тогда онъ самъ — весь гармонія. — Но произнесли одно слово, и радость его исчезла: глаза его неподвижно остановились па

томъ предметѣ, который они созерцали; багровая краска вспыхнула на его ланитахъ... Это быстрое и торжественное пламя огнедышащей горы! — Что-же это за могущее слово? Не было ли оно произнесено какою-нибудь волшебницей при его рожденіи, и не перемѣнитъ ли оно теперь его судьбы? — Я спрашиваю.... Кто-то назвалъ при немъ страну чуждую.... чуждую для насъ, священную для него.... Тамъ его мать отирала первыя слезы; тамъ сердце его впервые любило; тамъ преданія лелѣяли его геній; тамъ думы и отечество создали въ немъ поэта! —

Сколько чувствъ, сколько воспоминаній, сколько жизни въ одномъ словѣ! Юный дикарь, перенесенный въ Европу, видитъ растеніе своего острова; онъ бросается къ нему, восклицая: Отаити! Отаити! Онъ цѣлуетъ его и не можетъ отъ него оторваться: такъ душа чужеземца повторила имя родной земли. Литовскій вѣтръ ударилъ въ струны этой Эоловой арфы! Тогда пѣвецъ лѣсовъ запѣваетъ пѣснь лѣсовъ; онъ открываетъ свою душу, онъ развиваетъ свою думу; онъ обращается равно ко всѣмъ; во всѣхъ онъ видитъ только братьевъ. Выраженія его сжаты, но исполнены страсти и силы. Его отечество съ жадностію внимаетъ симъ отдаленнымъ звукамъ; оно собираетъ его поэтическія вдохновенія и гордится симъ народнымъ геніемъ, ибо оно всегда и вездѣ озаряетъ и воспламеняетъ его.

Такъ огненный столпъ озарялъ народъ Божій въ пустынѣ; такъ Греческія колоніи переносили отечественное племя въ страны чужія.

Примѣчаніе. Этотъ *портретъ* написанъ въ 1828 году въ Москвѣ. Помнящіе то время вѣроятно не забыли, съ какимъ сочувствіемъ принятъ былъ Польскій поэтъ въ высшемъ кругу древней столицы. Наши молодые литтераторы привѣтствовали его посланіями въ стихахъ. — Мицкевичъ оставался съ ними въ короткихъ сношеніяхъ, пока онъ, сдѣлавшись политическимъ выходцемъ, прервалъ узы прежней дружбы съ поклонниками не только его поэтическаго достоинства, но и чувства его одушевляющаго.

МОЕЙ ЗВѢЗДѢ.

Звѣда моя! свѣтъ предреченныхъ дней,
Твой путь и мой судьба сочетаваетъ.
Твой лучъ свѣтя звучитъ въ душѣ моей;
Въ тебѣ она завѣтное читаетъ.
И жаръ ея, твой отблескъ вѣрный здѣсь,
Гори! гори! не выгоритъ онъ весь!

И молніи и тучи невредимо
Текутъ, скользятъ по свѣту твоему;
А ты все та жъ.... чиста, неугасима,
Сочувствуешь ты сердцу моему!
Такъ въ брачный день встрѣчаются два взора,
Такъ въ пѣніи отвѣтствуютъ два хора.

Звѣзда души безъ суетныхъ наградъ
Преда́нности, участій сердобольныхъ,
Волненій, слезъ, младенческихъ отрадъ,
Звѣзда надеждъ, звѣзда порывовъ вольныхъ,
Заботъ души, сроднившихся со мной,
Звѣзда моей мелодіи живой!

Звѣзда моя! молю мольбой завѣта!
Когда въ очахъ померкнувшихъ любя,
Зовущій лучъ ужъ не найдетъ отвѣта,
Молю, чтобъ ты, пріявъ мой жаръ въ себя,
Свѣтя на тѣхъ, кого я здѣсь любила,
Хранящій взоръ собою замѣнила!

Римъ. 1831.

КНЯЗЮ П. А. В.

НА СМЕРТЬ ЕГО ДОЧЕРИ.

Въ стѣнахъ святыхъ она страдала,
Какъ мученица древнихъ лѣтъ;
Страдать и жить она устала;
Ужъ все утихло.... дѣвы нѣтъ!

И Кипарисъ неперемѣнной
Стоитъ надъ дѣвственной главой...
Свидѣтель тайны подземельной,
И образъ горести родной!

Ты ѣдешь... но ея могилу
Оставишь мнѣ не сиротой:
Такъ солнца замѣняетъ силу
Лучъ мѣсяца въ ночи святой!

Римъ. 1835.

III.

СКАЗАНІЕ ОБЪ ОЛЬГѢ.

СКАЗАНІЕ ОБЪ ОЛЬГѢ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Воды Чудскаго озера, надувшись отъ проливныхъ дождей, плескали шумно съ берега, и продолжительный гулъ раздавался въ глубинѣ болотистыхъ лѣсовъ, на востокѣ отъ озера. Холодный сѣверный вѣтеръ потрясалъ до самыхъ корней ивы и березы.

. . . .

Старикъ (Варягъ) привязываетъ свой челнокъ къ ветхой ивѣ. Его бѣлая борода и длинные волосы чисто расчесаны, а дочь его, свѣжая какъ малина, проворно бросается за легкой ладьею, которую уноситъ вѣтеръ: вотъ она ее догнала, прыгнула въ нее, достигла берегъ и возлѣ отцовскаго челнока привязала свою лодку. — «Дочь моя, свѣтъ, — промолвилъ старикъ, — лишь только я слышу этотъ свистъ, этотъ глухой шумъ, я тотчасъ вспоминаю родину да море! Пропой, голубушка, нашу пѣснь отъѣзда: я многимъ пѣснямъ научилъ тебя, и ни одна такъ мила мнѣ какъ эта. Какъ затянешь ее, куда дѣнутся мои морщины! дышется будто легче, словно бывалая крѣпость въ

рукѣ! кажется схватился бы опять по старому съ богатырями! Такъ наши боги молодѣютъ въ Валгаллѣ, когда вкушаютъ яблоко на золотомъ блюдѣ, подносимомъ Идуной. — Еще помню тотъ день, когда Веренидъ, островскій Скальдъ, впервые пропѣлъ намъ эту удалую пѣснь. Мы оплывали скалы, гдѣ наши пловцы находятъ прозрачные камни [1]), — любимый нарядъ нашихъ женъ, — которые купцы чужеземные развозятъ по царскимъ дворцамъ. Ужъ мы ихъ довольно понабрали и поворачивали къ полудню, какъ вдругъ у Торгатена [2]) спустился на насъ густой туманъ: ни зги не видно; того и гляди ударился объ высокія скалы; ни плытъ, ни статъ, кабы ни одинъ старый морякъ: любо съ стариками, вездѣ пригодятся! Тотъ кстати припомнилъ мѣсто, провелъ насъ въ губу, гдѣ мы и пристали.

Мы взобрались на крутой утесъ и всѣ растянулись по сѣрому граниту: любо, словно пуховикъ мягкій. Черныя сосны вѣнцемъ висѣли надъ головами: высоко мы были надъ моремъ, высоко надъ туманомъ. Нашъ Скальдъ разохотился и сталъ пѣть про скалы, про лѣса, про туманы земные, про бури на Океанѣ: все то подумаешь въ его пѣсни рисовалось, что быль старая въ рунахъ. Я слушалъ чутко: пѣсни да музыку всегда я любилъ: всегда завидывалъ тому, кто красно пѣть умѣетъ, а товарищей только что убаюкали тѣ сладкія пѣсни: они ужъ и уснули. Помню, какъ Скальдъ взглянулся на нихъ спесиво и вдругъ громко запѣлъ пѣснь отъѣзда. Только что услыхали пѣснь родную, всѣ вдругъ подняли сонныя головы, подобрали оружіе, надѣли шеломы и стали смотрѣть на Скальда духомъ и глазами. Эту-то пѣснь я тебѣ научилъ. Спой же, дочь, спой ее!»

Пѣснь Скальда.

(Ея нѣтъ въ рукописи.)

---

[1]) Агатъ. — [2]) Торгатенъ, нынѣ Гельголандъ.

Между тѣмъ два воина выходили изъ лѣсу. Пѣніе дѣвы остановило шаги ихъ. Они слушаютъ. На головѣ одного шлемъ съ острой челенкой. Свѣтлая и волнистая борода его играетъ по алымъ устамъ, какъ желтые листья осени дрожатъ надъ кистями рябины. Длинные и густые волосы кудрятся изъ-подъ шлема; суконная одежда застегнута острыми мѣдными запонками; за поясомъ кинжалъ съ выгнутой рукоятью; въ рукѣ лукъ. Другой, гораздо старѣе, въ одеждѣ смурой, шерстяной, вооруженъ дротикомъ, а за плечами у него колчанъ, полный стрѣлъ: Шлемъ его гладокъ, безъ прикрасъ, и сѣдая борода его обливаетъ широкую грудь. Богатырская пѣснь юной дѣвы напоминаетъ ихъ воображенію обычаи тѣхъ людей Сѣверныхъ, коихъ кровь течетъ въ ихъ жилахъ. Каждый стихъ врѣзывается въ память молодаго, какъ соха врѣзывается въ землю. Эта пѣснь воскрешаетъ въ немъ всѣ повѣсти, слышанныя имъ въ дѣтствѣ.

Но вотъ высыпаетъ изъ лѣсу толпа охотниковъ на коняхъ мелкихъ, но сильныхъ и бойкихъ, и въ нѣсколько минутъ покрыло берегъ озера. Въ одно мгновеніе ожпвилось ближнее село; заскрипѣли ворота, калитки, изъ нихъ выбѣжаютъ жены и дѣти видѣть зрѣлище, давно невиданное. Дряхлые старики высовываютъ головы въ окошки, и спрашиваютъ: отъ чего та тревога? Рыбаки, лежавшіе на берегу, просыпаются въ испугѣ. «Что за чудо?» говорятъ они; «ужъ не Стрибогъ ли грозный нашелъ на наши домы?» — «То стража Новогородская! Ѣдетъ за данью!... по бѣлкѣ со двора!... а можетъ быть и съ брата! Дѣлать нечего! видно придется на много дней покинуть сѣти, работу, да и гонять съ сучка на сучокъ, съ дерева на дерево, этихъ кикиморъ хвостятыхъ, что тѣшутся нашимъ горемъ. Давно эти Варяги не являлись на нашъ край.... каковъ будетъ поборъ!... Ахъ! было времечко! не знали мы барина, ни Кривичи, ни Чудь, ни Славяне....» — «А кто жъ воротилъ ихъ? Кто жъ захотѣлъ ихъ помощи? Кто?» спросилъ молодой бойкій рыбакъ. — «Вы же, старики! Вы! Вы одни!» подхватили

другіе голоса, и сильная ссора закипѣла въ толпѣ. «Тише, братья, тише!» прервалъ одинъ старшина, «не равно услышатъ! Стрѣла полетѣла, не поймаешь; слова назадъ не воротишь! Дѣлать нечего; пустило деревцо корни глубоки да крѣпки!» — Всѣ примолкли, и спокойно, поднявъ руки, стали дожидаться, что велятъ господа наѣзжіе.

Иныя мысли наполнили душу стараго судовщика. По звуку мѣднаго рога, по оружію, по языку, онъ узналъ Норманновъ. У него потекли слезы. Онъ вспомнилъ о Труворѣ, о своей молодости, времени битвъ.... Дочь старика стояла между тѣмъ неподвижно какъ бы онѣмѣлая. Сердце ея сильно бьется, но чѣмъ? Страхомъ или радостью? Она сама не знаетъ. Она никогда еще не видала такого множества людей вооруженныхъ и коней! »Бѣлъ-Богъ!» говоритъ она сама себѣ, кто эти богатыри?»

Молодой охотникъ приблизился къ старику, и дѣвица стала за отца, чтобы избѣгнуть взглядовъ чужеземца. «По твоей одеждѣ,» сказалъ сей послѣдній перевощику, «по твоимъ волосамъ расчесаннымъ и длиннымъ, вижу, что ты не Славянинъ.» — «Правда твоя» отвѣчалъ старикъ, «я Варягъ, и Труворъ называлъ меня своимъ вѣрнымъ бойцемъ. Когда три сына Рулафовы поѣхали за море въ здѣшнюю сторону равнинъ и лѣсовъ, и я также поѣхалъ за княземъ любимымъ.

«Онъ сталъ жить на крутомъ берегу Сходницы, близъ холмовъ, тамъ гдѣ вытекаютъ ключи Славянскіе. Тутъ среди недруговъ, которые насъ призвали и намъ не вѣрили, въ вѣчномъ страхѣ за жизнь Трувора, я свѣдалъ покой только тогда, какъ не стало моего князя, но тогда же свѣдалъ и горесгь лютую.» Тутъ онъ замолчалъ и пролилъ слезы. «Старикъ!» отвѣчалъ ему молодой охотникъ, «ты говоришь что былъ оруженосецъ Трувора, а плачешь какъ баба! Уйми свое горе. Я племянникъ твоего князя; иди служить мнѣ: буду тебѣ братомъ-господиномъ.» Тогда блѣдныя щеки стараго Норманна покрылись незапною краскою, какъ зимой загораются огни на снѣжномъ полѣ.

«Свѣтлое ты племя Одиново! Чистая твоя кровь богатырская!» восклицалъ онъ, прижимая ко груди руки Игоря. Сынъ Рюрика, охотникъ до разсказовъ, сталъ распрашивать его о происшествіяхъ его жизни. «Сядемъ» сказалъ онъ, «садись и ты, пѣвица-красная! Чего боишься и прячешься? Садись со мной рядышкомъ. Лукъ что-ли тебя пугаетъ? Вотъ его откину....» Дѣвица покраснѣла, подняла лукъ, положила его между собою и Игоремъ, и сѣла подлѣ князя.

«Такъ ты хочешь вѣдать были моей жизни, Рюриковичъ!» сказалъ старикъ. «Жизнь моя была ратная, Норманская. Вся моя молодость прошла на моряхъ широкихъ. Бывало въ битвахъ стоишь всегда съ первыми храбрецами, и прикажетъ Король Морской, сломить башню вражью, такъ первый запалишь. Кто не воюетъ, пусть дремлетъ! говорятъ наши удалые. Такъ и я: бывало какъ придется стоять въ пристаняхъ, чинить суда, иль ждать времени мореходнаго, я спалъ по цѣлымъ днямъ безъ просыпу. Но только товарищи подымутся дать знакъ отъѣзда, покой мнѣ станетъ тошенъ, хожу все въ шеломѣ, и кровля отцовская опротивила какъ паръ безъ браги; а вотъ — какъ бывало старикъ мой соберется съ голосомъ, да станетъ разсказыватъ про дѣла сыновъ Одиновыхъ, на дальнихъ моряхъ, такъ только тогда забудешь на время скучное бездѣлье!» — «Разскажи, разскажи, «прервалъ молодой Игорь,» что тебѣ отецъ сказывалъ про дальнія моря.» — «Пожалуй, дай подумать, князь. — Авось все вспомню, дочь! А ты, слушай.» Тутъ старикъ помолчалъ — и началъ:

«Отецъ мой не разъ видалъ ту сторону, что такъ богата конями породы доброй, на какихъ и Валькиріямъ [1]) не стыдно бъ было выѣхать въ своихъ синихъ латахъ. Въ той сторонѣ мертвецы уносятъ пастуховъ и новорожденныхъ младенцевъ и распѣваютъ въ пещерахъ на всѣ голоса земли. Слыхалъ ли ты, Рюриковичъ, про того Царя-исполина [2]), что одинъ оборонялъ

[1]) *Валькирьи* — богини посылаемыя Одиномъ за падшими въ битвахъ. — [2]) Карль Великій.

земли запада и полудня? Его очи были что два солнца, видѣли днемъ и ночью, и съ востока на западъ, съ полуночи на полдень онъ носился быстро какъ вихорь. Заклятый онъ былъ врагъ Одина, какъ Одинъ страшенъ въ битвахъ, и, какъ Одинъ, вѣдалъ хитрость волшебную. Захочетъ имѣть миръ со врагами, начертитъ только руны рукоятью своего меча чародѣйскаго, и враги станутъ ему братьями. Былъ у него зáмокъ золотой и бани, гдѣ онъ купался со всѣмъ своимъ народомъ, и гордость онъ имѣлъ такую, что назывался Царемъ Запада, какъ будто въ его земляхъ ночуетъ солнце.

«Все то слышалъ отъ моего отца, который проѣхалъ много странъ и видѣлъ много земель. Его память была, что могильные камни на кладбищѣ Моры [1]) съ надписью именъ и былей. Онъ часто похвалялъ мнѣ великіе острова [2]), гдѣ жены бѣлы и прекрасны, что Фрея [3]) златослезая: а мужчины имѣютъ мышцы крѣпкія, бороду короткую, и волосъ свѣтлый какъ у насъ. Тѣ народы горазды на кулачный бой кровавый, и какъ наши братья хвалятся тѣмъ что умирая смѣются. Въ пѣсняхъ величаютъ они нашего Одина, но боговъ чтутъ иныхъ, не нашихъ. Какихъ-то Азовъ своихъ хоронятъ они въ могилахъ и въ каждую зарываютъ золото, серебро и всякаго добра хоть бы живому Королю морскому. Вотъ наши такъ умнѣе не отдаютъ ржавчинѣ, да сырой землѣ никакого сокровища. Храбрецы наши изъ дома выѣдутъ въ латахъ старыхъ да ржавыхъ, а пріѣдутъ въ броняхъ блестящихъ, въ цѣпяхъ золотыхъ; всѣ обвѣшаны сребромъ и златомъ.... да все это ничего!... Слушай же, Князъ! Охъ! молодые глаза! все смотрятъ не туда!»

Дѣвица покраснѣла. Игорь придвинулся къ старцу, и этотъ опять заговорилъ живѣй.

«Наскучились наши богатыри по островамъ воевать. Узнали землю иную. Тамъ гдѣ вино варятъ иль настаиваютъ: ужъ не знаю. Помню въ дѣтствѣ, отецъ унималъ мои слезы, обѣщая

---

[1]) Близъ Упсалы. — [3]) Великобританнія и Ирландія. — [2]) Богиня Любви.

показать мнѣ ту землю гдѣ плоды текутъ напиткомъ, отъ котораго веселье разливается по жиламъ! Послѣ и самъ увидáлъ я эту страну хваленую: пивалъ вино и красное и бѣлое и зеленое и пѣнистое. Тому питью нѣтъ равнаго!»

«Что жъ отецъ мой,» прервалъ Игорь, «не поселился въ той землѣ гдѣ пьютъ такъ сладко? А здѣсь проживешь вѣкà молодые при кружкѣ одного пива или меда!»

«Рюрикъ былъ мудръ и разуменъ,» — отвѣчалъ старикъ, — «онъ зналъ что земля Франкская не всегда была безопасна для сыновъ Сѣвера. У нихъ водятся земные боги; лежатъ въ гробахъ богатыхъ, и тѣ мертвые не разъ спасали города. Покойный отецъ мой разсказывалъ, что самъ видѣлъ какъ вынесли на ограду какого-то города гробъ весь серебромъ кованный. Наши глядѣли во всѣ глаза. Вдругъ открылся гробъ: вышелъ оставъ исполинскій въ блестящихъ латахъ, въ вѣнцѣ золотомъ. Глаза его на насъ засверкали какъ двѣ луны, вертѣлись во всѣ стороны и вдругъ грянули на насъ кости словно градъ [1]).

Мы бѣжали, а вождя нашего вовсе не нашли.»

«Стало, — сказалъ Игорь, — не всегда наши побѣждали: Одинъ не помогъ.»

«Всегда, — отвѣтилъ старикъ. — Страхъ возьметъ Франковъ лишь завидятъ наши ладьи да сбруи синія. Добычи и плѣнныхъ у насъ собиралась бездна, всегда: суда чуть топутъ подъ ними! а ты, Рюриковичъ, не гнѣви Одина! дурно будетъ. Вы Одина нашего забыли тамъ въ Кіевѣ. То-то и бѣда!»

«Не сердись, старикъ, — возразилъ Игорь, — «весело и хорошо слушать тебя. Скажи кто былъ твоимъ первымъ вождемъ, отецъ мой, или дядя Труворъ?»

«Тогда еще ни отецъ твой, ни дядя Труворъ не имѣли ни судовъ ни дружины: сами слушались Короля морскаго. Все узнаешь въ очередь. Слушай:

[1]) Чудотворныя мощи Св. Мартина въ Турѣ.

«Одинъ богатырь сѣверный былъ страхомъ земель и морей, и разорялъ богатую сторону Франкскую. Наши скалы и лѣса давно уже привычны были вторить имя Гастинга, давно наслушались его отъ Скальдовъ, что пѣли его славу. Часто его дружина заѣзжала на берега наши, набирать молодыхъ воиновъ. Одинъ изъ нихъ посмѣйся надъ моимъ короткимъ волосомъ: я вызвалъ его на бой; ему полюбилось мое хватство, и мы стали братьями назваными. Каждый надрѣзалъ себѣ руку; мы смѣшали кровь свою въ знакъ того братства, и съ той поры я дѣлилъ его долю. Отецъ мой далъ мнѣ броню, щитъ и ладью. Ко мнѣ пристали два мои брата; многіе Шведы снарядили свои суда и вмѣстѣ съ нами поѣхали вслѣдъ за людьми Гастинга; а того Гастинга, повѣришь, одно имя давало вѣру и надежду. Путь нашъ былъ полетъ птичій; въ немного дней наши суда легкія примкнули къ полку Гастинга, какъ рѣки пропадаютъ въ Океанъ-Морѣ.»

Гастингъ, не правда ли», прервалъ живо Игорь, «былъ росту огромнаго?»

«Высокъ какъ ты«, отвѣчалъ перевощикъ, «не выше.... но на широкихъ плечахъ могъ сдержать двухъ воиновъ сбруйныхъ. Глаза его были страшны, какъ взоръ Тора, когда глядитъ на змія ядовитаго; густыя брови вѣчно нахмурены, а мысль его скрытна что земля, да и богата какъ земля.

«Въ первый разъ я увидѣлъ его, — то было вечеромъ, — сидѣлъ онъ на ладьѣ опрокинутой, на песчаномъ берегу; кругомъ его товарищи все старые, и указывалъ онъ имъ звѣзды небесныя, называлъ каждую своимъ именемъ.

«Не забыть минѣ въ жизнь того перваго урока! Всю ночь мнѣ снилось, летаю межъ тучами звѣздъ, онѣ брызжутъ на меня искрами, а самъ Гастингъ великою луною на меня гладитъ; и всю-то ночь я съ нимъ пробесѣдовалъ на небѣ.»

«Тотъ Гастингъ,» снова прервалъ Игорь, «много ли повѣстей про себя разсказывалъ?»

«Онъ рѣдко говорилъ про себя», отвѣчалъ старикъ; «но какъ ужъ примется разсказывать, то разсказъ во вѣки не выйдетъ изъ памяти. Иные хвастаютъ тѣмъ, что никогда не пьютъ у очага подъ кровлею, а онъ такъ тѣмъ похвалялся, что никогда не пьянъ, коли не изъ черепа злодѣя. Любилъ онъ только дочерей князей могучихъ, убитыхъ его собственной рукой, и тѣ сироты-дѣвицы миловали его, какъ будто бы онъ никогда не дотрогивался до отцевъ ихъ.

«Когда мы пріѣхали на берегъ Франковъ, Гастингъ только что воротился съ одного славнаго похода; всѣ его ратники были по горло въ золотѣ, и весело раскладывали на показъ свою добычу; мы, какъ запоздали, такъ и проводили дни праздные въ скукѣ. Пить яблочную воду, которой много въ той сторонѣ, только было нашей забавой; но въ томъ питьѣ нѣтъ хмѣлю, а пить не напиваться, ребячья забава. Однимъ днемъ нѣсколько полоненныхъ Франковъ попытались бѣжать; тутъ пошла сѣча, какой я не вѣдалъ дотолѣ; и первый бранный крикъ мой былъ крикъ бѣшеный. Ярость богатырей Гастинговыхъ взяла насъ всѣхъ; рубили безъ разбору мужей и женъ, по деревьямъ и камнямъ; ничто не осталось на мѣстѣ передъ нами, а за нами потокомъ потекли кровь и пламя. Помню еще тоярое бѣшенство, что въ ту пору всего меня разобрало: оно походило почти на радость. Но оно было сильнѣе въ странахъ полуденныхъ: тамъ солнце жжетъ что пожаръ, произаетъ насквозь; тамъ гнѣвъ былъ мнѣ въ обычай.»

— «Да, да!», сказалъ Игорь, «говори мнѣ о Югѣ, говори о томъ великомъ городѣ, гдѣ, сказываютъ, палаты золотыя, стогны выстланы коврами багряными, и одежда вельможъ блеститъ что небо звѣздное. Много чудесь разсказываютъ о немъ наши купцы Кіевскіе.» [1])

— «Ты говоришь о другой сторонѣ, Рюриковичъ. Купцы Кіевскіе не вѣдаютъ о тѣхъ земляхъ, гдѣ бились наши витязи.

[1]) Игорь говоритъ о Византіи.

Надо быть Норманномъ, чтобы пройти Океанъ во всю длину его. Клянусь Одиномъ и Ніордомъ! Славяне и видомъ не видали Океана.»

— «А какой же то другой Полдень?», спросилъ Игорь.

— «Тотъ иной Полдень, то земля, куда не пройти никому кромѣ сыновъ Одиновыхъ....» Тутъ старикъ, прошептавъ нѣсколько словъ о нетерпѣніи молодежи, продолжалъ разсказъ свой: «Есть земля за Океаномъ [1]), гдѣ солнце мечетъ стрѣлы огненныя, гдѣ лѣса льютъ благоуханье, гдѣ деревья носятъ плоды златые. Въ той землѣ живутъ два народа: одни утѣснены, другіе сильны и могучи [2]). Тѣ Ярлы окутываютъ свои безвласыя головы въ пестрыя ткани. Ихъ жены живутъ затворницами въ клѣтяхъ златыхъ, дыша дыханіемъ водометовъ. Ихъ старшины вѣдаютъ волшебство, изучаютъ звѣзды небесныя, лѣчатъ недужныхъ. Сказываютъ, будто сіи мудреные люди пьютъ на пирахъ какой-то жидкій огонь. На ихъ знаменахъ и оружіяхъ видны руны волшебныя, и сначала они ими отбивались отъ насъ; но тогда еще не Гастингъ водилъ насъ; какъ онъ явился, не въ помочь имъ стала ихъ чародѣйская хитрость.»

— «А зачѣмъ же, прервалъ Игорь, ходили вы туда безъ вашего вѣщаго витязя?»

— «Гастингъ, отвѣчалъ перевощинъ, какъ трижды окрасилъ въ червонную краску рѣки Франковъ, какъ трижды погромилъ ихъ домы градомъ Одиновымъ, то и оставилъ вранамъ и волкамъ воевать въ ихъ поляхъ съ мертвецами, а самъ отъѣхалъ домой. Мой братъ названый отшелъ на пиръ Губителя, и я съ товарищами сталъ сражаться подъ знаменемъ инаго Короля Морскаго. Тогда въ первый разъ увидѣлъ я Великое море. Какъ хорошъ онъ показался мнѣ, Океанъ широкій! Я вдыхалъ въ себя его вольный воздухъ и забылъ, что есть земли на свѣтѣ. Но какъ завидѣли мы берегъ, меня снова взяла

---

[1]) Испанія. — [2]) Мавры.

жажда грабежа. Тамъ, у смуглаго народа, есть свѣтлый городъ [1]), блестящій тысячами красокъ, расписанный рунами и осѣненный цвѣтами, высокими и густыми, что наши сосны иль дубы....»

— «А Гастингъ?», прервалъ Игорь.

— «Гастингъ былъ далеко, ужъ я разъ говорилъ тебѣ, Рюриковичъ. Тебѣ бы все про одного разсказывать!»

— «Да», отвѣчалъ Игорь, «дѣла богатыря великаго сладки моему слуху. То ли дѣло смотрѣть, одинъ орелъ летитъ, али пожалуй цѣлое стадо лебединое.»

— «Не таковъ же былъ твой дядя», сказалъ вздохнувши старикъ. «Труворъ любилъ слушать повѣсти моей жизни; часто заставлялъ пересказывать молодыя дѣла мои, и не прерывалъ моихъ рѣчей.» — Тутъ Варягъ замолчалъ и, подумавъ нѣсколько минутъ продолжалъ: «Такъ Гастингъ, — ужъ коль надо про одного его разсказывать, — Гастингъ явился снова на Франкскомъ берегу, и мы снова къ нему пристали; у меня ужъ росла борода густая. Но съ твоимъ нетерпѣніемъ пропустишь много лѣтъ, много дѣлъ славныхъ. Такъ Гастингъ сказалъ намъ однажды: Поѣдемъ воевать великій городъ Полудня! [2]) Всѣ радостно повторили голосъ воеводы, и мы поплыли по морямъ широкимъ. Ужъ проплывали двадцатую ночь, и вотъ лучи всходнаго солнца сверкнули намъ въ глаза, и мы очутились въ проливѣ, что проводитъ Океанъ въ море полуденное. Плѣшивыя головы не стали насъ дожидаться; ихъ пустые города и села повалились подъ нашими ударами, словно дерева съ горъ подъ топоромъ дровосѣка. Весь берегъ, острова сосѣдніе, и сухія и знойныя равнины страны противуположной услышали воинскій крикъ нашъ, и страшное имя Гастинга, и свистъ нашихъ стрѣлъ.» Впередъ, сказалъ намъ воевода однимъ вечеромъ: еще далеко великій городъ [3]). Слышите! морскія жены зовутъ насъ на грабежъ новый. Слышите, какъ воетъ вѣтеръ!» — Впередъ! отдали дружины и берегъ. Не долго мы плыли,

[1]) Севилья. — [2]) Римъ. — [3]) Они были въ Лунѣ, въ Тосканѣ.

какъ завидѣли высокія стѣны города, что мы зовемъ нашей богатой невѣстой: много жениховъ сѣверныхъ богатила она издавна своимъ приданымъ. Пора была ночная; мы сошли на берегъ. Гастингъ одинъ въ легкой ладьѣ поѣхалъ опознавать пристань и стѣны, тускло освѣщенныя мѣсяцемъ, и воротившись сказалъ: «Нѣтъ, братья, не станемъ взбираться мы на тѣ стѣны; больно высоки онѣ, и ихъ башни, что исполины не боятся, на бой вызываютъ. Приложимъ лучше умъ на хитрость и авось дѣло сладимъ.» — Съ самаго разсвѣта одинъ Датчанинъ-старикъ и одинъ Скальдъ, разумѣвшіе языкъ южный, пошли къ Царю города и просили у него пристанища для сѣверныхъ пловцевъ, занесенныхъ бурею, измученныхъ трудомъ. «Нашъ больный воевода при смерти,» сказали они, «а онъ долго жилъ между Христіанами, любитъ ихъ обрядъ и желаетъ, чтобы передъ смертью жрецы ваши облили его святою водою вашихъ храмовъ.» — Пусть придетъ, и со всѣми товарищами,» отвѣчалъ Царь. «Да тронется ихъ сердце его примѣромъ.» На тотъ отвѣтъ, какъ воротились послы, между нами поднялся громкій хохотъ. Мы наскоро сложили носилки изъ веселъ и вѣтвей, и Гастингъ протянулся на нихъ, прикидываясь больнымъ, что обманулъ бы любаго хитреца. — Входимъ въ пристань: на берегу насъ встрѣчаютъ Царь, жрецы и толпа народа. Больнаго понесли къ крытому расписанному колодцу, надъ которымъ стоялъ кумиръ юной жены съ младенцемъ на рукахъ, и она увѣнчана была звѣздами золотыми. Жрецъ поднялъ къ ней взоры, облилъ водою голову Гастинга и провелъ надъ тѣломъ его какіе-то знаки волшебные. Тогда народъ, что рой пчелъ, жужжащихъ около кади съ медомъ, забормоталъ невнятныя рѣчи, повелъ насъ въ пустой замокъ на берегу моря и тамъ оставилъ. Тутъ мудрый нашъ Гастингъ, наскучивъ долгимъ притворствомъ, всталъ, отряхнулся, что волкъ, смоченный дождемъ, и велѣлъ распустить слухъ о его смерти. «Иди, сказалъ Скальду, иди къ Царю, и повѣсти ему: «Не стало-де вождя нашего. Исполни желанье умершаго. «Такова была послѣдняя рѣчь его: Умираю христіаниномъ. Да

«схоронятъ меня новые братья мои въ одномъ изъ храмовъ сво-«его града. Да отнесутъ меня мои вѣрные товарищи въ мое «послѣднее жилище, и не отступаютъ, пока земля не скроетъ «меня отъ глазъ людей.» — Онъ вѣрно согласится, прибавилъ «Гастингъ, вѣдь христіане слушаютъ мертвыхъ. Тогда сходи за «однимъ изъ тѣхъ ковчеговъ, въ которые они кладутъ трупы, «и принеси товарищамъ черныхъ одеждъ, въ какія одѣваются «христіане на похоронахъ.»

Все вышло какъ угадывалъ Гастингъ. Мы скрыли мечи и свѣчи подъ широкими плащами. Гастингъ, въ латахъ, въ шлемѣ, съ мечемъ при бедрѣ, лежалъ, и не двигался, что корабль на мели. Мы шли тихо, опущены головы, пасмурны видомъ, среди толпы безчисленной. Уже были подъ стѣнами города; входимъ: быстро глянули — высокія палаты, громадные храмы, куча Ярловь, богато одѣтыхъ; добрая добыча! сказалъ себѣ на умѣ каждый изъ насъ, мигнули другъ другу, и всѣ поняли. Вотъ отворились врата Великаго храма; грустный звукъ мѣди загудѣлъ надъ нашили головами. Мы стали передъ жертвенникомъ ихъ бога, сложили мертваго и окружили его. Закурился ладанъ, зажглись свѣчи; злато и сребро ослѣпили наши взоры. И вотъ затянули погребальную пѣснь жрецы въ черныхъ одеждахъ; а Гастингъ поднялся. «Одúнъ! закричалъ онъ, Одúнъ! мы повторили, и блеснули мечи въ рукахъ нашихъ. Какъ не бывало главнаго жреца, попадали Ярлы подъ ударами, и тотчасъ ограблены. Жены, дѣти кричатъ; насъ пуще беретъ ярость. Рубимъ всѣхъ, ходимъ въ крови. Одни забираютъ изъ храма все, что блестѣло, злато, сребро, каменья и одѣяніе драгоцѣнное. Другіе бросились по улицамъ, убивали встрѣченныхъ, грабили дворцы, храмы, мечети, а что бросятъ, зажгутъ. Народъ со всѣхъ сторонъ несся къ морю и гибъ, убѣгая смерти. Мужей, женъ, дѣтей, добычу, все вмѣстѣ мы стащили въ суда, и какъ покинули берегъ, то надъ городомъ стоялъ крикъ и пламя, и городъ былъ гробомъ народа. Намъ привычно было такое прощанье; но скоро надоѣли вопли

нашихъ плѣнниковъ; — крикуновъ мы бросили въ море. Другіе потише пѣли пѣсни печальныя. Нѣтъ, Рюриковичъ, не слыхатъ тебѣ ничего слаще тѣхъ пѣсень мужей полуденныхъ: ихъ голоса были пріятны, что ровные плески веселъ по тихому озеру. — И мы плыли, гордясь обильной добычей и красными плѣнницами: ихъ черныя очи, что ихъ земля жаркая, горѣли огнемъ диковиннымъ. Веселье, любовь, злато, пьянство — за всѣмъ тѣмъ мы забыли морскіе страхи. А насъ поджидала буря при входѣ въ Океанъ; забила черными крыльями, и въ мигъ разомчала. Вотъ открылось небо; то огненные духи ударятъ громомъ въ хладные вѣтры, то вѣтры дохнутъ тяжко на духовъ огненныхъ. Взвился Великій змѣй въ морской пучинѣ, и суда наши поднялись къ тучамъ. Наконецъ-то проглянулъ день, день ясный, какому быть на возрожденіи міра. Я было заснулъ съ отчаянія, а проснулся, —увидѣлъ челнъ свой на морѣ тихомъ. Гдѣ жъ товарищи? Гдѣ Гастингъ? За нами и передъ нами одна зыбь морская. Ужъ людей была половина въ нашемъ суднѣ; наши рабы, красныя рабыни побросаны въ жадную бездну. Оставался одинъ плѣнникъ, мужъ полный знанія, вѣдавшій хитрость Эйрину [1]), умѣвшій цѣлить болѣзни, призываніемъ богини, которую именовалъ Дѣвой Скорбящихъ. Часто онъ звалъ ее, и тогда, сказывалъ, становилось легче его горе. Такъ-то, послѣ многихъ трудовъ и ненастій, мы увидѣли наконецъ троебашніе храма Одинова, что стоитъ надъ святыми древами [2]), а тѣ древа политы людскою кровью. Бѣсы великихъ городовъ, говаривалъ мнѣ старый отецъ мой, тамъ и боги злѣе, чѣмъ на нашихъ скалахъ — и правда его! Хуже люди, хуже и боги въ богатыхъ жилищахъ.

Какъ вышли мы на берегъ, то пошли въ замокъ королевскій, и повели своего плѣнника въ даръ Королю. Короля Карла тогда снѣдала лихорадка. День и ночь былъ онъ окруженъ Друидами и чародѣйками. Сидя у его изголовья, тѣ

---

[1]) Эйра, богъ медицины. — [2]) Близъ Упсалы.

жены своими пѣснями напрасно убаюкивали его боли; напрасно чертили на цѣлебныхъ листахъ руны смысла тайнаго, имъ однимъ вѣдомыя. Тусклоокая Гела[1]) день и ночь копала темное жилье для новаго гостя.

Лишь завидѣли насъ Друиды, то и схватили плѣнника. «Вотъ кровь! закричали, бросимъ его камень жертвенный! Богъ надышится пара той крови, и насъ помилуетъ.» Карлъ, лежа на волчьей кожѣ, приподнялъ томную голову и повелъ по насъ померкшими глазами: «Владыко Шведовъ! воскликнулъ мужъ полудня, «тебѣ возвратится здравіе, но даруй мнѣ жизнь, если желаешь спасти твою.» Больной, оживясь надеждой, остановилъ жрецовъ, влекшихъ жертву, и просилъ у плѣнника скорыхъ лекарствъ. «Избавь меня отъ смерти,» говорилъ онъ, «люблю еще утѣхи жизни, люблю солнце надъ главою, цвѣты и мураву подъ стопами. Жаль покинуть любовь и пиры; если умереть, лучше погибнуть въ битвѣ. Продли мои дни, и какъ брата, надѣлю тебя богатствомъ.» Иноземецъ влилъ въ питье и пищу недужнаго горькаго сока одного растенія, коего листы вырѣзаны какъ вѣнцы королей нашихъ. Оно растетъ въ мѣстахъ сухихъ, и когда Трувора постигла лютая болѣзнь, я вспомнилъ про ту траву, но не сумѣлъ найти ея на незнакомой землѣ. Теперь свѣдала ее моя дочь, сушитъ и раздаетъ недужнымъ здѣшняго края, но ужъ она давно не надобна Трувору.

И Карль не умеръ. Друиды и чародѣйки, не умѣвшіе исцѣлить его, были выгнаны изъ за́мка. Сказываютъ, будто сіи дщери смерти, вмѣстѣ съ жрецами, замыслили ковъ, извести Короля и чужеземца, и что нерѣдко острый ядъ вливался въ королевскую чашу, намѣшанную нашимъ плѣнникомъ. Но его зоркое око мигомъ проницало злодѣйство и отводило бѣду. Король сдержалъ слово, осыпалъ его достаткомъ. «Безъ тебя, говаривалъ онъ часто, не видать бы ужъ глазамъ моимъ солнца, и ле-

[1]) Богиня смерти.

жать бы мнѣ въ поляхъ рядкомъ съ дѣдами.» Мужъ полуденный украсилъ древнее жилье королей, распестрилъ письмомъ, и Скальды острововъ наѣзжали дивиться тѣмъ чертогамъ.

— «У насъ въ Кіевѣ, прервалъ Игорь, нѣтъ ничего подобнаго. Зачѣмъ Олегъ не держитъ такого же мудреца съ полудня? Вѣдь онъ Князь и богатъ, можетъ что хочетъ. Дай мнѣ быть княземъ! Ужъ будутъ у меня на палатахъ крыши златыя, и въ палатахъ письмо пестрое. Тогда, красавица, пришлю тебѣ ожерелье свѣтлое что снѣгъ на солнцѣ.» Въ глазахъ молодой Варяжки блеснула радость, и рука ея невольно прикоснулась шеи.

— «Но скажи мнѣ, старикъ, продолжалъ Игорь, гдѣ лежатъ кости Трувора? Я бъ сходилъ на его курганъ, задалъ бы на немъ пиръ товарищамъ; пробѣжали бъ мы кругомъ его на борзыхъ коняхъ, и стукнулись мечами, прокричавъ громкимъ голосомъ.»

— «Сдѣлано все въ свое время, отвѣчалъ перевощикъ, соблюдены всѣ обычаи отцевъ нашихъ. Слушай, Рюриковичъ, не мѣшай. Въ городѣ Карловомъ, въ Упсалѣ, я впервые увидѣлъ Трувора. Ихъ было три брата. Рюрикъ былъ разуменъ, суровъ и храбръ; Синеусъ искусенъ на играхъ, быстро леталъ на конькѣ, ловко боролся; но Труворъ, мой вождь любимый, лучше его стрѣлялъ изъ лука. Хитрый онъ былъ звѣроловъ, и на пирахъ, бывало, другіе выпьютъ пиво по рогу, а онъ осушитъ два. И Королъ Шведскій любилъ имѣть его въ гостяхъ, и на разлукѣ подарилъ ему чашу глубокую изъ рога турья. Она изукрашена златомъ, янтарями и каменьями красными что вино Франкское. Та чаша теперь моя; ее далъ мнѣ Труворъ умирая; ее вложутъ мнѣ въ окостенѣлыя руки, когда скуетъ ихъ Гела. Сходи за ней, дочь. Знаешь, она виситъ у меня въ головахъ. Налей въ нее меду, что берегу для дорогихъ гостей, и поднеси племяннику милаго князя.»

Дѣвица пошла, и скоро воротилась съ чашей, полной напитка пѣннаго и золотистаго какъ ячмень зрѣлый. Игорь

осушилъ ее однимъ духомъ, не сводя глазъ съ румяныхъ щекъ Варяжки; потомъ отдалъ старику, который, поворачивая ее во всѣ стороны, сталъ показывать гостю ея рѣзьбу и прикрасы. «Ее унесъ одинъ Норманъ, прибавилъ онъ, изъ храма Арконскаго, у бога Свѣтовида. Кажись, въ рукахъ держалъ тотъ богъ Славянскій, а не умѣлъ удержать.»

Тутъ отдавъ чашу дочери, старикъ продолжалъ:

«То было на одномъ пиру, гдѣ разогрѣлись наши головы и развеселились сердца. Игорь позвалъ меня съ собою, поѣхали, и съ той поры я не покидалъ его, пока не развела насъ земля сырая.....»

— «А богатъ ли тотъ городъ Изборскъ, гдѣ княжилъ мой дядя? Хорошо ли выстроенъ?»

— «То было прямое гнѣздо воронье, какъ мы пришли въ него. Ужъ твой дядя научилъ дикарей строить жилья покойныя, крыть крышами капища кумировъ, обводить плетнями сады и домы. Себѣ онъ выстроилъ за́мокъ и кругомъ крѣпкую стѣну дубовую.»

— Да зачѣмъ же не пошелъ онъ въ Кіевъ?» спросилъ Игорь. «Вотъ городъ! вотъ рѣка!»

— «А затѣмъ что твой отецъ смыслилъ дѣло княжеское и разумомъ леталъ напередъ всѣхъ, что журавль передъ журавлинымъ стадомъ. Насъ оставилъ у ключей Славянскихъ, чтобъ мы обороняли землю отъ племенъ сосѣднихъ. Дики онѣ были что волки, а хитры что злые карлы; за одно съ Изборжцами разоряли наши работы, разбивали орудія, травили лисицами дворы и голубятни. Ужъ разъ было и постыла эта жизнь дружинѣ, надоѣло вѣчно быть на сторожѣ; поднялся громкій ропотъ, и всѣ задумали оставить твоего дядю. «Развѣ съ тѣмъ мы бросили семьи свои, боговъ и море, говорили они, чтобъ жить безкрылыми орлятами, что изъ гнѣзда не смѣютъ вылетѣть? пауками висѣть на своей паутинѣ? чтобъ работать работу военную за враговъ своихъ? Не тѣ ль племена насъ выбрали въ оборону и начальство, и они же насъ щиплютъ, и

смѣются надъ нашимъ оружіемъ, хоть и взглянуть на него не смѣютъ въ чистомъ полѣ. Ихъ дочери нами гнушаются, и гадкій Чудинъ имъ милѣе что ни храбраго изъ Варяговъ. Покинемъ эту сторону; не дождемся здѣсь второй зимы.»—Я услышалъ тѣ жалобы и разсказалъ вождю: я не роталъ съ другими и думалъ всегда его думою. «Постой, черезъ два дни, сказалъ Труворъ, задамъ пиръ дружинѣ. Скажи ей собраться съ утра въ новой храминѣ, гдѣ виситъ наше оружіе. Вели изготовить лось, что я убилъ тѣмъ копьемъ. Чтобъ черезъ край лилось медъ и пиво, и трещали бы столы подъ мясами!» Въ услугахъ любимому князю я бывалъ, что скорая тѣнь облака; съ самаго вечера замостилъ столы и лавки въ урочной хороминѣ и натаскалъ дубовыхъ ведеръ съ пивомъ и медомъ. Два прислужника испекли на камняхъ, раскаленныхъ угольемъ, лось, убитую Труворомъ, свинью, быка и дикихъ утокъ. Побожиться тѣмъ вепремъ, что каждый день нараждается съизнова на столѣ Одиновомъ, никогда наши Варяги не видали такого угощенья. Гости всю ночь дожидались пира, и по утру, какъ расчесали волосы и бороду, пришли къ вождю. Диво ихъ взяло, какъ увидѣли такой избытокъ. Труворъ самъ раздавалъ хлѣбы, мяса, напѣнивалъ пива въ свой рогъ туриный, пускалъ по рукамъ и приговаривалъ по обычаю: Во здравіе тебѣ и мнѣ! — На половинѣ столованья онъ спросилъ: «Братья! хотите ль меня покинуть, вашего товарища на битвахъ и пирахъ?» — «Нѣтъ! нѣтъ! всѣ закричали, мы тебѣ вѣрны» и дружно брались за святыя запястья. Скоро пиво отшибло разумъ у веселыхъ сыновъ Одиновыхъ, и ужъ ни говору не стало слышно, ни криковъ веселыхъ, а только шумъ кипучаго меда и пива, да стукъ кубковъ, которые валились изъ рукъ на полъ. Я, во все время пированья, долженъ былъ стоять подлѣ вождя; но какъ увидѣлъ его пьянство, то и самъ ободрился, повѣсилъ на стѣну свое оружіе и сталъ пить, сколько было мочи. Голова моя горѣла, сердце ликовало. Уже я не видѣлъ, не слышалъ, и какъ опомнился, то мои товарищи и Труворъ еще спали, кто обло-

котясь на столѣ, кто растянувшись на лавкѣ, средь ведеръ опрокинутыхъ и остатковъ пира.

Долго былъ бы ладъ между нами, когда бы Локкъ-пагубникъ не привелъ въ Изборскъ одного посланца твоего родителя. Тотъ смутилъ наше спокойствіе. «Братья ваши, говорилъ онъ, живутъ въ довольствѣ на берегахъ Славянскаго озера, и нашъ новый городъ наполняется, что ни день, все новыми купцами, а съ ними приходитъ и избытокъ. Ловлею добываемъ мы мѣха многоцѣнные, и наши озера кипятъ рыбою. Къ Варягамъ нашимъ наѣхали жены и дѣти, а молодые наши ратники берутъ себѣ женъ изъ дѣвъ Славянскихъ. Онъ презиралъ нашъ бытъ, наши жилища, нашу землю, даже смѣялся надъ Княземъ. Разъ я было зарѣзалъ его, да удержали. И наша дружина захотѣла жить въ городѣ отца твоего. Многіе оставили Трувора; другіе безпрестанно грозили тѣмъ же. Труворъ сохъ съ тоски, что стебелекъ подкошенный. Ни въ ловлѣ, ни даже въ пьянствѣ не находилъ потѣхи. Напрасно звалъ я Эйру, лилъ слезы наземь,— какъ будто бъ тѣ слезы могли вырастить Трувору зелье цѣлебное; — мой Труворъ умеръ. Старая рабыня-Чудинка, и прежде служила ему усердно, и тутъ одна со мною поплакала надъ трупомъ. Надѣла ему на голову мѣднаго змѣя, что называла своимъ домовымь богомъ; мы сожгли тѣло съ конемъ и оружіемъ, никто изъ насъ не умѣлъ рѣзать рунъ; такъ одинъ Изборжецъ нарубилъ топоромъ кое-какіе знаки на камнѣ, которымъ мы накрыли его могилу. Ратъ Трувора не дождалась и конца его, насъ покинула: только немногіе старые воины отдали послѣднюю честь вождю. Были игры на его могилѣ; я переломилъ на ней копье, да и простился навѣкъ съ Изборскимъ замкомъ, съ его томными холмами и съ остальными товарищами. Тѣ было звали меня съ собой, а я говорилъ имъ: «Идите себѣ биться съ Финскими колдунами, ѣшьте съ ними сосновую корку вмѣсто хлѣба, ищите новаго Князя. А мой въ землѣ: не послужу иному! Не сидѣтъ ему за столомъ Одиновымъ, не проходить по семицвѣтному мосту, такъ и

я пойду за нимъ въ царство тумановъ. Тутъ поклялся я девятью ранами Одина, не бывать больше въ битвахъ, не брать въ руку меча. Я бросилъ его въ желѣзные ключи Смолки и говорилъ «Имѣй цвѣтъ ржавчины, какъ эти воды.» Когда же онъ пропалъ изъ глазъ, я не оборачивался къ башнямъ замка, не слушалъ издѣвокъ товарищей, что будто хочу праздности и покоя, и побрелъ къ озеру Чудскому. Намъ, людямъ сѣвернымъ, знаешь, всегда милы широкія воды да сосны шумныя. Въ отцовскій домъ идти ужъ было нельзя; я, какъ уѣзжалъ, уступилъ его одному родственнику, и тотъ бы мнѣ его не отдалъ: такъ я и положилъ жить съ рыбаками Чудскаго озера. Сталъ припоминать пѣсни родныя, слагать новыя, и ходилъ съ лютнею изъ села въ село, изъ дому въ домъ, какъ Скальдъ, не какъ тѣ Скальды, что живутъ въ городахъ и въ богатыхъ палатахъ, да величаютъ только Королей да Ярловъ; — а я славилъ гостепріимство тѣхъ простолюдиновъ, что всегда давали мнѣ мѣсто у очага своего. Бывало увижу, рыбакъ закинетъ неводъ, — сулю ему пѣснью богатый ловъ; пастухъ пасетъ стадо тучное, дать ему привѣсокъ отъ ока завистливаго; давалъ ихъ и звѣроловамъ отъ лѣшихъ и русалокъ; а встрѣчу молодаго охотника съ многою дичью, такъ тотчасъ назову кречетомъ, злодѣемъ косаго зайца, самъ побѣгу впередъ повѣстить его семьѣ, что воротился-де хозяинъ, и часто бывало выбѣжитъ его мать, обмететъ снѣгъ съ моей одежи, да подастъ кубокъ меду. Разъ, то было порою красной ягоды, зашелъ я въ село пастушье, и моя пѣснь, хоть я ужъ старъ былъ, полюбилась первой красавицѣ того села. Я отдалъ за нее все, что собралъ дотолѣ пѣснями, и вотъ въ мою руку, черствую отъ работы и оружья, положилась ея рука мягкая, — лебединый пухъ. И сталъ я жить у отца ея, помогалъ ей пасти стада. Но коротко было мое счастіе, пролетѣло, что тѣнь птицы летящей. Она умерла и завистливые братья ея выгнали меня изъ дома отцовскаго. Взялъ я на руки дочь свою и пошелъ искать пріюта у здѣшняго озера. Тутъ жена одного рыбака, добрая и тихая, что лѣтній дождь,

сжалилась надъ нами, и приняла насъ въ свою семью, пока не срубилъ я своей хижины и не развелъ своего очага. Съ тѣхъ поръ моя дочь — вся моя радость и слава. Сколотилъ я и лодку; научилъ дочь править весломъ, и скоро дочка стала крѣпче и хитрѣе отца. Прямая Варяжка! въ легкомъ суденышкѣ не боится никакихъ бурь, а въ оттепель, въ послѣдніе зимніе дни, гуляетъ себѣ весело по льду озера, хоть такъ и хруститъ подъ легкими ножками. И въ лѣсу-то ей не страшно, — страшно только боговъ и отца....»

«Какіе же то боги?» прервалъ Игорь. — «Тебѣ вѣдомо,» отвѣчалъ старикъ, «что наши дѣти должны разумѣть вѣру Славянскую. Такъ велѣлъ отецъ твой, и такъ велитъ Олегъ. Дочь моя приноситъ жертвы Перуну [1]) и Волосу [2]), но знаетъ и имена всѣхъ нашихъ Азовъ, всѣ ихъ дѣянія, и чтобъ не забыла, часто заставляю пересказывать.» Тутъ перевощикъ положилъ руку на голову дочери и, смотря на нее съ довольствомъ, хотѣлъ ужъ заставить ее повторить имена всѣхъ боговъ Норманскихъ; но Варяги Игоревы окружили Князя и требовали повелѣній. Игорь, съ неудовольствіемъ отводя взоры съ дочери перевощика, далъ знакъ обѣда. Эхо повторило острый звукъ рога и слилось съ голосомъ охотниковъ, сзывавшихъ жителей села, и съ продолжительнымъ воемъ усталыхъ псовъ. Между тѣмъ какъ рыбаки закидывали неводы въ озеро, перевощики приготовляли суда для перевоза Игоря и дружины на противный берегъ. «Не спрашиваютъ подати» шептали они между собою, «а вѣдь это сынъ Рюриковъ! Давайте же! исполнимъ скорѣе его приказы. Овцы цѣлы, какъ волки сыты.» — Скоро вытащили сѣти, наполненныя проворными карпіями и серебристыми синьцами. Женщины села приносили гостямъ дикаго меду, брусники, голубицы и квасу, между тѣмъ какъ куча дѣтей, спрятавъ руки въ широкіе рукава рубашекъ, внимательно смотрѣли на Игоря и слѣдили всѣ его движенія. Послѣ стола,

---

[1]) Перунъ, богъ молніи. — [2]) Волосъ, богъ стадъ, у Славянъ.

старый конюшій Игоревъ пошелъ распрашивать жителей, какой дорогой ѣхать.

«Игорь», говорилъ онъ, «посулилъ вѣщему Олегу лисицъ, а до сихъ поръ мы находимъ только бѣлокъ да зайцевъ. — «Тѣ лѣса, что ведутъ къ Новому-городу, полны полнехоньки лисицъ и волковъ», отвѣчали нѣкоторые перевощики, «но коль хотите завтра день охотиться, то съ вечера переѣзжайте на тотъ берегъ. Два дни будете идти, а тамъ придете въ лѣсъ Перуновъ; тутъ, смотрите, не троньте ни мухи. Черезхолмной дорожкой пройдете въ землю Ильменскихъ Славянъ, и тамъ-то накричатся вдоволь луки ваши.»

Нетерпѣливые Варяги снова окружили вождя, и снова раздался звукъ рога. Собакъ и коней поспѣшно сводятъ въ ладьи. Время утихло, и гребцы затянули пѣсню живую и вмѣстѣ грустную, подобно характеру сихъ полудикарей. Игорь искалъ глазами перевощиковой дочери, увидѣлъ ее стоящую въ ладьѣ, и она показалась ему водяной дѣвой того озера. Онъ сошелъ въ легкую ладью, сѣлъ подлѣ; они наплыли.

«Румяная красавица», сказалъ онъ ей, «зачѣмъ отецъ твой живетъ въ такихъ мѣстахъ суровыхъ? Зачѣмъ не придетъ съ тобою на святые берега Днѣпровскіе? Тамъ воздухъ тепелъ и легокъ, рѣка течетъ межъ песковъ серебряныхъ и зеленыхъ горъ; тѣ горы поросли цвѣтистой бузиной и молодымъ орѣшникомъ. Олегъ зоветъ меня сыномъ. Слушаетъ просьбъ моихъ. Я приведу къ нему добраго старика твоего, и онъ осыплетъ его достаткомъ. А тебѣ, красавица, будетъ веселѣе съ дѣвами Кіевскими, чѣмъ съ здѣшними рыбаками. Поѣдемъ со мною; и твой отецъ за нами поѣдетъ, и никогда не разстанется со мною».

— «За тобою идти!» отвѣчала дѣвица, «нѣтъ, батюшка не пойдетъ за тобою; когда умиралъ твой дядя, онъ поклялся не служить другому князю, и та клятва сильнѣе твоей воли.»

— «Ни одна дѣвица», продолжалъ Игорь, «не приходилась мнѣ такъ по сердцу, какъ ты, красавица. Теперь безъ тебя будетъ тошно. Поѣдемъ со мною!»

— «Не могу», отвѣчала она, «ты не супругъ мнѣ; не приносилъ за меня выкупа отцу; передъ нами не стояла хлѣбъ-соль; ни чей голосъ не гласилъ именъ нашихъ въ свадебной пѣсни; мы чужіе другъ другу; не могу.»

— «Будетъ все. Пришлю выкупъ отцу твоему, и пропоютъ хороводы наше имя, и будетъ стоять передъ нами хлѣбъ-соль; только хочу: будь мнѣ женою!»

— Что ты это вымолвилъ, Игорь? Да развѣ Олегъ не властенъ надъ тобою и надъ нами? Буду твоей женою, пойду за тобою въ Кіевъ, а Олегъ приметъ меня позорно? Позоръ, знаешь, злѣе стрѣлы смертной. Тогда ужъ не посмѣю показаться на глаза отцу, и буду какъ волчица, что рыщетъ по лѣсамъ, людей бѣжать. Вѣстимо», продолжала она, изъ бѣдной дочери перевощика стать супругой Князя.... да не твоя воля.»

— «Не моя воля», шепталъ про себѣ Игорь, чуть не скрежеща зубами «не моя воля, а я сынъ Рюрика. Убей меня Перунъ, коли допущу, чтобъ тебѣ былъ позоръ, красавица. Не моя воля... да и не рабъ же я. Хочу имѣть тебя за собою, будешь моею....» Тутъ онъ остановился, подумалъ объ Олегѣ, и вздохнулъ отъ досады. Дѣвица, слушая Игоря, забыла грести. Крики другихъ перевощиковъ напомнили ей, что ея ладья удаляется отъ берега, къ которому все плыли. — «Послушай,» продолжалъ Игорь, взявъ ее за руку, «называйся съ сего дня жъ Ольгою, во имя моего дяди. Меня ему отдалъ на руки отецъ мой, какъ умиралъ, носи жъ то имя, и жди, пока ворочусь. А я буду скоро у Олега, скоро пришлю выкупъ твоему отцу; тогда ты назовешься моей милой женою, и во всю жизнь не разстанемся.» Дѣвица гордо посмотрѣла вокругъ себя, потомъ положила руку въ руку Игоря, и твердымъ голосомъ обѣщала быть только Игоревой супругой.

Еще разъ плавалъ челнъ по волѣ вѣтра, ибо еще разъ остановились весла. Но дружина Игоря, уже ступившая на берегъ, крикнула имя княжеское. Ольга снова начинаетъ грести. Ужъ они близки къ берегу. Скоро разстанется съ

нею сынъ Рюрика, но прежде чѣмъ разстался, еще разъ называетъ ее именемъ супруги. Онъ вышелъ на берегъ, сѣлъ на коня и удаляется съ дружиною. Ольга, неподвижная, въ тайномъ смущеніи радости, слѣдуетъ взоромъ за своимъ молодымъ Игоремъ. Вдали еще узнаетъ челенку его шлема въ толпѣ ловчихъ.

Ужъ простерлась тѣнь по водамъ и берегу; но молчаніе ночи долго смущено то глухими голосами перевощиковъ, возвращающихся домой, то шумомъ волнъ подъ ладьями, то стадами лосей, бросающихся въ озеро отъ волковъ голодныхъ. То залаютъ псы селенія, то пролетитъ запоздалая птица, ища ночнаго пріюта, иная проснется въ потемкахъ; — все сливалось въ одинъ дикій, невнятный шумъ, въ какую-то странную, задумчивую гармонію. Дѣвица тихо ведетъ назадъ ладью отцовскую, но часто обращаетъ голову къ берегу, который отъ нея бѣжитъ. Тамъ кой-гдѣ зажглись огни, вокругъ нихъ блистаютъ латы. Вотъ, кажется, черный образъ воина отдѣлился отъ прочихъ; кажется, смотритъ на озеро. Но все смѣшивается, исчезаетъ. Ольга причалила наконецъ къ берегу, привязала лодочку къ ветхой ивѣ и воротилась въ хижину отца. Вокругъ нея царствовали сонъ и безмолвіе, но она еще долго повторяла имя, данное ей въ залогъ любви, въ воображеніи слушала еще рѣчи сына Рюрикова, гуляла по цвѣтистымъ берегамъ Днѣпровскимъ, вся увѣшанная дарами молодаго супруга, — она не смыкала глазъ всю ночь, словно сторожъ на подъемномъ мостѣ какого замка.

СКАЗАНІЕ ОБЪ ОЛЬГѢ.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Мѣсяцъ освѣщалъ низкую хижину Варяга-перевощика и зыбкія волны озера. — Наступила пора долгихъ ночей; давно отлетѣли въ теплые края перелетныя птицы, давно вороны и галки слетались стадами изъ лѣсовъ подъ кровли сельскихъ хижинъ; снѣгъ, окрѣпшій отъ мороза, хрустѣлъ подъ стопами конскихъ копытъ, а легкія сани, едва чертя слѣдъ, летали.

Кончены работы; вотъ пора гаданья, игрищъ и свадебъ! Каждый день веселая толпа собиралась въ просторнѣйшей хижинѣ села. Тамъ, на посидѣлкахъ, молодцы затѣвали игры, молодицы пряли, пѣли, славили *Вайзгантоса*, бога дѣвъ, и *Ладу*, богиню свадебъ. Старухи садились у очага; однѣ гадали, глядя на зажженую березовую лучину; другія, въ кругу мущинъ и женщинъ, у которыхъ лица показываютъ вниманіе и вѣру, толковали сны, разсказывали про добрыя и злыя встрѣчи, про оборотней и про юныхъ рыбаковъ, пропавшихъ въ озеро и унесенныхъ на дно Водянымъ дѣдомъ. Дѣвицы и парни, любовь на умѣ, собирали въ деревянное блюдо ожерелья и кольца, вынимали подъ пѣсни, и пѣсни гласили имъ то свадьбу, то дальній

путь, то богатство, то скорую смерть. Не разъ и Ольга, задумавшись, опускала въ то блюдо, со вздохомъ тяжелымъ, свое запястье или привѣску съ ожерелья, и не разъ пѣсня сулила ей жениха молодаго, богатаго и знатнаго. Тогда она шла поспѣшно домой, въ свою бѣдную хижину, и тамъ все дышало для нея надеждою и мечтами.

Но проходило время, а не было слуху ни объ Игорѣ, ни объ Олегѣ. Старикъ не замѣчалъ грусти дочери. Она, по прежнему, въ точности исправляла всѣ дѣла свои, говорила мало и скрывала тоску отъ его взоровъ. Но ея краски бѣжали съ ланитъ, и слабый ея голосъ уже не пробуждалъ отголосковъ озера. Если, въ угодность отцу, она затягивала иногда пѣснь объ отъѣздѣ, то частое біеніе сердца захватывало ей духъ, и звуки замирали на устахъ ея. Такъ водопадъ тяжелый, кипучій, шумно валитъ на камень, заглушая пѣсни рыбака на берегу сосѣднемъ.

Снѣгъ блеститъ отъ солнца. Воздухъ ледянъ, воды недвижны, и казалось бы, что смерть все окутала въ свой широкій бѣлый саванъ, если бъ карканье воронъ и крикъ галокъ не свидѣтельствовали еще о какой-то жизни.

Но кто жъ возмутилъ безмолвіе лѣса? Отъ чего вдругъ посыпался снѣгъ съ этихъ вѣтвей согбенныхъ? Отъ чего заяцъ бросился въ глубокій ровъ? — Въ сію глушь проникла юная дѣва. Съ трудомъ идетъ она по глыбамъ снѣга, гдѣ тонетъ ея нога, пробирается между густыхъ вѣтвей, которыхъ еще не разнимала рука человѣческая. Красноватый свѣтъ показался глазамъ ея. «Благословенъ Перунъ и Одинъ!» сказала она, испустивъ долгій вздохъ, дотолѣ сжатый въ груди сомнѣніемъ и страхомъ; ускорила шагъ, легко перескочила черезъ заборъ, сложенный изъ набросанныхъ корней сосновыхъ, и очутилась передъ старцемъ, сидѣвшимъ у большаго огня. Борода его висѣла ледяными клочьями, и глаза, блестящіе какъ у волка въ

темномъ лѣсу, уставились на дѣву. — «Чего ты хочешь? Зачѣмъ пришла?» спросилъ онъ.

— «За совѣтомъ, дѣдушка», отвѣчала она и вынула изъ-подъ пестраго передника кусокъ холста, ей самою тканаго.

— «Криве могучій! да виданное ли дѣло, чтобы дѣвки однимъ одинехоньки заходили въ эту страшную пустошь? Кто ты такая?»

— Варяжка, дѣдушка. Зовутъ меня Ольгой, а прозвалъ такъ молодой князь-богатырь прошлаго года на прощаньѣ. Онъ обѣщалъ мнѣ взять меня за себя, и я давно, давно жду его, но его нѣтъ какъ нѣтъ. За нимъ, знаешь, ѣздитъ много коней и прислуги. Теперь я пришла къ тебѣ, добрый дѣдушка.... у насъ вѣдь молва слыветъ, будто что ты умѣешь людей оборачиватъ въ кого хочешь. Такъ дай мнѣ крылышки: полетѣла бъ черезъ степи, черезъ лѣса, рѣки и города, вездѣ-то бы искала слѣдовъ моего суженаго; прилетѣла бы въ городъ большой, посмотрѣла бы на его башни и людей, и узнала бы навѣрное его кровлю....» И тутъ Ольгѣ казалось, что ея ноги въ самомъ дѣлѣ поднимались съ земли, что она летитъ летомъ по облакамъ, и грудь ея расширилась словно у птицы.

«Что ты это вздумала, неразумная,» отвѣчалъ кудесникъ, качая головою. «Будешь птицей, развѣ не боишься, неравно стрѣла нагонитъ, али другая птица, сильнѣе, заклюетъ до смерти....»

— «Не боюсь,» отвѣчала Ольга, устремивъ на него глаза, въ коихъ изображалась отважность.

«Такъ слушай же, что разскажу тебѣ. Увидишь, какъ страшны оборотни,» продолжалъ старикъ. «Была одна дѣвка, и ту дѣвку полюбилъ одинъ молодецъ изъ судовщиковъ. Вотъ она обмани его, и отдайся другому. Брошенный женихъ пожалуйся Кривичу-кудеснику. Ужъ дѣло было слажено, и молодыхъ вела толпа провожатыхъ въ ихъ новую избу, а кудесникъ прокрался въ избу прежде ихъ, да и сунулъ свой ножъ подъ овчину, что была постлана у порога. Вотъ молодые только ступятъ на

желѣзо, вдругъ оборотились въ двухъ волковъ, что вѣтромъ ошибеные, они кинулись на дружекъ. — Поднялась сумотоха; мужики, бабы, дѣти бѣгутъ прочь куда глаза глядятъ. Кудесникъ махнулъ рукою, слова промолвилъ, и всѣ погнали назадъ въ избу; какъ скоро переступили порогъ, и тоже такъ вся свадьба превратилась въ волковъ. Съ тѣхъ поръ, что ни вечеръ, они идутъ стадомъ къ прежнимъ избамъ своимъ, воютъ, воютъ, и страсть беретъ, кто ни послушаетъ. А жаль ихъ вѣдь всѣ друзья да братья; пытались отогнать ихъ въ лѣсъ. Да нѣтъ и тутъ не унялись: какъ только вечеръ, стадо волковъ идетъ себѣ въ село, обходитъ избы и воетъ. Дѣлать нечего: выбились изъ силъ люди, напущали на нихъ псовъ голодныхъ, и тѣ псы всѣхъ ихъ до одного перегрызли. Видишь теперь? Не боишься ли ты? Не страшно ль?»

— «Нѣтъ,» отвѣчала дѣвица, «та обманула жениха, а я ищу своего.»

— «Такъ ты думаешь,» продолжалъ старикъ, и брови его опущались на сверкающіе глаза, «думаешь выстоять всѣ искусы? а вѣдь по многимъ придется пройти тебѣ, и отъ какихъ дрожалъ не одинъ богатырь. —

— «Не побоюсь ничего; только начинай скорѣе, дѣдушка,» отвѣчала дѣвица.

— «Иди жъ за мною,» сказалъ старикъ, взялъ пукъ сухой лучины, зажегъ и повелъ Ольгу въ землянку, крытую сосновыми вѣтвями.

При красноватомъ свѣтѣ лучины Ольга молча глянула на разныя вещи, висѣвшія по чернымъ стѣнамъ мудренаго жилища. Пучки сухой травы, вороньи гнѣзда, рога, когти, носы, крылья разныхъ хищныхъ птицъ, лосиная шкура, гусиный оставъ, закривленный жезлъ, барабанъ, расписанный какими-то знаками, поражали поперемѣнно ея взоры. Два волченка играли на полу; но какъ увидѣли людей, заревѣли и

бросились бѣжать. Длинный ужъ развивался въ углу и качалъ головою надъ кувшиномъ полнымъ молока, и онъ испугался и спрятался въ постель кудесника.

Между тѣмъ Вайделота вышелъ и скоро воротился, одѣтый въ бѣлую рубаху, держа въ одной рукѣ широкій ножъ, а въ другой черную кошку, которая страшно билась и кричала. Изъ глазъ ея, казалось, лились искры дождемъ, и когтями она какъ будто хотѣла рвать воздухъ вокругъ себя. Ольгѣ вздумалось, что самъ Чернобогъ облекся въ видъ кошки, чтобъ испугать ее; но устыдясь минутной боязни, она побѣдила сію мысль и стала смотрѣть на страшнаго старика.

Онъ хранилъ молчаніе, и движенія и взгляды его выражали досаду; воткнулъ въ землю длинный шестъ, подлѣ таза съ водою, и привязалъ животное, обреченное въ жертву Черному-богу.

— «Поди сюда, смѣлая,» сказалъ онъ дѣвицѣ, «развяжи повязку головы твоей, распусти волосы, разними поясъ, ступи на эту змѣиную кожу; — вотъ она — и иди по ней безъ страха.»

Ольга повиновалась и твердо пошла по змѣиной кожѣ.

«Стой,» вдругъ закричалъ кудесникъ, «страшенъ часъ намъ, услышалъ Чернобогъ. — Богъ черный! отецъ всякаго зла! ты, что, молвятъ, живешь внутри земли, а по другимъ, въ водяныхъ омутахъ. Что на Западѣ виданъ былъ чудомъ длинногривымъ и грозился пастью на небо, а на Востокѣ являлся исполиномъ страшнымъ, и сохла земля, гдѣ ты гладѣлъ на нее, и людямъ давалъ ты въ уста свой сосецъ студный, и почахнутъ тѣ люди! Води рукой моей, я обведу кругъ около дѣвы, а ты сомкни его.»

Ольга, сложивъ руки у груди, слѣдила глазомъ всѣ движенія чародѣя и только одного опасалась, что ея дѣло не удастся.

«Вторь за мною, что говорить буду,» сказалъ старикъ.

Дѣвица повиновалась, и слѣдующія слова огласили землянку:

«Горе, кто не сдержитъ слова! Чернобогъ страшный! Ты все можешь, что захочешь, такъ приведи жъ ко мнѣ назадъ моего суженаго-ряженаго! А коль онъ да забылъ свое слово, такъ не зналъ бы покоя подъ своей крышей, ни на водахъ, ни въ степяхъ, ни въ лѣсахъ святыхъ! Мучили бъ его домовые день и ночь! не видалъ бы онъ хлѣба-соли на столѣ своемъ, не видалъ бы огня въ печи. А высохъ бы что нива, когда вѣдьма заплететъ вѣнокъ изъ соломы, да заклянетъ его!

Ольга трепещетъ; нерѣшима, едва переводитъ дыханіе; но вдругъ вооружается всей силой воли, и побѣждаетъ страхъ.

«Бери теперь ножъ,» сказалъ Кривичъ, «зарѣжь кошку, чтобъ капала кровь въ этотъ тазъ.»

Дѣвица смѣло наноситъ смертельный ударъ: кровь течетъ, и кудесникъ, потрясая надъ тазомъ зажженой лучиной, говоритъ: «Видишь въ водѣ круги этой крови, стань надъ тазомъ, чтобъ твое лице виднѣлось въ тѣхъ кругахъ. Тутъ ты перемѣнишься; глаза твои нальются кровью, паръ начнетъ выходить изо рта, и всю тебя обниметъ; и тогда, если захочетъ черная сила, то покроешься перьемъ и улетишь коршуномъ.» Тутъ онъ замолчалъ; потомъ вскрикнулъ страшнымъ голосомъ: «Нѣтъ, божусь, Криве! что-то не ладится! — кто-то мѣшаетъ! Говори за мною, да смотри, не робѣй.... Я вольна: улечу, куда вздумаю. Разбейтесь, цѣпи! сгинь и мать! сгинь и отецъ! сгинь кто держитъ!...»

— «Постой! постой....» прервала Ольга, «отецъ мой живъ! Сохрани его Перунъ, и Одинъ и всѣ бѣлые боги! Знаешь Варяга-перевощика;» и дѣва бросилась вонъ изъ круга, оттолкнувъ Кривича, хотѣвшаго удержать ее. Колдунъ улыбнулся;... закрывая рукою уста какъ будто погружаясь въ думу, важно возразилъ: «Полно жъ думать о богатырскихъ свадьбахъ, уйми свою гордость. Не перевощицѣ быть женою знатнаго князя.

— «А коль онъ обѣщался,» прервала Ольга твердымъ голосомъ, «такъ видно буду.»

«Анъ слушай, дѣвица, упрямая голова, что старый дубъ твердый,» сказалъ кудесникъ, «коль хочешь только, чтобъ тебѣ былъ вѣренъ твой надёжа, да воротился къ тебѣ, такъ тутъ дѣло не до оборотовъ, но до летанія птицею. Научу тебя другому; воротится твой суженой, коль онъ точно суженой.»

— Ахъ! вороти, дѣдушка! только у меня и думы: когда-то опять увижу его взоры соколиные? когда-то назову его супругомъ милымъ?

— «А сумѣешь ли отыскать слѣдъ его на землѣ въ вашемъ селѣ?»

— «Какъ не сумѣть, дѣдушка? Тамъ у ивы старой, надъ озеромъ, . . . тогда была пора долгихъ дней и ночей свѣтлыхъ; земля была сыра, помню, помню . . . .»

— «Возьми жъ этотъ ножъ заговоренный, и какъ мѣсяцъ потянетъ къ востоку, такъ ты иди съ ножемъ подъ иву; ищи, вспомни, гдѣ стояли его ноги, снѣгъ разбросай, и взрѣжь ту землю, ту самую гдѣ помнится тебѣ, что его слѣдъ остался; да приговаривай: воротись-де ко мнѣ, суженой! И увидишь, очутится передъ тобою. Тутъ ты закрой свои очи обѣими руками и закричи: Чуръ! Онъ пропадетъ, а ты скорымъ-скорехонько подбери ту землю и хорони у себя. Увидишь: семи дней не пройдетъ, твой суженой, что ласточка, прилетитъ ко гнѣзду прошлогоднему, и забудетъ свѣтъ-волю, и такъ за тобою слѣдомъ ходить и будетъ, что цыплята за маткой.»

Исполнившись надежды, Ольга наконецъ собирается домой: снова заплетаетъ въ косы свои волосы, надѣваетъ повязку, опоясывается поясомъ, засовываетъ за него чародѣйскій ножъ и выходитъ изъ землянки, провожаемая кудесникомъ.

«Вотъ тропа, иди ею;» сказалъ онъ; «та дорога, которой ты пришла, длинна и опасна. Того и гляди, съѣдятъ волки: много ихъ голодныхъ таскается въ томъ околоткѣ. Иди жъ себѣ съ Бѣлъ-богомъ. . . . Да звѣрь попадется, такъ сорви вѣтку съ дерева, переломи надвое и говори: вотъ твоя дорога а вотъ моя! и убѣжитъ тотчасъ.»

Ольга благодаритъ, кланяется и удаляется.

— «Да выслушай еще, красавица,» закричалъ ей въ слѣдъ кудесникъ, «пройдешь шаговъ десятокъ, неравно услышишь: смѣются, грохочутъ, смотри, не нужайся, а пуще того не останавливайся. Вѣдь въ этомъ лѣсу водятся лѣсныя Русалки, станутъ заманивать, ты смотри, бѣги себѣ неоглядкой, не слушай ихъ голоса льстиваго. — Ольга проворно идетъ тропою, указанною старикомъ и безъ всякой дурной встрѣчи достигаетъ опушки лѣса. Но все, что она претерпѣла противныхъ чувствъ, утомили ея душу, замучили тѣло. Она останавливается, садится на стволъ дерева, опрокинутаго бурею. «Ворочу его,» говоритъ про себя, «ворочу, слѣдомъ будетъ ходить за мною; не будетъ мнѣ срама! Найду, найду слѣды его — тамъ надъ озеромъ — тамъ онъ долго стоялъ.... Ужъ воротится онъ, ужъ будетъ мой!» — Ея воображеніе разгорается, частые вздохи тѣснятъ грудь; она, зачерпнувъ снѣгу руками, прикладываетъ къ горячему лбу, но снѣгъ таетъ, и лице пылаетъ по-прежнему. Члены ея тяготѣютъ, глаза смыкаются; въ умѣ образы слабѣютъ, смѣшиваются, исчезаютъ; она заснула; но вдругъ голосъ Игоревъ загремѣлъ въ ея ухѣ: Ольга, Ольга! помни свое имя, жди меня! Она очнулась, и быстро оглянулась во всѣ стороны; встала и пустилась снова идти. А день гаснетъ. Все скорѣе идетъ дѣва; то поглядитъ на небо, то на длинныя тѣни отъ елей по бѣлой дорогѣ, глядитъ во всѣ глаза и взглядомъ и желаньемъ ловитъ, останавливаетъ отлетающій свѣтъ. — Ужъ вотъ только бѣлизна снѣга освѣщаетъ предметы: Куда поздно! Что подумаетъ отецъ! Но чу! Кажется, шумъ; да, лай собачій. А тамъ должно быть и село наше. Слава Бѣлъ-богу! вотъ оно, вотъ село. Еще скорѣе идетъ Ольга; она собрала всѣ свои силы. Вотъ огни, что глаза волчьи, мелькаютъ передъ нею; шумъ все ближе, воздухъ какъ будто теплѣе; вотъ все живо около нея, она дома. — Но что же это за люди у воротъ? и что за нарѣчіе у нихъ такое, не Чудское, не Кривичское? «Кто вы, добрые люди?» спросила она трехъ молодцевъ, стоявшихъ у пустыхъ саней.

«А тебѣ что за дѣло? отвѣчалъ одинъ. «Постой, не молодушка ли какая?» подхватилъ другой. «Голосъ-атъ тоненькій. Ну, такъ и есть.» «Добро пожаловать, красавица!» закричали всѣ, «не пивца ли несетъ? Анъ наливай скорѣе, да не пяться, побудь съ нами.» — «Честные гости, «прервала Ольга, узнавъ Варяговъ по выговору и одеждѣ — «не изъ Кіева ли вы?» — «Изъ Кіева, голубушка. Видите, братцы, ужъ и дѣвки-то Чудскія вѣдаютъ про стольный Олеговъ городъ.» — «А что вѣдаете про Игоря?» спросила Ольга. — «Про Игоря! отвѣчалъ одинъ. Такъ и Игоря-то узнаешь? такъ тебѣ его надобно?» — «Надобно!» прервала Ольга, «Кому жъ коль не мнѣ? Гдѣ онъ? Неужели пріѣхалъ? Укажите мнѣ князя Игоря моего: укажите!»

«Князя Игоря?» сказалъ одинъ Варягъ товарищу на ухо. «Это вѣрно она! Дѣвица, поди со мной,» продолжалъ онъ, — пойдемъ, все узнаешь.»

Ольга побѣжала впередъ къ отцовской избѣ и застала отца на порогѣ въ бесѣдѣ съ чужеземцемъ. «Вотъ она» вскричалъ отецъ. «Гдѣ ты пропадала? Здѣсь объ тебѣ дѣло: вотъ и посланецъ отъ Олега могучаго. Взойдемъ въ избу, гость почтенный, самъ скажи ей все наказанное нашимъ мудрымъ Олегомъ, наслѣдникомъ трехъ могучихъ богатырей Рюрика, Синеуса и великаго Трувора, моего брата названнаго. Тутъ посланный перешелъ порогъ и за нимъ старикъ съ дочерью. Они оба сѣли въ передній уголъ, а она стала передъ ними. «Вотъ тебѣ дары отъ жениха, Князя свѣтлаго Игоря Рюриковича. Онъ тебя выбралъ въ супруги изъ всѣхъ дѣвицъ. Да ниспошлютъ Перунъ, Волосъ и Ладо всѣ блага земныя на вашъ союзъ!»

Отецъ смотрѣлъ со слезами на дочь любимую.

«Чуло ли твое сердце, дитя мое, эту новую судьбину? какъ же шло это дѣло и какъ же я не зналъ?»

«А вотъ, слушай;» начала Ольга тихимъ голосомъ. «Помнишь, батюшка, какъ всѣ наши Варяги собрались переѣз-

жать на ту сторону, я стала въ лодку: Игорь сошелъ ко мнѣ и мы поплыли. Онъ на меня глядитъ, послѣ вымолвилъ нѣжное слово и возвалъ въ Кіевъ съ собою. Мнѣ стало совѣстно и я отвѣчала ему, какъ водится, чинно, по твоему казанью.»

«Постой,» прервалъ старикъ, обращаясь къ посланному, — «сядемъ у печи, тамъ теплѣе; мнѣ и весело и страшно.»

«Игорь Рюриковичъ», продолжала дѣвица, когда всѣ усѣлись, «опять меня сталъ уговаривать и вымолвилъ слово о бракѣ. Тутъ я припомнила ему, что онъ не властенъ, что онъ ходитъ по сю пору по Олегѣ, и что онъ самъ себѣ не бояринъ. Когда мы доплыли до берега, онъ увѣрялъ, что я одна ему по сердцу, что иной жены не хочетъ, и сказалъ на прощанье: Дожидайся меня или моего посланнаго, и назовись Ольгою по имени и въ честь моего дади роднаго, какъ водится на Славяни. Будешь въ Кіевѣ, тебѣ будетъ и честь и слава и богатство: я пришлю тебѣ выкупъ. — Я ждала, молчала, много терпѣла, но не смѣла проговориться съ тобою, батюшка, ждала, ждала и.... дождалась. Вотъ тебѣ, отецъ родимый, прямую правду сказала.» Ольга поскраснѣла и передникомъ заслонила глаза свои. Старикъ взялъ Ольгу за обѣ руки, подвелъ къ посланному и зарыдавши сказалъ: «Вотъ вамъ дочь моя! нѣжьте ее, мое дитя любезное. Отнынѣ она невѣста Игоря, сына Рюрикова. Черезъ два дня поѣдемъ къ нему въ Кіевъ!»

«А ты, батюшка?» спросила Ольга.

«Я,» отвѣчалъ отецъ, «я провожу тебя къ твоему Князю супругу, погляжу на свѣтлый городъ, добытый нашими Варягами, погляжу еще разъ на воиновъ и на оружье, послушаю шуму городскаго, — а тамъ, увидимъ.»

На другой день во всѣхъ дворахъ узнали, что сынъ Рюрика выбралъ себѣ невѣсту, и съ той поры на посидѣлкахъ слышались пѣсни, гдѣ повторялись имена Игоря и Ольги. —

Утро забѣлѣлось: Ольга вскочила, посмотрѣла вокругъ себя: все готово. Отецъ еще спитъ. Пойдемъ, сказала себѣ проститься съ ладьей. На чьи-то руки ее оставить?

Лодочка ея стоитъ, полу-занесенная снѣгомъ. Ольга подошла къ ней и задумалась: Прости! пришлось намъ разставаться. Служила ты мнѣ службу, спасибо! Ужъ красныхъ ли дней я въ тебѣ не наглядѣлась? Обильнаго ли лову не видала? Бывало, какъ весело меня носитъ по тихому озеру, словно мои дѣвичьи мысли до встрѣчи съ Игоремъ! А въ бурю! Въ тебѣ не страшенъ былъ вѣтеръ буйный. Бьетъ въ лице, рветъ кудри, крушитъ одежу — мнѣ любо. А нынче на другихъ водахъ пришлось мнѣ плавать. Тѣ воды будутъ и чище и шире, но другая ладья понесетъ ли такъ шибко? и ужъ не править мнѣ весломъ! Будутъ возить перевощики; буду сидѣть, сложа руки, глядѣть на прислужниковъ, и сидѣть рядомъ съ моимъ княземъ. А руку-то на плечо его и сердцу будетъ весело. А что коли буря зашумитъ и завоетъ вѣтеръ? не вытерплю, возьмусь за весло, управлю ладьей, — и, скажетъ мой свѣтъ: Жена-да выручила! прости, ладья моя!

Ей стало на минуту тажело; но она встрепенулась какъ ласточка передъ полетомъ, и прибѣжала къ отцу.

Уже все было готово къ отъѣзду.

Лошади запряжены; нетерпѣливо бьютъ копытами и пылятъ снѣгъ. Сани покрыты ковромъ Казарскимъ. Ольгѣ подаютъ лисью желтую шубу: Ольгу покрываютъ длинною фатою. Отецъ и Кіевскій посолъ сѣли съ ней рядомъ и Варяги съ крикомъ бросаются на коней.

СКАЗАНІЕ ОБЪ ОЛЬГѢ.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Небо мрачно и звѣзды едва сыплютъ искры съ синяго свода: но снѣгъ, вѣрный товарищъ людей сѣверныхъ, освѣщаетъ однообразную дорогу. Вотъ холмы поднялись надъ небосклономъ: они вѣнчаютъ широкую рѣку. «Вотъ Днѣпръ!» вскричалъ одинъ Варягъ «Да это Днѣпръ!» «Днѣпръ!» отвѣчалъ другой, и то имя громко, переходящее изъ устъ въ уста, сильно отозвалось въ душѣ юной невѣсты.

«Слава Перуну!» сказалъ старому перевощику конюхъ Олеговъ: мы пріѣхали: вотъ Кіевъ!» — «Слава Тору!» прошепталъ старикъ съ тайнымъ негодованіемъ, которое испытывалъ всякій разъ, какъ слышалъ Варяга, призывающаго боговъ Славянскихъ. Слава всѣмъ Азамъ Валгаллы! повторилъ онъ, взглянувъ на дочь, какъ бы для того, чтобы отвратитъ отъ нея гнѣвъ родныхъ и почти забытыхъ боговъ заморскихъ. — Ольга, пробѣгавшая все пространство нетерпѣливымъ глазомъ, первая увидѣла хижину надъ берегомъ. У воротъ стоитъ мужчина. Кому бытъ ему какъ не Игорю? Подъѣзжаютъ: сердце бьется, но быстрый взглядъ скользнулъ по незнакомому и теряется снова въ пустой дали.

Вотъ и Кіевъ, матъ русскихъ городовъ, рисуется на небосклонѣ: разсѣянные огни на противоположномъ берегу привлекаютъ вниманіе невѣсты. Княжіе хоромы надъ крутымъ берегомъ и ночью при звѣздахъ ясно отличаются отъ другихъ своего бѣлизною и теремомъ высокимъ. На нихъ остановились взоры Ольгины.

Сани спустились на ледъ замерзшей рѣки, быстро помчались и поднимаются на другой берегъ. Ѣдутъ ухабами, сугрубами по дорогѣ занесенной снѣгомъ, и въѣзжаютъ наконецъ внутрь дубовой ограды. Главный провожатый закричалъ: голоса откликаются и въ мигъ воины, рабы и жены тѣснятся на теремѣ и въ окнахъ.

Игорь спитъ. «Вставай, пробудися» говорила мама Новогородская, которая входила къ нему, когда хотѣла. «Лети, мой ясный соколъ, лети къ своей голубушкѣ. Ужъ она вонъ тамъ. То ли дѣло дѣвица съ нашихъ озеръ! красавица!»

Игоръ встаетъ, надѣваетъ шубу зеленую, подбитую казарскимъ горностаемъ и идетъ къ Олегу, не смѣя прямо броситься къ невѣстѣ. Она же ждетъ въ сѣняхъ со всѣми и въ первый разъ робѣетъ. Шумная толпа около нихъ тѣснится. Олегъ съ Игоремъ выходитъ изъ покоевъ и идутъ на встрѣчу къ нарѣченной супругѣ. «Здравствуй подъ моей кровлей» сказалъ Государь Славянъ. «Дѣвицы, затяните пѣсни и величайте Князя Игоря съ Княгиней Ольгой! Не такъ ли ее зовутъ?» — «Да, такъ! въ честь и славу твою» отвѣчалъ Игорь. — «А вы, жены», прибавилъ Олегъ «а вы, учите ее дѣламъ хозяйскимъ, да готовьте богатыя одежды какъ слѣдуетъ супругѣ сына Рюрикова. Вы же, слуги догадливые, готовьте напитковъ пьяныхъ: отъ нихъ веселье въ домѣ, что благодать въ странѣ отъ рѣки широкой! Иди со мной, братъ! сказалъ онъ, ударивъ по плечу стараго товарища Труворова; иди, побесѣдуемъ о прошломъ: а дочку оставимъ съ новыми подругами: молодежь къ молодежи: стариковскіе толки не въ ладъ съ дѣвичьими!»

Свадебныя пѣсни гремѣли вокругъ невѣсты во все теченіе дней предшествовавшихъ свадьбѣ, и воинскій дворъ Олеговъ словно превратился въ лѣсъ, населенный птицами голосистыми, встрѣчающими весну красную.

Между тѣмъ жены Олеговы, повинуясь приказу мудраго супруга, готовятъ одежды юной Ольги. Окруженныя рабынями всѣхъ возрастовъ, онѣ безпрестанно смотрятъ за ихъ работой. Однѣ, искусныя въ мастерствѣ красить полотна и шерстяныя ткани, смѣшиваютъ березовый листъ съ полевымъ дрокомъ, и выводятъ изъ этой смѣси краску желтую какъ янтарь Венедскій; а изъ корня дикихъ піоповъ краску красную не менѣе рябиновой кисти. Другія же нижутъ восточный жемчугъ, бусы синія и вынизываютъ ожерелья.

Славянскія жены, не сводя глазъ съ разнаго шитья, привезеннаго изъ Скандинавіи, хитрыя перенимать всякое дѣло, выводятъ на тканяхъ мудреные узоры. Все кипитъ дѣломъ въ женскомъ теремѣ, по улицамъ и на площадяхъ Кіевскихъ. Народъ несется толпою къ Днѣпровскимъ берегамъ. Во многихъ мѣстахъ на рѣкѣ прорублены прорубы. Одни черпаютъ чистую воду и наливаютъ ее въ котлы. Другіе шестами безпрестанно мѣшаютъ въ нихъ хмѣль и ячмень, и проворные парни поддерживаютъ огонь, кипятящій густую брагу.

«Живо, ребята! живо! кричатъ бѣлокурые Варяги» подбавьте хмѣльку, не бойтесь! Уже варитъ пиво такъ пьяное. Крѣпки у насъ головы на шеломы тяжелые: не скоро разберетъ ихъ какъ Славянскія головы шапочныя!

Въ день посвященный Ладу, богу согласія, по утру отворяются ворота дома Княжескаго, и хоръ дѣвицъ ведетъ Ольгу въ баню. Идущія впереди стараются удалить всякую зловѣщую встрѣчу; подчуютъ вѣдьмъ и колдуновъ, выходящихъ

нарочно къ нимъ, медомъ и пряниками, и приглашаютъ ихъ на вечерній пиръ, чтобы имъ не вздумалось навести на молодыхъ порчи и напасти. Входятъ въ баню. Тамъ полъ и лавки усыпаны сушеной мятой и душицей. Спутницы невѣсты раздѣлились на двѣ толпы. Однѣ безпрестанно поливаютъ раскаленную камёнку, отъ которой валитъ влажный паръ; другія, окруживъ Ольгу, раздѣваютъ ее, берутъ пахучаго болотнаго цвѣта, трутъ имъ тѣло невѣсты, поднимаютъ на воздухъ молодые зеленые вѣники и сводятъ паръ на ея гибкіе члены.

Замужнія женщины, не смѣя войти въ эту баню убѣжище дѣвицъ, остаются у порога и оглашаютъ горницу звонкою пѣснію.

Настал день торжества. Жители Кіева сбѣгаются на священный холмъ, глядящій на желтый Днѣпръ. Тамъ стоитъ огромное капище Перуна.

Идетъ Олегъ съ Игоремъ и съ Варягами. Идутъ и жены и дѣвы.

Четыре бѣлыхъ ягнятъ и быкъ уже пали подъ топоромъ жрецовъ. Головы жертвъ привязаны къ кумирамъ низшихъ боговъ, обставленныхъ кругомъ истукана бога молніи. Жены обступаютъ невѣсту, разнимаютъ по Славянскому обычаю ея дѣвичью повязку, расчесываютъ на двѣ части ея длинные волосы и заплетаютъ въ двѣ косы. Потомъ надѣваютъ на нее богато шитый повойникъ и накрываютъ ее покрываломъ; а Ольга преунывнымъ напѣвомъ произноситъ слова ею выученныя.

Тогда Игорь бросается въ средину женъ; тѣ на минуту какъ будто не хотятъ отдать ему невѣсты, но скоро разбѣгаются, и онъ уводитъ свою добытую изъ капища. Легкія сани привозятъ ихъ на дворъ княжескій: тамъ зажженные пуки соломы, запрещаютъ въѣздъ въ ворота. Кони пугаются, пятятся, встаютъ на дыбы; но Рюриковъ сынъ встаетъ на ноги въ

саняхъ, ударяетъ бичемъ коней и они духомъ пронеслись черезъ пламя.

Молодыхъ принимаетъ старшая изъ женъ Олеговыхъ у порога, постланнаго овечьими кожами. «Войдите!» говоритъ она, высыпая на юную чету ячмень и просо, «ступите на этотъ мѣхъ. Да наполнятся чадами ваши хоромы, да призритъ на васъ Волóсъ, да будетъ обиліе въ поляхъ и стадахъ вашихъ!» Тутъ она бросила за плечо сосудъ, въ которомъ были ячмень и просо, и глядѣвшіе старики сказали улыбаясь другъ другу: «Быть у нихъ первенцу сыну. Вишь посудина такъ въ мелкіе дребезги и разсыпалась!»

Столы уставлены вкусными явствами и чашами полными вина и пива, и княжескія палаты открыты для всѣхъ, кого вмѣстить могутъ. Лавка молодыхъ поставлена подъ кумирами боговъ домашнихъ. Олегъ приближается къ Ольгѣ: «Отдаю тебѣ свѣтъ бѣлый», сказалъ онъ, приподнявъ покрывало концемъ копья: «Дай тебѣ Перунъ дѣтей-сыновъ и были бъ они храбры на сушѣ и на морѣ!» Тогда всѣ гости сѣли вокругъ столовъ; со всѣхъ сторонъ слышенъ веселый крикъ, хохотъ, шумъ голосовъ возрастающій, когда новая полная чаша осушится за здравіе Игоря и Ольги. Забывъ наказъ княжескій, гордые Варяги обидными словами раздражаютъ старцевъ Кіевскихъ, которыхъ рѣчи и движенія дотолѣ выражали радушное веселье. Жрецы, колдуны, колдуньи, всякій въ свою очередь стоновится предметомъ дерзкой насмѣшки Варяговъ. Первымъ подадутъ они чашу пива, и лишь только тѣ протянутъ руку, Варяги выплеснутъ ее въ честь боговъ. Другимъ велятъ встать изъ-за стола, играть имъ на гусляхъ и волынкѣ. Колдуней, страшныхъ для Славянъ, заставляютъ пѣть, плясать, водить хороводы. «Покажите-ка, бабы», говорятъ они «вашу силу черную. Вотъ вамъ костей, соли и ножей: Пропадите невидимками, оборотитесь въ волковъ, сорóкъ, али въ огненныхъ змѣй летучихъ! Подымайтесь на воздухъ, разсыпайтесь искрами!» Недвижимыя колдуньи вперяютъ на нихъ глаза, въ

которыхъ видны и досада и страхъ, и ворчатъ какія-то непонятныя слова.

Между тѣмъ раздраженные Кіевляне окружаютъ Князя и просятъ унять наглыхъ воиновъ; но мудрый Олегъ, зная что голосъ вождя не слышенъ среди безпорядка пировъ, говоритъ имъ: «Эхъ, братцы! неужъ-то вы не знаете, что соборъ воиновъ не дѣвичья бесѣда. Пусть себѣ дѣвки внизъ глядятъ и поютъ поджавши руки, а у волковъ и забава волчья, а у орловъ и орлиная. Вѣдь у насъ сказывается: На свадьбѣ-де всякой будь гость, только порядокъ убирайся прочь! Да и что скажутъ про Олега, что онъ подъ своей кровлей, да еще въ день праздничный закажетъ шумъ и веселье? Идите-ка лучше, да пейте вдоволь, веселитесь сами и другимъ давайте!»

Наконецъ Олегъ кланяется гостямъ, подзываетъ чашника-Славянина, и велитъ всѣхъ выслать изъ застольной. Толпа уходитъ, и скоро семейство Славянскаго Князя остается одно въ замкѣ.

Молчаливнй городъ, дотолѣ какъ будто опустѣвшій, вдругъ оживился. Кучи мужщинъ, женщинъ, дѣтей топчатъ глубокій снѣгъ: то сойдутся, то разойдутся, вызываютъ другъ друга въ запуски, катаются по льду, борются и забываютъ сонъ и прямую дорогу къ избамъ. Тѣ, которые вынесли память изъ пира, идутъ отдѣльно отъ другихъ и разсуждаютъ межъ собою объ угощеніи:

«Нечего сказать, тороватъ хозяинъ нашъ Князь Олегъ: вдоволь накормилъ; много текло вина, пива и меда; ничего не пожалѣлъ на свадьбѣ молодаго свѣтъ-Игоря.

— «Еще бы поскупился для Рюрикова сына; развѣ не все его. Иные сказываютъ ему, бы шло быть нашимъ-то Княземъ.»

— «Можетъ и такъ, да нашей братьи что до того? Что Олегъ, что Игорь, что Хозары, что Угры — вѣдь всякому плати да служи: Олегъ тѣмъ беретъ что на все гораздъ, куда хитеръ, въ будущее глядитъ, что̀ мы впередъ на дорогу, да и силенъ:

враговъ всѣхъ подъ руку взялъ; захочетъ, говорятъ, гору сдвинетъ и море ему не страшно словно степное раздолье.»

— «А и того не забыть, братцы, что никогда не назывался Княземъ Мери, Чуди альбо Криви; а вотъ нашимъ зовется: Славянскій Князь; а зачѣмъ бы то? видно затѣмъ, что насъ надъ другими всѣми жалуетъ.»

— «Оно вѣстимо такъ что Олегъ и силенъ и уменъ и разуменъ: да только эти заморскіе великаны бѣлоглазые куда тяжелы. Чернобогъ ихъ попутай злодѣевъ! Вѣдь правда, ребята, слышали вы и видѣли, какъ надъ всѣми издѣвались! Ужъ Боричъ ли бѣлокурый молодецъ? Али Чюрилинъ сынъ широкоплечій? Женихъ ли Владиславы красавицы, соколиныя очи? А имъ мѣста-то не дали! Ужъ наругались ли надъ нашими жрецами, надъ вѣдьмами? Да постой, не сносить имъ головъ. Вѣдьму обидѣть не шутка: ея глазъ что жало.

— «И подлинно такъ: придетъ черный день тому, кто надъ ними подшучивалъ. Видѣли какъ плясали колдуньи? У меня волосъ дыбомъ становится. Экая злость подумаешь? въ ноги прошла. А какъ запѣли? словно вѣщіе псы лаяли, бѣду накликивали. Два раза обводили кругъ около пагленовъ-злодѣевъ, да какъ-то расходилось: видно сила Олегова помѣшала. Онъ, молвятъ, самъ колдунъ. Не быть проку въ этой свадьбѣ.»

— «А что намъ за дѣло», прервалъ старый мужикъ, «хотъ у нихъ весь огородъ полынью зарости! лишъ бы насъ оборонилъ отъ силы нечистой! Вотъ онѣ вѣдьмы, вонъ спускаются и что-то толкуютъ. Давайте имъ дорогу. — Бѣлбогъ вамъ въ помощь, тешушки!»

— «Спасибо, спасибо, мужички вѣжливые!»

Мужики стали раскланиваться, величать каждую по имени, а тамъ разошлись въ разныя стороны, кто въ свою дверь, кто въ переулокъ.

СКАЗАНІЕ ОБЪ ОЛЬГѢ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПѢСНИ ЧЕТВЕРТОЙ.

Время текло безъ видимыхъ заботъ въ палатахъ Князя Славянъ, но въ думѣ мудраго Олега много мыслей кипѣло, и часто ночи его проходили въ бесѣдахъ съ заморскими старцами, или съ самимъ собою, глядя на звѣзды, въ которыхъ онъ съ юныхъ лѣтъ научился читать будущую судьбину. Часто собирались у него купцы Славянскіе; но тайна тѣхъ сонмищъ домашнихъ не выходила изъ стѣнъ Князевой свѣтлицы и изъ круга заслуженыхъ старцевъ. Послѣ княжескихъ бесѣдъ часто отправлялся обозъ съ Кіевскими выбранными купцами и Тіунами, и съ провожатымъ Варягомъ примѣчали, что беретъ всегда дорогу южной Хозаріи, и что въ то же время посылались въ Новгородъ, въ Смоленскъ къ Древлянамъ и въ Червленныя области бояре иль Тіуны. Причина этихъ поѣздокъ тайна была для Князя Игоря и для молодой дружины: юныя войнѣ, соглашались съ сыномъ Рюрика въ занятіяхъ и въ забавахъ молодыхъ лѣтъ, и отъ того предпочитали его мудрому и важному Олегу, который съ ними никогда не велъ бесѣду; они на охотѣ и въ корчмахъ ругали Князю Игорю въ глаза дядю его

Олега, и попрекали ему бездѣйствіе и презрѣнныя права его и послушаніе дѣтское. Олегъ все зналъ, все примѣчалъ, не любилъ Игоря, не находилъ въ немъ достоинства витязя и Князя, и ненавидѣлъ въ немъ какой-то живой попрекъ, но таилъ все въ думѣ и ласкалъ супругу его съ первыхъ дней ея прибытія въ Кіевъ; онъ понялъ ея доблестный нравъ и хитрый разумъ: часто ее звалъ на совѣтъ, когда рѣшалъ суды и забавлялся иногда уступать прекрасной Княгинѣ право прощать виновнаго, иль отгадывать запутанное какое дѣло. Онъ видѣлъ въ ней подъ женскою фатою разумъ достойнаго мужа и часто говорилъ старикамъ: «Вотъ вамъ Олегъ послѣ меня: она напрядетъ дѣло добраго: жаль, говорилъ онъ часто отцу молодой Княгини, она поздно родилась для моего супружества, и то бы я Рюриковичу ея не уступилъ;» и эти слова лились по сердцу старца Варяга какъ масло благовонное. Ольга же мучилась бездѣйствію супруга своего и неуваженію старцевыхъ воиновъ къ нему; она видѣла, что въ немъ мало надежнаго осуждало много въ душѣ своей; но не смѣла про то слова промолвить, ибо не имѣя дѣтей, не находила въ себѣ права съ супругомъ смѣло изъясняться. Когда Олегъ жаловался ей на Князя Игоря на вседневныя пирушки съ безразсудными, вѣтряными и мало умными юношами, на толки ихъ непочтительные противъ него и его правленія, Ольга во всемъ соглашалась съ дядею, уговаривала его строго уличить племянника и товарищей его, и принудить Князя Игоря быть на Княжескихъ судахъ и при бесѣдахъ дѣловыхъ старцевъ Варяжскихъ. Но Олегъ довольствовался за глаза негодовать на преемника и продолжалъ смотрѣть съ презрѣніемъ на всѣ дѣла молодаго Князя.

Проходятъ дни, проходятъ луны; засіяла на небѣ невидимая дотолѣ звѣзда на западѣ; она велика и красновата, и явленіе ея для всѣхъ ново и страшно. Старики Кіевскіе не помнятъ ничего подобнаго; сорокъ сряду ночей всѣ ученые

Варяги собирались и всякій на теремъ княжескій Князю сказывалъ свои примѣты. Олегъ все слушалъ, но молчалъ; на половинѣ сороковой ночи онъ наконецъ высказалъ свою думу. — «Слушайте, промолвилъ Олегъ, слушайте, старцы друзья, поглядите на этотъ знакъ небесный. Не видите ли вы, что при этой чудной звѣздѣ есть что-то продолговатое; образъ ея походитъ на острое копье. Не только походитъ, а такъ копьемъ и глядитъ. . . . Это многаго значитъ. — Тутъ задумались ученые, а отважные воины, глядя другъ на друга, прошептали каждой своему сосѣду и впрямъ, не войну ли предвѣщаетъ?

— Въ самомъ дѣлѣ мы дремлемъ въ покоѣ слишкомъ много времени! «Позовите Княгиню Ольгу, сказалъ Князь слугѣ Славянину: не смѣйтесь, братья, что хочу выслушать молодушку племянницу, и дѣти иногда что-то имѣютъ вѣщаго, и въ ея молодой головѣ, я вамъ неразъ сказывалъ много мудрости.» Тутъ Ольга всходитъ въ теремъ, дядѣ низко кланяется, привѣтствуетъ старцамъ, воинамъ и становится возлѣ Князя.— «Смотри на небо, говоритъ ей Олегъ, ты конечно уже видѣла чудную звѣзду.—Видѣла и дивилась.—Что ты въ ней видишь, Олинька, дочь моя, говори смѣло. Съ чѣмъ она схожа? — Я вижу въ ней, отвѣчала Ольга, словно копье военное. — Ну что, сказалъ Властитель своимъ Варягамъ, поглаживая правое колѣно, что? какъ вамъ кажется ея понятіе? — Умно сказала душа Олинька, спасибо тебѣ; говори еще, куда, тебѣ кажется, глядитъ остріе копья? На востокъ, но лучи стремятся въ сторону, какъ будто къ полудню, вонъ туда къ южнымъ морямъ.» Воины другъ на друга посмотрѣли и на Ольгу; всѣ глаза снова устремились на звѣзду. «Правда твоя, промовилъ Князь Олегъ, и привставъ приласкалъ рукою чело Княгини племянницы, отослалъ ее къ супругу. И простясь со всѣми, пошелъ въ почивальню. Лѣстница теремная заскрипѣла подъ тяжелыми стопами Варяговъ и говоръ шумной, мѣшаясь съ шопотомъ, раздавался съ самаго верху до нижнихъ сѣней. Война, грабежъ

и южныя богатства съ той ночи не переставали занимать Варяговъ, и скоро раздалось по Кіеву, что минувшая чудная звѣзда есть знакъ военный, данный богами, и что скоро, скоро Олегъ пойдетъ на Грековъ съ многочисленными полками.

СКАЗАНІЕ ОБЪ ОЛЬГѢ.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Сидитъ мудрый Олегъ на скамьѣ дубовой у широкихъ воротъ палатъ своихъ, а возлѣ него Ольга, покрытая алою фатою: онъ и она устремили быстрые взоры свои на пословъ Варяжскихъ. На травѣ передъ ними разостланы золотыя ткани и камки узорчатыя; а сынъ Рюрика, и молодые его товарищи тѣснятся вокругъ амфоръ греческихъ, наполненныхъ по края золотомъ и серебромъ. Любимые сподвижники вѣщаго вождя, сложа руки, стоятъ за нимъ спокойно и слушаютъ рѣчи новопріѣзжихъ изъ Царьграда.

«Порфироносецъ посылаетъ тебѣ поклонъ», сказалъ старый Варягъ, «слава тебѣ и намъ! слава булату заморскому! Посмотрѣлъ бы вождь нашъ, премудрая голова, какъ Царь полудня и вельможи его трепещутъ передъ нами въ золотыхъ и въ шелковыкъ пеленахъ своихъ! Вотъ тебѣ отъ нихъ и дары: тутъ и ткани и металлы и тма всего дивнаго. — Вотъ тебѣ и договоръ, красными рунами написанный: написанъ онъ не по-нашему, а по-Славянски, для того что Варяжскій языкъ имъ, какъ храбрость, неизвѣстенъ; но все, что тутъ начерчено,

намъ ясно и понятно. Подписали договоръ мы Норманны, и имена наши тутъ стоятъ въ самомъ началѣ.»

— «Хорошо, увидимъ. Ужо ты Многоустъ, мнѣ прочтешь эти Славянскія каракули,» сказалъ Олегъ купцу, богато одѣтому въ шитый восточный кафтанъ, и имя свое получившему отъ того, что говорилъ на разныхъ языкахъ.—«А вы, братцы, Варяги, разскажите мнѣ что́ видѣли въ Царьградѣ? Щитъ мой прикованъ ли еще къ ихъ воротамъ? — «Щита твоего тамъ нѣтъ: они его сняли съ воротъ, да гвозди твои у нихъ остались: ты въ сердцѣ навсегда приковалъ имъ страхъ!»

— «Неужели? сказалъ Олегъ, въ глазахъ коего засверкала радость, — слышишь ли, Ольга? Послѣ нашей вьюги долго будутъ листья трястись на деревьяхъ. Рулафъ, ты поумнѣе другихъ, скажи, что тамъ внутри города, богато, велико?»

«Все огромно, Князь! какъ въ пышномъ Упсалѣ. Правду сказать, у нихъ еще больше всякаго диво. Храмъ ихъ главный самъ какъ городъ, иль какъ Одиновъ дворецъ. Вездѣ пестрота, и золото, и серебро, а на стѣнахъ расписаны люди большаго роста. Ужъ что эти Греки изъ красокъ да изъ камня сотворяютъ, — такъ и разсказать нельзя: и мущинъ, и жеищинъ, и коней! На площади, межъ столбовъ, какъ народъ золотой стоитъ: все живо, все блещетъ! Какъ соберутся тамъ вельможи въ шитыхъ одѣяніяхъ, такъ распознать нельзя живыхъ отъ каменныхъ мужей: даже въ баняхъ вездѣ лица на васъ глядятъ: точно дразнять живыхъ людей.»

— «Хорошо ли васъ угостилъ Царь Греческій? спросилъ Олегъ.

— «Что правда, то правда: на ложь языкъ не повернется. Царь оказалъ намъ почесть великую.»

— «Какъ же бы онъ смѣлъ насъ не угостить? прервалъ пылкій широкоплечій молодецъ. — Развѣ онъ не обѣщалъ тебѣ, нашему вождю сильному, все давать, чего мы ни потребуемъ? И хлѣба, и вина, и всякаго добра. Какъ говорятъ старики наши: получилъ добровольно, наступя на горло. Ой

собраться бы намъ съ силою, да идти на нихъ! Ужъ повеселиться бы тебѣ, Князь, внутри ихъ стольнаго города! Что дворъ то кладъ.»

— «Ты нашъ лобъ желѣзный», закричали другіе. «Пойдемъ на Грековъ! Съ тобой мы рады и въ море и въ землю и въ огонь. Хоть до самаго Царьграда понесемъ ладьи на плечахъ. То ли будетъ дѣло? Не къ воротамъ ужъ приколотимъ щитъ свой, а къ груди самого Царя!»

— «Молчите, братцы, сказалъ Олегъ, неужели вы забыли, что между нами подписанъ договоръ?»

— «А чтó намъ до него?» возразила вся Княжеская дружина. «Киноварь начертила, а кровь смоетъ.»

— «Нѣтъ, дѣти, — отвѣчалъ Олегъ, — теперь очередь купеческая: пусть люди торговые пекутся на знойномъ солнцѣ и таскаются по Днѣпровскимъ порогамъ! пусть они достаютъ для насъ и для женъ нашихъ богатыхъ платьевъ и нарядовъ! И тебѣ, Олинька, моя свѣтлая радость, привезутъ сафьяну алаго, голубаго шелку да восточнаго жемчугу; — а захотимъ драться, — такъ повоюемъ съ сосѣдями.»

— «А гдѣ они, отецъ?— спросила Ольга. — Твои сосѣди моря да звѣзды. Ты своимъ булатомъ отодвинулъ сосѣдства своего до самаго глухоморья морскаго, до синеты небесной.»

— «Хорошо», отвѣчалъ Олегъ, но теперь пора намъ съ тобой попировать въ теплотѣ въ Кіевѣ и пожить по-Славянски. Не такъ ли, Многоустъ?»

— «Правда твоя, сказалъ Мстиславъ, вертя нетерпѣливо въ рукахъ своихъ хартію греческихъ условій.

— «Правда, правда», повторила толпа Кіевскихъ и Новогородскихъ купцовъ, жадно ожидавшая объявленія договора, отъ котораго зависѣла свободная торговля Славянъ на южныхъ моряхъ. — «Поживемъ по-Славянски, Князь! Да вотъ, чтò скажетъ намъ грамота мудреная? Не прикажешь ли прочесть ее громко, чтобъ всѣ слышали?»

— «Послѣ, промолвилъ важно Олегъ, обратя все свое вниманіе на дерзкія слова, въ то мгновеніе его поразившія.

— «Старъ! видно что старъ!» говорили межъ собой задорные товарищи Игоря. «Совсѣмъ забылъ отвагу сѣверную. Хочетъ умереть дома на одрѣ. Его духъ засорился Славянскою дрянью.»

— «Поди, Игорь, поди, Князь, — промолвилъ рѣзко пылкій воинъ, — просись на Грековъ! Мы всѣ съ тобой и за тебя.

«Самъ поди, Свѣнельдъ», — отвѣчалъ Игорь, — «скажи самъ: развѣ ты не видишь, какъ онъ косо взглянулъ на меня?»

Ольга, которая не теряла ни одного слова и страшилась гнѣва Правителя роднаго, какъ грома самаго, старалась всякимъ образомъ, и взоромъ, и голосомъ, и душою, занять Олега и отвратить его вниманіе отъ дерзкаго разговора; но брови вѣщаго Олега были нахмурены, а слухъ направленъ на роптавшихъ, какъ глазъ опытнаго стрѣльца, на цѣль устремленный.

«Отецъ!» сказала Ольга. «Хотѣла бы еще послушать, какъ ты былъ на золотой, на греческой странѣ. Порадуй мой женскій скухъ разсказомъ славы твоей. Подвиги твои всякой разъ мнѣ кажутся милѣе, какъ знакомый звукъ остраго гудка или гуслей звонкихъ.»

— «Позови же гусляра моего, — отвѣчалъ Олегъ, смотря пристально на Ольгу сквозь туманъ внутренняго гнѣва, — заставь его спѣть слово о войнѣ съ Греками.»

— «Вотъ онъ», промолвила торопливо смущенная Ольга, и гусли на немъ! Пой, братъ Вадимъ! пой о походѣ нашего Вѣщаго».

Пѣвецъ, взявъ въ руки гусли, висѣвшія на плечахъ, громко заигралъ и запѣлъ. Какъ молнія на темномъ небѣ, глаза Олеговы долго сверкали, то на Свѣнельда, то на Игоря, то на буйныхъ его товарищей. Какъ устрашенный путникъ, измученный ненастьемъ, Ольга долго посматривала, то на грозное

чело Олегово, то на юношей безразсудныхъ, то на супруга своего, — и только тогда начала дышать свободно, когда выраженіе лица могучаго стало становиться и тише и яснѣе.

* *
*

Велика звѣзда взошла пaлящая:
Что копье, виситъ она на облакѣ;
Что Перунъ, горозитъ она на недруга.
Изъ-за холма, холма темносѣннаго,
Не орелъ съ орлятами выпархивалъ:
Диво наше Князь Олегъ Перуновичъ,
Со дружиною своей заморскою.
Ѣдетъ Князь по берегу Днѣпровскому:
Вслѣдъ за нимъ рать, какъ рѣка булатная.
По степямъ летитъ, какъ пыль желѣзная;
Занимаетъ селы словно злой пожаръ.
Вотъ дремучій лѣсъ тамъ, какъ стѣна, стоитъ, —
А бойцы впередъ какъ на широкой путь.
Черный лѣсъ вздрогнулъ и про себя гудетъ:
«Чрезъ меня не лѣсъ ли пробирается?»
— Лѣсъ, молчи, молчи, — завыла Днѣпръ-рѣка, —
Мнѣ и безъ тебя здѣсь тяжкоі стао течь.
Ужъ не гоголей, не утокъ сизыхъ,
На струяхъ несу я стаи ратниковъ.
Крылья ихъ — пернаты калены стрѣлы,
А плавила ихъ вѣдь мечи острые.
По порогамъ идутъ, бьютъ по омутамъ;
Но добро! доплыть вамъ скоро до бѣды. —
— Тогда Днѣпръ глубокой заревѣлъ какъ звѣрь,
А ладьи на вóлнахъ раскачалися.
Вотъ торчитъ громада поперегъ рѣки:
«Нѣтъ дороги болѣ!» — Вѣщій Князь въ отвѣтъ:
Есть дорога, дѣти! Разомъ — на берегъ!

Богатырски плечи понесутъ ладьи. —
Понесли за Княземъ ладьи влажныя:
То въ рѣку, то на берегъ взбираются;
То по поясъ въ Днѣпръ, то вверхъ на утесъ.
А вотъ море, море, море синее!
Они къ западу вдоль береговъ скользятъ.
Вотъ и стольный градъ! градъ златокованный!
На стѣнахъ торчатъ Греки безумные.
Что за пыль къ Царьграду приближается!
Что тамъ вѣетъ, вѣетъ, разгоняетъ пыль?
Что саней обозы въ пору зимнюю,
На дадьяхъ тамъ скачетъ рать полночная,
Смерть кровавая тамъ распотѣшилась:
Люди сыплются со стѣнъ какъ мерзлый снѣгъ,
А за ними золото посыпалось.
Ужъ подъ золотомъ ладьи качаются,
И опять плывутъ по морю синему.
Бухъ! ужъ въ Днѣпръ противный они ринулись....
Днѣпръ молчитъ .... и лѣсъ молчитъ .... утихло все....
А тамъ въ Кіевѣ поднялся: Ура!
Слава вѣщему заморскому вождю!

* * *

Не спуская глазъ своихъ съ Гусляра, Олегъ глоталъ всѣ слова его, какъ бы сладкій медъ, и упоенный похвальными, очаровательными звуками, позабылъ минутное свое негодованіе. Мудрая Ольга, съ улыбкой на устахъ, стѣсняла въ душѣ своей волнующія чувства досады и печали; ибо пѣснь о славѣ Варяжской, въ которой имя супруга ея, сына Рюрикова, не могло быть помянуто, казалась для нея тяжка, какъ горькая укоризна Между тѣмъ Игорь и друзья его, не внимая пѣвцу, удалились и, растянувшись на густой травѣ, бесѣдовали вмѣстѣ о будущихъ своевольныхъ рѣшеніяхъ, о мнимыхъ подвигахъ и о добычахъ.

Правитель всталъ, ударилъ Гусляра по плечу, похвалилъ пѣснь его и плавно удалился въ свои палаты; за нимъ Варяжскіе послы, Славянинъ съ договоромъ въ рукахъ — и всѣ купцы Варяжскіе, Кіевскіе и Новогородскіе. Ольга же осталась на скамьѣ въ задумчивости; долго глядѣла на равнодушнаго супруга и наконецъ, махнувъ рукой, пошла къ своимъ сѣннымъ дѣвушкамъ, которыя на Княжескомъ дворѣ заводили разныя веселыя игры. Онѣ, подъ однообразный припѣвъ, то сплетали, то расплетали бѣлыя руки, словно косы волнистыя. — «Пойдемъ домой, подруги милыя! пойдемъ, голубушки!» сказала имъ задумчивая Ольга. «Ужъ старухи чай давно приготовили намъ работу и намотали ленъ на веретено.» — Давно все готово, — закричали изъ окна сипкимъ голосомъ двѣ сѣдыя женщины, да что съ ними дѣлать? не слушаются.

Расплелись тихо руки у красныхъ дѣвушекъ и повисли, какъ березы плакучія надъ смирной рѣчкой: пошли за Ольгой вслѣдъ, но медлительно, принужденно, — и тайкомъ поглядывали на знакомаго Гусляра, который, какъ скоро Олегъ удалился, подошелъ было къ хороводу и заигралъ веселую, плясовую пѣсню. Пѣвецъ опять забросилъ гусли на плеча и побѣжалъ въ гостинницу, гдѣ давно ожидала его толпа нетерпѣливыхъ плясуновъ.

Восходящее солнце еще не освѣщало злачныхъ садовъ Княжескихъ. Земные пары дымились надъ однообразными грядами! свѣжая роса орошала широкую капусту и вьющіяся лозы хмѣля и крупными перлами тихо капала съ глянцовидныхъ яблоковъ и съ кустарниковъ, обвѣшанныхъ алыми кистями. Жены Олеговы уже сошли съ высокаго терема во влажный, сѣнистый огородъ, — и поклонившись въ поясъ старшей супругѣ властителя, стали собирать зрѣлыя маковицы и хоромъ запѣли:

Придолинный макъ,
Приширокій макъ,
Маки, маки маковицы,
Золотыя головицы!

«Ахъ вы малодушныя!» сказала имъ печальная Любеда, «не до пѣсень бы вамъ было, ежели бъ вы то видѣли во снѣ что̀ нынѣ мнѣ приснилося.... Что-то дурно будетъ, а кому? Перунъ вѣсть.» — Что жъ тебѣ приснилось? Разскажи, бабушка! — и вопросы за вопросами потекли, какъ струя за струей. — Слушайте же, лебедушни, и молчите.

«Вижу во снѣ: идетъ по саду Олегъ, наше солнышно, и я съ нимъ тутъ же очутилась. Вдругъ, откуда ни возьмись, скопа-злодѣйка, летала, летала надъ нашимъ сожителемъ, да вдругъ какъ бросится на него, — и вонзила ему свои когти ядовитые въ черепъ. Я стала отгонять и туда и сюда, и вѣтвями и руками, а она все глубже да глубже: помертвѣлъ нашъ сердечный, заморгалъ своими сокольими глазами, и тутъ же предо мною разсыпался въ мигъ. Съ нами Бѣлъ-богъ! Сердце мое замерзло; я очнулась — и гдѣ же? — У окошка.... А кукушка въ рощѣ себѣ кукуетъ да кукуетъ.... Тутъ я зачадала: сколько мнѣ еще придется пробыть на бѣломъ свѣтѣ? — Считаю, считаю, и все мѣшаюсь.... Кукушка замолчала и вдругъ по четыремъ угламъ ложницы моей кузнечики громко заковали.... Выживаютъ ехидныя.... вѣдь смерть не за горами, а за плечами. Съ тѣхъ поръ хожу я безъ ума какъ будто въ кругу лѣшихъ косматыхъ. Стою здѣсь съ самой зари, словно вкопаная; жму маковки въ рукахъ; зерны сыплются наземь, а мнѣ какъ и дѣла нѣтъ.... Подбирай кто хочетъ.... Кому? — не знаю, а насталъ чернѣй день.»

Женщины, подгорюнившись, стали толковать, каждая по своему, страшный сонъ Любеды. «Не сходить ли тебѣ, тетушка», сказала одна изъ нихъ, «къ нашему мудрому повелителю? Вѣдь онъ сны толкуетъ, какъ мы пѣсни поемъ. Все тебѣ откроетъ». — А какъ онъ не веселъ или занятъ высокимъ дѣломъ: Такъ давай Бѣлъ-богъ ноги. Хоть и стара стала, а передъ хозяиномъ все какъ дѣвочка. Не сходить ли мнѣ

лучше къ Варяжкѣ Княжевой, да упросить ее, чтобы она пошла да провѣдала у него: добра или худа намъ ожидать?

— «Ты главная надъ ней», возразила нетерпѣливо меньшая изъ женъ Олеговыхъ, — «тебѣ ли ей кланяться? — Неужели пришлая родня выше сожительницы? — Она и такъ спесива стала: обвѣшаетъ себѣ лобъ парчой да бисеромъ и закатитъ голову, словно подсолнечникъ, когда таращитъ свои золотые листья передъ яркимъ солнцемъ. Никогда не сходитъ въ Княжіе огороды. — Бѣлоручка! — Работаетъ дома, боится загорѣть, а давно ли пеклась круглый день на лодкѣ, когда она была перевощица, тамъ гдѣ-то, на озерѣ: не такъ какъ мы взяты изъ Новгорода.» — А я изъ Смоленскаго. — А мы изъ Чернигова. — А мы три привезены со стороны Болгарской.

— «Всѣ горожанки; въ городскихъ стѣнахъ росли: не въ полѣ, не въ лѣсу, какъ зайцы, пойманы, а выбраны честь честію у родимыхъ въ избахъ.—Ее же Игорь Рюриковичъ поймалъ на охотѣ, какъ лисицу лукавую.»

— «Что въ ней Князю молодому понравилось? сказала протяжнымъ выговоромъ Смолянка. — Не дородна, не черноглаза, не круглолица.

— «Ему то въ ней и понравилось», отвѣчала другая, «что она бѣлокура, какъ всѣ заморскія ихъ дѣвки, да и хозяинъ нашъ то и дѣлаетъ, что хвалитъ въ ней Варяжскія ухватки.

— «По моему не хорошо женщинѣ молодой,» продолжала первая, «прямо могучему Князю въ глаза смотрѣть и не робѣть: онъ нахмурится, Варяжка заводитъ рѣчь веселую; онъ разгнѣвается, а она заговоритъ про войну, про побѣды.»

— «Неужели вы думаете, — сказала меньшая изъ Олеговыхъ женъ, — что она его не боится? Она хитра на уловки, смѣло скажетъ одно слово, а десять промолчитъ. Повѣрьте; много мыслей у нея на умѣ нанизано.

— «Придется намъ терпѣть горе отъ нея, когда нашего краснаго солнышка не станетъ», прервала среброволосая Любеда. — «Слышали ли вы, мои лебедушки? Вишь сказываютъ, что ей подарено село большое на горѣ, и боръ, и луга, и цѣлое стадо рогатаго скота; да еще сказываютъ, что́ велѣно выстроить ей тамъ палаты съ дубовымъ заборомъ, а среди двора высокую голубятню. Намъ же горемышнымъ, что́ пожаловалъ нашъ владыка за многолѣтнюю любовь, за непрерывныя заботы? Вѣкъ свой пролюбили его и прослужили ему, — и останемся послѣ него что брошеныя заржавыя латы.»

Олеговы жены прикручинились, и молчаливо принялись снова за работу; но скоро опять протяжная пѣснь раздалась по влажнымъ огородамъ.

Полуденное солнце среброогнистыми лучами изливаетъ на задумчивую природу послѣдній жаръ утекшаго лѣта. Изсохшіе багровые листья шелестятъ и валятся другъ за другомъ. Тамъ рябина красуется своими тяжелыми коралловыми кистями; тутъ иглистая сосна, какъ безстрастная душа, однообразно зеленѣетъ, пока стоитъ на здравомъ корнѣ. Мутныя воды своенравнаго Днѣпра бушуютъ по омутамъ, разливаются то на одинъ берегъ, то на другой, — и струя за струею желтѣетъ и серебрится. Вездѣ свѣтъ; все бѣло, все сверкаетъ: какъ будто всѣ тѣни и мракъ укрылись въ Днѣпровскія мшистыя пещеры. Гады выползаютъ на песчаный берегъ, а прозрачныя насѣкомыя спѣшатъ блеснуть и приласкать крыломъ лѣнивымъ полуувядшіе цвѣты; но вѣщее крылатое племя давно летитъ прямымъ путемъ къ лимоннымъ рощамъ. Ихъ теплыя гнѣзды пуховыя здѣсь скоро наполнятся тяжелымъ снѣгомъ: инымъ ужъ не согрѣться подъ крыломъ весенней матери.

«Вставай, колдунъ!» кричала толпа Варяговъ, тѣснившаяся въ закоптѣлую избушку Кіевскаго кудесника. «Ступай съ нами къ Князю! Что ты тамъ на полатяхъ ворчишь? Смотри, не колдуй,—не то мы тебѣ заткнемъ ротъ твоей же длинной сѣдой бородою.»

— «На что вамъ меня? промолвилъ старикъ, спускаясь медленно съ полатей, и сталъ передъ воинами въ темномъ шерстяномъ плащѣ, едва покрывавшемъ худое и черное его тѣло. — Что во мнѣ Князю вашему? Не самъ ли онъ сталъ нынѣ Вѣщій? Онъ лучше меня знаетъ, чему быть и не быть; онъ самъ, говорятъ, кудесникъ такой же какъ и я.»

— «Молчи, косматый», закричали Варяги, выталкивая старика изъ низкихъ дверей, и потащили его въ Княжія палаты.

Громкій хохотъ раздался по застольной Княжеской. «Добро пожаловать,» закричалъ Олегъ, «чудесный, высокій чародѣй! Зрячій кротъ! вѣщая сова!» — и послѣ каждаго восклицанія, онъ прихлѣбывалъ изъ двухъ огромныхъ роговыхъ кружекъ то медъ, то пиво.

«Не бросить ли его изъ окна въ рѣку!» закричалъ пьяный Варягъ, «авось либо онъ тамъ свѣтлѣе будетъ видѣть.»

— «Нѣтъ, нѣтъ,—возопили другіе, до безумства упоенные Игоревы товарищи. Если онъ сова, то повѣсить на деревѣ; если онъ кротъ, то въ землю его.

«А ты что́ думаешь, Рюриковичъ?» сказалъ Олегъ, обратясь къ Игорю.

— «Что я думаю? — отвѣчалъ сынъ Рюрика, не отходя отъ огача, у котораго онъ жарилъ подъ горячей золою отборный кусъ конины. — По-моему его бы здѣсь испечь, да созвать на пиръ галокъ да вѣдьмъ хвостатыхъ.

— «Испечь, испечь,» повторилъ Свѣнельдъ и вся молодежь за нимъ. Но Олегъ, оттолкнувши отъ себя обѣ кружки полныя, воскликнулъ: «Что жъ ты скажешь, колдунъ? Гдѣ жъ твое предсказаніе! Добрый мой конь давно не бьетъ копытомъ

по сырой землѣ, а я еще здѣсь за почестнымъ столомъ пирую и бесѣдую.»

— «Хлѣбъ да соль, — прошепталъ испуганный кудесникъ, — дай тебѣ нашъ Перунъ Кіевской и житья и бытья.... Не всегда языкъ намъ повинуется, — продолжалъ старикъ смѣлѣе и выше, замѣтя, что на челѣ Правителя дума замѣнила выраженіе строгости! — Гдѣ темно, тутъ не мудрено споткнуться, а вѣдь въ будущемъ, ты самъ знаешь, не скоро разглядишь. Видишь черно, а выдетъ бѣло; на умѣ хорошо, а выскажешь худо.

— «Подавайте конюха сюда», сказалъ Князь, какъ будто пробудившійся отъ сна глубокаго. Конюхъ вошелъ — и, по восточному обычаю, бросился въ ноги Правителю. «Говори, братъ Хозаръ; да вставай же, не валяйся, какъ кляча больная, стой на ногахъ! Хорошо ли ты ходилъ за Ателемъ моимъ, или бросилъ его, моего коня удалаго, какъ бросаютъ ссылочную невѣрную жену? Ужъ не кормилъ ли ты его жесткой соломой, али пыльнымъ, землянистымъ сѣномъ? Ужъ не поилъ ли ты его гнилой водой въ сосѣднемъ, тинистомъ прудѣ? — Вы, Хозары, вѣдь лѣнивы; все бы лежали, а бѣдный Ател мой, вѣрный, ретивый слуга, отъ Хозарской нѣги да отъ словъ Злорада старика протянулъ навсегда свои быстрыя ноги. — Помните, друзья, какъ онъ, бывало, спесивился подо мною, какъ онъ круглилъ свои переднія ноги, словно пару упругихъ натянутыхъ луковъ. Сказывай, Хозаръ, какъ Атель у тебя кончилъ дни свои?»

— Каганъ солнцеобразный! Скажи мнѣ: поди, умри! — я пойду и умру. Но не вини меня въ смерти коня Ателя. Атель мнѣ былъ братъ, одноземецъ. Онъ, также какъ и я, воскормленъ въ изумрудныхъ и перловыхъ лугахъ моей Хозаріи и вмѣстѣ со мною приведенъ въ Кіевъ лѣсистый. Я ли его не любилъ, не лелѣялъ? Его ржаніе мнѣ было понятно, какъ нарѣчіе красной родины. Не вкушать мнѣ боэмота за божіей трапезою, если я не кормилъ Ателя пшеничной золотой со-

ломой и благовоннымъ сѣномъ, скошеннымъ дочерьми Кіевскими на поемныхъ лугахъ. Поилъ я его водой хрустальной; купалъ его въ проточныхъ ручьяхъ. Но съ тѣхъ поръ какъ лучи твои яркіе потухли для него, съ тѣхъ поръ какъ Каганская рука твоя не стала ужъ болѣе его гладить по ребрамъ шелковымъ, глянцовиднымъ, какъ волосы дѣвы выходящей изъ купальни. — Атель сталъ томнѣе вдовицы; глаза его оленьи померкли; алыя ноздри поблекли, какъ сорванныя розы. Но кто можетъ скрыться отъ Ангела смерти? Однако утѣшься, Каганъ; крыло смертное не тронуло въ твоихъ теплыхъ конюшняхъ ни коня, ни жеребца бѣлогриваго, ни Угорской кобылы. Моимъ только рабскимъ глазамъ проливать слезы по Ателѣ миломъ, по братѣ моемъ, по одноземцѣ моемъ!... Да отсѣчется языкъ, который промолвилъ совѣтъ ядовитый! Да будешь ты, Каганъ, вездѣ осѣненъ радостію и златомъ, — и одръ твой да устелется любовію дѣвъ Славянскихъ!

— «Гдѣ же лежитъ теперь мой бѣдный конь? спросилъ Правитель, тронутый разсказомъ восточнаго конюха. «Осѣдлай мнѣ Угорскую кобылу и повези меня туда, Хозаръ. Я хочу взглянуть на кости моего страшнаго врага!»

Пошелъ Олегъ съ своею дружиной въ новопостроенную теремную конюшню и, осмотрѣвши всѣ стойла дубовыя и погладя каждаго изъ лоснистыхъ коней своихъ: «Надобно признаться,» сказалъ онъ Варягамъ, что люди восточные лучше насъ знаютъ дѣло конское.» — Да на что намъ было и учиться ему? отвѣчалъ бывшій Король морской, Рюриковъ родственникъ. — Наши поля Норманнскія — лазурное море! А по немъ скачутъ крылатыя ладьи. У нихъ степи да луга, а у насъ океанъ да звѣзды!

Правитель улыбнулся, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ вслѣдъ за Хозаромъ: за нимъ же пошла толпа Варяговъ и Славянъ. Игорь и товарищи его потащили кудесника, чтобы еще имъ позабавиться.

Дорога къ берегу вела мимо холма Перунова. Славяне ударили челомъ въ землю; а Олегъ, не сходя наземь, опустилъ голову до праваго плеча коня своего и, поворотясь къ своимъ Варягамъ, сказалъ: «Преклоните свои главы предъ Кіевскимъ Торомъ. — Но кто тамъ стоитъ промежъ боговъ», спросилъ онъ у купца Мстислава, «словно образъ изъ дерева?» — Это вдова Нариза, отвѣчалъ Кіевляникъ. «И впрямъ она! Вотъ ужъ сколько разъ она мнѣ попадается», шепнулъ про себя Правитель встревоженный.

«*Огня нѣтъ, а крови много*»!... закричала проницательнымъ голосомъ безумная, истощенная горестью женщина, и устремя на Олега неистовые взоры: «*Такъ*!» продолжала она, «*вѣдь вы не Князья!... за то и убили!... зачѣмъ же для меня огня не стало?*» — Тутъ вдова перебѣжала черезъ дорогу и скрылась въ дебрь лѣсную. Слова несвязныя помѣшанной вдовы не въ первый разъ ударяли въ слухъ Олега; онѣ не были безсмысленны для него. — Вѣдь я ихъ погубилъ, помышлялъ онъ у себѣ на умъ, не для себя одного, а въ пользу Рюрикова сына!... Нѣтъ, неправда!... Но развѣ месть и война не даютъ права на жизнь людей? — Тутъ не было ни мести, ни войны.... — И стало тяжело и пусто въ душѣ Князя Варяжскаго.

Спускается толпа съ крутаго утеса къ широкому Днѣпру. Тяжелые шаги и говоръ людской раздаются въ пещерахъ: тутъ голоса заглушаютъ журчаніе рѣки; далѣе они заглушены шумомъ волнъ строптивыхъ. «Вотъ черепъ Ателя», сказалъ конюхъ Олегу, вотъ весь оставъ его. Я его тутъ въ глазахъ востока нарочно положилъ, чтобы восходящее солнце раскрашивало каждое утро его бѣлыя кости.»

— Миръ тебѣ, мой Атель ретивый! привѣтствую, товарищъ побѣдъ моихъ! промолвилъ Князь, сходя съ лошади, — дома умеръ! не на полѣ! не отъ острой стрѣлы!... Вѣщій старичишка! продолжалъ Князь съ насмѣшливой улыбкой. — Этому ли коню сломить мнѣ голову?

И тутъ приподнялъ ногою черепъ. «Возьмите, братцы, да надѣньте ему это вмѣсто шапки»....

Тутъ Олегъ замолчалъ, пошатнулся, помертвѣлъ, взглянулъ на всѣ стороны и указалъ на ногу. Сподвижники-витязи бросились къ нему въ изумленіи и, устремивъ глаза наземь; узрѣли съ ужасомъ мѣдяную змѣю, обвившую ногу уязвленнаго богатыря. «Это онъ! онъ!» едва выговаривалъ Олегъ, указывая на кудесника, а послѣ на рѣку. — Онъ! — повторили Варяги и, схвативши колдуна, взвили его, какъ пращу, и бухнули въ волны, а за нимъ растерзанную на куски змѣю и роковой, лошадиный оставъ.

Правитель, изъявивъ имъ благодарность движеніемъ головы, назвалъ Игоря.... Ольгу.... Бога-Одина, — и палъ на песокъ, какъ тяжелый камень.

СКАЗАНІЕ ОБЪ ОЛЬГѢ.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

На уступѣ горы, висящей надъ Днѣпромъ, кроется землянка промежъ златистыхъ, высокихъ коноплей. Входъ въ нее съ сѣвера, а напротивъ возвышается курганъ, заросшій муравою. Въ подземной хижинѣ, съ трескомъ горитъ лучина, а въ срединѣ ея нагромождены вѣнцы изъ бревенъ. Возлѣ сей громады, доходящей до низкаго потолка, стоитъ женщина въ бѣлой, вдовьей одеждѣ, клочками висящей на худощавомъ тѣлѣ. — «Высоко! не достану!» промолвила она и стала перебирать и разбрасывать бревна на всѣ стороны, и послѣ съ глубокимъ вниманіемъ опять ихъ накладывать одно на другое. Много разъ принималась она за свою безсмѣнную ночную работу, и качая головой, столько же разъ разрушала ее съ одинаковымъ терпѣніемъ. — «Вотъ уже запялись стожары на небѣ, а я еще не готова!» — и вдова съ новымъ рвеніемъ торопливо продолжала свой трудъ. — «Слава богу-Нію! кончено! вдругъ закричала безумная, «теперь надо огня!...» и тутъ взглянула на догоравшую лучину, протянула къ ней руку, но вмѣсто лучины схватила мѣдный котелъ, пошла къ рѣкѣ,

скоро возвратилась.... и вылила воду на бревна.... Потомъ задумалась и долго твердила: «не то! не то!...» Тогда мысли ея совсѣмъ растерялись, — и она, неподвижно, въ изумленіи, стояла возлѣ мнимой клады [1]), ею сооруженной. Такимъ образомъ несчастная проводила всѣ ночи; никогда добровольно не вкушала покоя, и, какъ сторожъ на холмѣ въ бранное время, иногда только, стоя, дремала. Когда же члены ея, угнетенные непрестанною мукою, не могли уже болѣе упорствовать противъ требованія природы, она падала наземь; но скоро пробуждалась и вскакивала съ ужасомъ, какъ будто сонъ былъ для нея преступленіе.

— «Добрую вѣсть къ тебѣ несу, вдовушка-сестрица, за хлѣбъ твой за соль», промолвилъ нищій, входя въ землянку, — и подбѣжалъ къ знакомому углу, гдѣ возлѣ кружки, наполненной краснымъ квасомъ, лежали ржаные хлѣбы и груда яблоковъ и орѣховъ, — «врага твоего не стало!... Олега не стало!... слышишь ли?» — Олега! повторила Нариза, — Оскольда моего давно не стало!...

— «Старикъ!... Принеси мнѣ ужо сюда огоньку, да побольше.... нѣтъ, нѣтъ, не сюда, а туда, на курганъ его.... Здѣсь низко, тѣсно.... какъ ни стараюсь, все не удается». — «Послушала бы ты», продолжалъ нищій, «какой плачъ поднялся въ Кіевѣ!... Словно сабаки воютъ!... а жены его и духа не переводятъ, говорятъ да приговариваютъ: я чаю, словъ не достанетъ на похоронный часъ». — «Жены его?» возразила Нариза, «поведи меня къ нимъ». — «Пойдемъ,» отвѣчалъ старикъ, наполняя суму съѣстнымъ запасомъ, «я и самъ радъ посмотрѣть что тамъ дѣлается, да голодъ притянулъ къ тебѣ, сестрица, въ землянку.... Теперь я сытъ, ...пойдемъ....»

Толпа валитъ со всѣхъ сторонъ и стремится на гору Щековицу; хрупкіе и пестрые листья устилаютъ землю въ лѣсахъ и шерошатся подъ торопливыми стопами народа. По густой

---

[1]) Костеръ погребальный.

дубравѣ раздаются женскіе голоса, сзывающіе рѣзвыхъ, игривыхъ дѣтей. На холмѣ шумъ, крикъ, сумотоха, разнообразіе одеждъ, нарѣчій; все движется, все пестрѣетъ....

На самой вершинѣ холма качается шатеръ на дубовыхъ столбахъ; вѣтеръ рвется въ натянутую бѣлую парусину; въ шатрѣ стоитъ одръ, покрытый узорчатыми коврами, недавно присланными въ даръ Правителю отъ Греческаго царя. — На нихъ лежитъ усопшій Олегъ, въ желѣзныхъ латахъ, въ шлемѣ, съ мечемъ у бедра. Жены его тѣснятся вокругъ одра и непрестаннымъ стенаніемъ изъявляютъ свою горесть. То одна, то другая приговариваетъ плачевнымъ голосомъ слѣдующія надгробныя рѣчи:

«Ахъ, владыко нашъ! наше красное солнышко! На кого ты насъ покинулъ, на кого, насъ горемышныхъ? Съ кѣмъ ты думалъ эту думушку, бросилъ здѣсь насъ слезныхъ вдовушекъ! Съ кѣмъ-то теперь слово намъ промолвить? Къ кому намъ чело преклонить? Иль тебѣ бѣлый свѣтъ не милъ? — Что спесиво такъ лежишь, не взглянешь? — Хоть молодымъ женамъ скажи слово ласковое! — Какъ лебедушекъ нарядилъ насъ навѣкъ въ бѣлую фату! — Просвѣти на насъ еще краснымъ солнышкомъ! — Ты одѣнь насъ опять въ лазурной, въ алой цвѣтъ!

Въ продолженіи плача женъ Олеговыхъ, Ольга, окруженная своими молодыми и старыми прислужницами, неоднократно старалась подойти къ печальному одру, чтобы усыпать трупъ благодѣтеля мшистой душицей, можжевельникомъ и буковицею, набранною въ тѣни; но вдовы, побужденныя согласнымъ чувствомъ негодованія, желая сохранить вполнѣ послѣднія права свои, подъ видомъ горести, каждый разъ заграждали путь молодой Княгинѣ и грубыми движеніями отдаляли ее, какъ будто въ отчаяніи своемъ не примѣчая ея намѣреній.

Идетъ Игорь съ толпою Варяговъ, а за ними Славянскіе купцы несутъ медовый пирогъ въ ростъ человѣческій Тутъ вдовій вопль раздался громче; но уважая новаго Правителя,

всѣ съ почтеніемъ разошлись и пропустили его. Славяне положили возлѣ трупа огромный пирогъ. — «Вотъ тебѣ даръ отъ всего Кіевскаго купечества», сказали они съ гордымъ удовольствіемъ. «Будь доволенъ, дядя», продолжалъ сынъ Рюрика, «вотъ и еще тебѣ!» Тогда Ильменскіе купцы, поглядя спесиво на Кіевлянъ, обставили одръ мѣхами, наполненными кипящимъ медомъ. Ольга стала возлѣ своего супруга, и тогда только свободно совершила обрядъ завѣтный. Игорь съ толпою удалился, а молодая Княгиня сѣла въ ногахъ усопшаго, и, погрузясь въ глубокую думу, стала мечтать о начинающемся княженіи своего сожителя и о тяжкомъ дѣлѣ, на немъ возлежащемъ. Вдругъ поднялся край шатра, — и явилась Оскльдова вдова съ убогимъ своимъ проводникомъ. Кто изъ васъ хочетъ умереть?» промолвила она рѣзкимъ голосомъ. Вопль унялся, и всѣ на ней остановили удивленные взоры. «Кто изъ васъ хочетъ умереть?» возопила троекратно изступленная вдова. — «Я!» закричали единогласно три Болгарскія Славянки, и лица ихъ, отражавшія душевную борьбу, зардѣлись вдругъ и поблѣднѣли. «Всѣ три!» воскликнула Нариза. «Довольно и одной. Я за своего Оскольда одна горѣла.» — «Такъ я иду одна», прервала съ усильнымъ восхищеніемъ молодая вдова Олегова, привезенная съ береговъ Дуная. — «Давайте же сюда,» закричала безумная, «куръ, дѣтей новорожденныхъ и пѣтуховъ! Натащите бревенъ да хворосту побольше, да огня не забудьте!...» — «Что вы ее слушаете?» сказала суровая старуха, выходя изъ толпы рабынь, окружавшихъ Ольгу. «Она, безумная, не можетъ васъ научить! это дѣло не легкое. Если въ чемъ ошибешься, такъ отъ Чернобога въ вѣкъ не уйдешь! Все должно идти по порядку, по очереди; а я ужъ съ малолѣтства привыкла къ дѣлу похоронному. У насъ на Дунаѣ, у черныхъ Болгаровъ, всегда сжигаютъ трупы на кладахъ, и мертвыхъ и живыхъ вмѣстѣ, лишь бы охота была. Я на своей родинѣ уже два раза служила свахою смертною, и покажу вамъ, какъ все должно исполниться. Первое, смотрите: вы, двѣ

землячки мои, отходите отъ нея, показывая на молодую Болгарку, чтобы она не передумала; а то бѣда! Тутъ надо соорудить кладу для усопшаго, ибо коль ужъ женѣ горѣть за мужа, то, не особливо же, а съ трупомъ его.... а не по-Кіевски зарывать его въ землю....» Тутъ поднялся шопотъ и споръ между разноплеменными Славянками. — «Что онѣ вздумали?» возразили вмѣстѣ уроженки Ильменскія и Кіевскія. «Кто имъ дастъ волю? Теперь не водится у насъ мертвыхъ огню предавать. — Наша же премудрость-Олегъ строго запретилъ женамъ погибать съ усопшими мужьями: онъ эту самую сумасбродную вдову Оскольдову, милосердо, велѣлъ вытащить изъ огня, едва живую, когда она бросилась на костеръ сожителя своего.»

«Зачѣмъ мѣшать, если охота есть?» сказала Смолянка: «у нашихъ Кривичей жгутъ на кладахъ.... Если же Болгарочкѣ нашей, любя сожителя, хочется съ его тѣломъ сгорѣть, такъ для чего же ее останавливать?» — «И въ самомъ дѣлѣ! сказала старая Любеда, — у насъ на странѣ Черниговской мудрые люди говорятъ: «вдовѣ неприлично въ люди казаться;» а если покажется, всѣ закричатъ: «стыдно! Мужъ въ могилѣ, а жена по дворамъ!» Добро намъ оставаться въ живыхъ, у кого дѣтушекъ много, а ея дѣло свободное, ребятъ не бывало; молода.... долго, долго еще ей одной шататься по бѣлу свѣту. Пусть ее къ нашему кормильцу идетъ служить рабою; видно онъ ее любитъ, видно зоветъ къ себѣ.» — «Безумныя! не срамъ ли вамъ молодушку губить?» возразили Новогорожанки и Кіевлянки. «И впрямъ безумныя!» говорила себѣ на умѣ Княгиня Ольга, не взирая на толпу ее окружавшую, и закрывая глаза свои руками. «Безумныя!» закричали опять всѣ на Болгарку. «Безумныя вы!» возопила съ яростію восточная раба, — «вы червямъ отдаете любимца своего; а у насъ онъ прямо съ клады идетъ на свѣтлое мѣсто; но что мы съ ними время тутъ теряемъ?...» и обратясь къ двумъ Болгаркамъ, «возьмите ее,» продолжала она, указывая на посвященную вдову, которая съ

судорожной улыбкой стояла неподвижно и оглядывалась кругомъ съ изступленными взорами, «возьмите ее подъ руки и водите всюду, куда ей вздумается; нѣсколько разъ днемъ и ночью умывайте ей ноги; подавайте ей почаще пьянаго меду и пойте живыя пѣсни; да заставляйте ее съ вами припѣвать, а какъ я кончу все при усопшемъ, то приду и наряжу ее какъ водится; мы надѣнемъ на нее ея лучшія кольца и ожерелья, что тамъ у нея найдется.... Подите же съ Бѣлъ-богомъ.... Ты же,» сказала она Смолянкѣ, «иди на холмъ священный, къ жрецу Молоху, и вели ему принести сюда божковъ раскрашенныхъ; ихъ надо будетъ разставить вокругъ клады.... да собери молодцовъ проворныхъ, чтобъ они здѣсь нагромоздили высокій срубъ.... А ты, Княгиня-Матушка, поди, скажи своему сожителю Игорю Рюриковичу, что мы собираемся здѣсь совершить страву по нашему, по Славянскому, по старинному! Проси жъ его, чтобъ онъ до другаго дня отложилъ похоронный обрядъ; намъ нужно по крайней мѣрѣ два денька, чтобъ все снарядить порядочно.»

Ольга встала, рѣшась помѣшать безумному обряду, и строго повелѣла старой Болгаркѣ слѣдовать за собою. За нею пошли ея прислужницы.

У подошвы холма, на гладкой лужайкѣ, Игорь пировалъ съ товарищами своими въ шумномъ кругу, обставленномъ пивными котлами, къ которымъ ежеминутно подбѣгалъ народъ и черпалъ въ нихъ съ жаждою, непрестанно умножавшеюся. Четыре гусляра стоятъ рядомъ, и при первомъ знакѣ готовы заиграть на гусляхъ и запѣть богатырскій плачъ по Олегѣ. Далѣе на бугрѣ, конюхъ Хозаръ, въ куньей шапкѣ, въ Азіятскомъ богатомъ кафтанѣ, съ печатью унынія на лицѣ, держитъ за узду черногриваго коня; за нимъ двое темнорусыхъ юношей, въ кружало обстриженныхъ, съ трудомъ удерживаютъ ярыхъ жеребцовъ. Старѣйшина Славянскій, тотъ самый, который съ чернымъ жезломъ въ рукахъ обходилъ поутру всѣ дворы Кіевскіе и окольныя мѣста, и собралъ народъ на печальное

празднество, — доплетаетъ тутъ лѣстницу изъ ремней, творя молитву богу-Нію. Усердные рабы тѣснились вокругъ него: одни точили ножи; другіе разставляли стекляныя и муравленыя чаши; между нихъ блистали сосуды серебряные, похищенные самимъ Олегомъ въ Греческомъ монастырѣ. Возлѣ нагроможденныхъ оружій усопшаго лежатъ два заморскіе пса; они свирѣпо глядятъ и ворчатъ на проходящихъ. Но вдругъ приподнявши рыло на мимошедшихъ женъ, они замахали длинными хвостами и подошли къ Княгинѣ. Знакомая имъ рука ея погладила ихъ по худощавымъ бедрамъ. Они приласкались къ ней и послѣ долго смотрѣли ей вслѣдъ, прилегли опять, и снова стали стеречь Олеговы доспѣхи и ворчать на прохожихъ.

Княгиня Ольга, съ прислужницами, вошла въ кругъ собесѣдниковъ Игоря. Варяги, хотя полуошалѣвшіе отъ крѣпкихъ напитковъ, не забывали однако же Скандинавскаго уваженія къ женщинамъ и, привѣтливо нагнувъ голову, улыбнулись ей: «Здравствуй, красавица Княгиня,» сказали ей они: «не хочешь ли ты съ своими молодушками сѣсть съ нами попировать? Всѣмъ молодушкамъ будетъ мѣсто!» И тутъ они начали тѣснится.... Славяне, которые считали женщинъ рабами, не трогались съ мѣста и, поглядывая косо на Варяговъ, продолжали пить и разговаривать.

«Братцы Варяги!» возопилъ Игорь, «оставьте бабъ и дѣвокъ: теперь не до нихъ! Выпьемъ послѣдній кубокъ въ честь дяди Олега, а потомъ примемся за игры похоронныя.» — «Вздоръ!» сказалъ среброусый воинъ, «неприлично пить въ честь мужа умершаго не на ратномъ полѣ!»

«Какъ говоришь ты Князю?» прервали другіе.

— Да вздоръ, конечно! — повторилъ воинъ. — Я Рюриковъ старый товарищъ; между отцомъ Княжимъ и мною было братство кровное, сочетанное послѣ побоища на великомъ полѣ-Окіянѣ. Сыну его молодому я все въ глаза сказать могу. Ты, Князь! не знаешь этого. Ежели бъ Олегъ умеръ отъ булата, то выпили бъ мы охотно кубокъ въ честь его; но онъ

кончилъ дни свои во время мирное. Довольно того, что мы порадуемъ духъ усопшаго тризною, играми и пѣніемъ, такъ какъ поминали и Рюрика, отца твоего.

— «Вотъ нашелъ о чемъ толковать,» отвѣчалъ насмѣшливо на грубомъ нарѣчіи Варяжскомъ старый сотрудникъ Олега, — «для чего на тризнѣ не осушить кубка въ честь полководца и брата? Онъ же не своею смертію палъ, а ужаленъ злымъ гадомъ. Ежели бъ у насъ кто на пиру вздумалъ пѣть пѣсню о морскомъ витязѣ Лодборгѣ, осмѣлился ли бъ ты сказать, что онъ умеръ не отъ меча, не отъ стрѣлы, а въ сырой тюрьмѣ отъ эхидныхъ змѣй?... да объ чемъ намъ говорить? Мало ли что мы сотворяемъ противъ родныхъ обрядовъ? Какіе мы обряды изъ отчизны сюда привезли? Все пошло по Славянскому, и припѣвы наши, и празднества наши, и Азы наши, и морскія сшибки.... Все пропало!... Пропалъ и Торъ буреносецъ, пропалъ и Одинъ стрѣловержецъ, а на мѣсто ихъ Перунъ да Перкунъ, иль Волосъ какой-то рогатый!...»

— «Для чего жъ, возразила молодежь Варяжская, теперь, что Олега стараго не стало, для чего не завести все по нашему? Пусть будетъ все, по-Скандивавски, и боги и языкъ! Зачѣмъ намъ Норманнамъ плясать по дудкѣ Славянской, кланяться уродливымъ и нищимъ ихъ богамъ, да коверкать языкъ свой на ихъ нарѣчіе? Пускай же они говорятъ по нашему; они же переимчивы, скоро выучатся.

— «Да будетъ такъ!» воскликнулъ съ восторгомъ устарѣлый слѣпецъ, сидѣвшій возлѣ Игоря. — «Князь, сынъ мой! съ благословеніемъ всѣхъ Азовъ, построй храмъ Одину, на высшемъ холмѣ Кіевскомъ, и дай мнѣ прежде смерти ощупать стѣны, посвященныя отцу вѣковому, отцу кроволитія, пожароносцу, богу шумному, бровистому, темному, супругу земли, сѣдящему надъ всѣми морями сѣверными!...» Тутъ старецъ, который въ восхищеніи своемъ привсталъ было на дряхлыя ноги, запыхавшись, сѣлъ на траву и, опустя голову, задремалъ.

«Пропадай ихъ Перунъ!» закричала вдругъ тма голосовъ, «заведемъ все свое! Да, Князь Игорь, быть такъ.»

Между тѣмъ Ольга, подбѣжавши къ Князю и пользуясь умножающимся шумомъ, стала сильно уговаривать его: «Не слушайся отца и Варяговъ: ты княжишь надъ Славянами: а вѣдь что сдѣлано Рюрикомъ и Олегомъ, то все обумано, все зрѣло. Можно ли меньшему одолѣть большее? Если всѣ Славяне соберутся, да вздумаютъ обступить васъ и выжить, какъ вы съ ними сладите? Вѣдь вы топчете чужую землю, а не своя земля бѣжитъ что̀ вода подъ ногами!

Игорь съ видомъ равнодушія и даже насмѣшливо улыбаясь, внималъ совѣтамъ мудрой Ольги, но внутренно соглашался съ ней тѣмъ болѣе, что онъ ни къ одному, ни къ другому богослуженію не имѣлъ душевнаго усердія.

Славяне, тараща взоры на иноземцевъ, ловили иностранныя слова, многимъ изъ нихъ едва понятныя, другимъ же нисколько. — Богатый купецъ, урожепецъ Ильменскій, устарѣлый въ дѣлахъ торговыхъ и давно изучившій Варяжское нарѣчіе, сидѣлъ нахмуря брови и долго слушалъ въ молчаніи; но вдругъ, подозвавъ своихъ одноземцевъ, сталъ разсказывать имъ, о чемъ идетъ дѣло и чего имъ пришлось опасаться. Всѣ Славяне обступили его и одногласно закричали: «Такъ-то они хранятъ боговъ Славянскихъ! Такъ-то они почитаютъ обычаи дѣдовъ нашихъ! Скорѣй наши лѣса станутъ корнемъ вверхъ, чѣмъ мы позволимъ измѣнить дѣдовскіе законы. Предшественникъ его еще надъ землею лежитъ, не конченъ еще похоронный пиръ, а ужъ они собираются перековеркать то, что̀ для насъ свято и мило. Не успѣлъ еще вступить въ ладью, да вздумалъ ужъ ее опрокинуть.»

— Да постойте, погодите! — прервалъ Кіевлянинъ Мстиславъ Многоустъ, — вѣдь еще Игорь Рюриковичъ ни слова не промолвилъ. Увидимъ, что онъ скажетъ; а Варяги его пусть себѣ каркаютъ. Безъ головы ноги не ходятъ, а я его знаю.... онъ не хуже будетъ отца и дяди....

«Заступайся, заступайся, краснобай,» закричали Новогородцы, «вамъ хорошо Кіевлянамъ! вы привыкли кланяться князьямъ! Ханъ Хозарскій научилъ васъ творить низкіе поклоны, а у насъ на Ильменѣ спина жестка: боимся переломить. Небось, у васъ не являлся свой Вадимъ-богатырь? Да что съ вами толковать? Вѣдь не съ вами дѣло шло, не вамъ обѣщано было! Это наша забота! Дотронься-ка онъ до отца Перуна, такъ ему и въ глаза не видать нашей дани!...»

— Э! братцы; — закричалъ Мстиславъ, — чего бы боитесь? Хоть бы онъ и захотѣлъ насъ обидѣть, такъ у него жена баба умная.... не допуститъ!

— Слышите ли вы, что еще вздумалъ этотъ краснобай! — сказалъ Новогородецъ, жена не допуститъ. Давно ли бабы въ совѣтъ пустились? Развѣ у васъ ужъ насѣдки закудахтали громче пѣтушинаго?

«Да! ему можно за Княгиню стоять», возразилъ Кіевскій купецъ, «эта курочка накудахтала ему кладъ порядочный. Она не мало ему отъ Олега золотца достала, а онъ ей то изъ-за моря, то изъ Чуди парчицы да бисеру, и всякой всячины, чѣмъ бабы любятъ охорашиваться. Не слушайте его: мы всѣ въ Кіевѣ съ вами за одно пойдемъ.... Только тронь они отцевъ нашихъ Перуна да Волоса, такъ мы ихъ опять за моря швырнемъ!»

— Дѣло! дѣло! — закричали всѣ, кромѣ Мстислава.

«Сѣмъ-ка я пойду,» сказалъ Кіевлянинъ, «да въ глаза имъ молвлю, что мы поняли ихъ рѣчи.» — И всѣ въ одинъ голосъ: «Скажи, да скажи сильнѣе, скажи, что мы не дѣти, что съ нами не играютъ, что....» — Я пойду, прервалъ Новогородецъ. — «Нѣтъ я....» — Да чу!... Вотъ ужъ они другія рѣчи заводятъ.... Постойте!...

Тутъ Слаляне, приближась къ мѣсту, гдѣ сидѣлъ Игорь, начали внимать новому раздору, возникшему между Варягами и пристально смотрѣли въ глаза толмачу-Славянину.

Ольга, видя нерѣшимость супруга своего, позвала Свѣнельда и безъ труда уговорила молодаго Норманна, воспитаннаго въ Славянской землѣ, которому обычаи и боги Скандинавскіе были чужды, возстать противъ мнѣнія пожилыхъ Варяговъ, душою привязанныхъ къ закону Одинову. — «Свѣнельдъ! скажи имъ,» говорила Княгиня, — «что теперь не время разбирать боговъ Славянскихъ и заморскихъ, перемѣнять нарѣчіе и заводить новизны. Скажи Князю, что теперь пришло ему время княжить, воевать.... Подите вы, молодцы, да говорите громче по Славянскому, чтобъ всѣ Славяне васъ поняли.»

Свѣнельдъ, который до той поры былъ немилъ молодой Княгинѣ, за то что старался удалять отъ нея супруга, возрадовался въ душѣ своей и возгордился тѣмъ, что онъ сталъ ей нуженъ; поглядѣлъ на ея милую улыбку и съ той поры былъ ей уже преданъ по гробъ: «Будетъ по твоему!» сказалъ онъ ей, пошелъ и сѣлъ возлѣ новаго Властителя, и вся молодежь стала за нимъ.

— «Что̀ вы затѣяли, старики?» закричалъ онъ. «Гдѣ ваши головы? Князю нашему теперь не до заморскихъ боговъ! Игорю, сыну Рюрикову, скоро придетъ дѣло бранное. — Гдѣ ему теперь копаться дома? У насъ духъ молодецкій: хочется побороться! Ужъ довольно Князь у васъ насидѣлся! Теперь наша пора пришла!

— Правда твоя, Свѣнельдъ,—промолвилъ Игорь, правда правда; да что вы, братцы, пріуныли? Выпейте-ка еще по чаркѣ, да примемся за погребальный обрядъ: мы было дядю совсѣмъ забыли.

Старые воины промолчали; но съ той поры возъимѣли тайное негодованіе на молодаго Свѣнельда. Славяне же, все вдругъ забывши, съ веселымъ духомъ подошли къ котламъ, и пивомъ стали запивать свою минутную досаду. — Между тѣмъ старая Болгарка, погруженная въ однѣ и тѣ же мысли, ежеминутно подходила къ своей Княгинѣ. — «Теперь-то время,» шептала ей она, «доложи Князю про наше дѣло.» Какъ скоро

все замолкло въ собраніи, Ольга объявила своему супругу о намѣреніи молодой Олеговой вдовы и разсказала ему, что̀ при ней произошло въ шатрѣ.

«Пустое», возразилъ Князь, «ужъ и такъ много времени потеряно: все приготовлено иначе. Неужели для нея опять расходиться да собираться, и новый пиръ учреждать?»

Тутъ опять поднялся шумъ и споръ о похоронныхъ обрядахъ, и слѣпой отецъ Княгини сталъ было длинно разсказывать, какъ прекрасная Нанна горѣла на кострѣ златовласаго бога Балдера; какъ древле былъ вѣкъ огня; какъ послѣ начался вѣкъ кургановъ; но Игорь, потерявъ терпѣніе, вскочилъ вдругъ, опрокинулъ порожнюю посуду, стоявшую передъ нимъ, и подозвавши купца Мстислава, препоручилъ ему очистить мѣсто для исполненія надгробныхъ игрищъ. Самъ же помчался на холмъ со всѣмъ народомъ, и всѣ окружили бѣлый шатеръ.

Тамъ вдовы съ недоумѣніемъ ждали возвращенія молодой Княгини. Лишь только услышали говоръ приближающейся толпы, — онѣ всѣ выбѣжали изъ шатра и стали вопрошать у Ольгиныхъ прислужницъ, что̀ было рѣшено. — «Князь хочетъ», отвѣчали Кіевлянки, «чтобъ все исполнилось, какъ водится у насъ на Днѣпрѣ, въ Славянскихъ земляхъ: вотъ какъ послушались этой бабы сумасбродной; прибавили они, указывая на рабу Болгарку; полетѣла будто бы съ дѣломъ, а воротилась пѣшкомъ съ пустымъ мѣшкомъ!» — «Растерзай тебя лѣшій!» шептали всѣ на старую Болгарку, которая взорами своими охотно бы ихъ всѣхъ сожгла на мѣсто нареченной вдовы. «А вотъ нашъ батюшка Князь, видно разумомъ пошелъ по отцѣ нашемъ, по хозяинѣ!... И опять всѣ бросились въ шатеръ и снова начали приговаривать слова нѣжныя и горестныя, тѣснясь кругомъ трупа усопшаго витязя.

Начинается обрядъ похоронный. Шатеръ разобранъ; староста разставилъ всѣхъ по мѣстамъ и, раздавши погребателямъ сосновыя лопаты, повелѣлъ снести въ сторону одръ съ усопшимъ и тутъ же по серединѣ вырыть яму. Игорь и Ольга подошли къ трупу, приподняли ему голову, подложили изголовья лазурнаго цвѣта, любимаго у Норманновъ, и посадивши бездыханнаго витязя, стали его подчивать крѣпкими напитками и тучными пирогами, приговаривая: «Умершій! имѣй пищу и питіе!» Между тѣмъ вдовы не переставали стенать и плакать: старѣйшина вручилъ имъ стеклянные сосудцы, чтобы, по Славянскому обычаю, въ нихъ капала каждая ихъ слезинка. Трупъ опускаютъ въ рыхлую землю; вдовы Олеговы острыми стрѣлами царапаютъ себѣ лицо, а особливо молодая Болгарка, та самая, которая хотѣла горѣть съ трупомъ супруга своего; она почитала себя предреченною жертвою и воображая, что долгъ велитъ ей не щадить своего тѣла, терзала свою грудь, рвала черные волосы и клочками метала ихъ въ могилу.

Старшина стоитъ съ пасмурнымъ видомъ и опускаетъ въ землю все, что̀ было поднесено усопшему вмѣстѣ съ оружіемъ его и разною посудою, и такъ говоритъ при каждомъ дѣйствіи: «Глада не бойся: вотъ тебѣ пища! вотъ тебѣ посуда! — Врага не бойся: вотъ тебѣ булатъ! — Кодь высоко взбираться, — вотъ лѣстница ременная! Коли встрѣтятъ псы, — вотъ тебѣ дубина!» — «Безъ твоей дубины обойдется Олегъ! сказалъ съ насмѣшкой Варягъ: у кого мечъ булатный, тотъ псовъ не боится». а старшина продолжалъ свое дѣло, не смущаясь словами иноземца. Ольга подходитъ въ нему и подаетъ пукъ изъ розовыхъ лозъ. «И это положи въ могилу» сказала Княгиня, «Бѣлозерскія старухи вонъ тамъ, говорятъ, что тогда злая сила не прикоснется къ нашему дядѣ.

Набрасываютъ землю, — и мало по малу возвышается бугоръ. Ведутъ на привязи псовъ Олега. Они, приклоня рыло, узнаютъ по чутью мѣсто погребенія — и сами туда тащатъ проводниковъ своихъ; дошли и проворно стали рыть

ногами свѣжую землю. По повелѣнію Старшины, слуги схватили ихъ, связали, и закололи надъ курганомъ, а они, умирая, воткнули рыло свое въ могилу и такъ испустили вѣрный духъ свой. Старѣйшина поднимаетъ свой черный жезлъ; конюхи вскакиваютъ на коней, пускаются вскачь и такъ прытко кружатся вокругъ могилы, что въ глазахъ составляютъ какъ будто цѣлый кругъ. Потъ льетъ съ усталыхъ лошадей; конюхи остановились, спрыгнули и тихо подводятъ коней къ погребателямъ. Кони дрожатъ, становятся на лыбы, фыркаютъ, пятятся назадъ, но сильныя руки ихъ удерживаютъ; желѣзо ихъ пронзаетъ — они съ судорожнымъ движеніемъ падаютъ на землю. «Кровь! кровь!» кричитъ народъ; а конюхъ Хозарскій рветъ съ себя шапку, рветъ волосы, усыпаетъ свою голову землею и не знаетъ, что̀ тяжелѣе ему: утрата Господина, или смерть коней любимыхъ.

«Что вы сдѣлали?» закричалъ строгій воинъ, пробиваясь впередъ сквозь толпу, что вы сдѣлали? (То былъ тотъ самый Варягъ, товарищъ Олега, который во время пиршества противорѣчилъ Князю Игорю.) «Какая радость усопшему Олегу въ животныхъ убитыхъ, коль они будутъ лежать поверхъ кургана? Ихъ бы слѣдовало спустить туда въ яму. Развѣ вы не вѣдаете, для чего это дѣлается? — чтобы мертвецъ радовался въ бесѣдѣ любимыхъ имъ во время жизни. Конь ему тамъ нужнѣе, чѣмъ вся ваша поклажа. А вы, Новогородцы, неужели забыли, какъ погребая нашего Рюрика, мы его любимаго жеребца съ нимъ зарыли въ землю?»

— Помнимъ, помнимъ, — сказали Ильменцы.

«Если же такъ», произнесъ Игорь, «то и теперь приказываю, чтобъ все исполнилось, какъ на тризнѣ моего родителя. Разрывайте бугоръ скорѣй!»

Старшина повиновался Князю, шепча бранчивыя слова, которыя повторяемы были усталыми погребателями.

«Похороните же съ Каганомъ черногриваго его Сама», промолвилъ сквозь рыданія Хозарскій конюхъ. «Онъ былъ

его любимецъ съ той поры какъ не стало Ателя. Смотрите на него, какъ алая благородная кровь его гордо течетъ, не мѣшаясь съ другою кровью!»

Княжаго коня и псовъ заморскихъ толкнули въ разрытую могилу. — и снова медлительно сталъ возвышаться острый курганъ на вершинѣ холмовой.

Унывный звонъ раздался на гусляхъ. Варяги, оперпись на мечи, повисшіе съ пояса, а Кіевляне и Новогородцы, поджавши жилистыя руки, внимаютъ гармоніи словъ и звуковъ, между тѣмъ какъ дикіе Славяне другаго племени и грубые Финны разлеглись по косогору и храпятъ какъ животныя.

НАДГРОБНАЯ ПѢСНЬ СЛАВЯНСКАГО ГУСЛЯРА.

Ужъ какъ палъ снѣжокъ со темныхъ небесъ,
А съ густыхъ рѣсницъ слеза канула:
Не взойти снѣжку опять на небо,
Не взойти слезѣ на рѣсницу ту.
У Днѣпра надъ горой, высокой, крутой,
Ужъ какъ теремъ сталъ новорубленный:
Ни дверей въ терему, ни окна свѣтла,
А ужъ теремъ крытъ острой кровлею.
Кровля тяжкая на стѣнахъ лежитъ,
А хозяинъ тамъ крѣпкимъ сномъ заснулъ,
Какъ проснется онъ, — то куда пойдетъ?
Какъ захочетъ онъ на бѣлъ свѣтъ взглянуть,
Пожелаетъ онъ гулять по граду, —
Анъ въ глазахъ земля и въ ногахъ земля!
Какъ прозябнетъ онъ, — гдѣ согрѣется?
Сыро въ теремѣ, — а ни печи нѣтъ,
И не высохнутъ стѣны хладныя.
Ахъ, вы хладныя стѣны, тѣсныя!
Для чего вы тутъ, для чего у насъ?
Зима бабушка! ахъ, закрой ты ихъ
Своей рухлою, бѣлой шубою!
Ты млада весна, зеленой фатой!

«Не такъ поете!» возопилъ слѣпой отецъ Княгининъ. «Вѣдь Олегъ былъ надъ вами то же, что̀ у насъ въ Скандинавіи *Кроль морской;* а въ наше время Королю морскому пѣли не протяжно, не уныло, а по воинскому! Подавайте сюда гусли!» и началъ старецъ пѣть на Варяжскомъ нарѣчіи:

НОРМАНСКАЯ НАДГРОБНАЯ ПѢСНЬ.

Олега Варяга
Не зналъ Одинъ:
Вдругъ окомъ единымъ
Сюда взглянулъ....

Тутъ старецъ задохнулся, и всѣ Олеговы товарищи хоромъ подхватили:

Олега Варяга
Не зналъ Одинъ:
Вдругъ окомъ единымъ
Сюда взглянулъ, —
И стало завидно
Отцу-горъ,
Тамъ въ Валгаллѣ.

* *
*

Довольно ты славы
Себѣ набралъ!
Ты нашъ — такъ пожалуй
Ко мнѣ на пиръ!
И вотъ за тобою
Пришла змѣя:
Олегъ, сюда! —

Норманскіе звуки воспалили сердца Варяговъ, — и внезапный крикъ поднялся между ними. Они стали дружно плечо съ плечомъ, и громкимъ хоромъ запѣли:

Не пѣшій, убогій, а гордый ѣздокъ,
Къ Одину спѣшитъ во дворецъ:
Нашъ братъ прешагнулъ за Валгальскій порогъ:
Давай ему пива, Отецъ!

Старшина, съ жезломъ въ рукахъ, идетъ впередъ. Народъ окружаетъ лужайку, волнуется, змѣится и съ трудомъ повинуясь усиліямъ учредителя надгробныхъ игръ, попятился назадъ и составилъ сцену живаго амфитеатра.

Выходятъ на поприще двое широкоплечихъ мужчинъ: они долго разсматриваютъ другъ друга, мѣряются глазами, сошлись: рука съ рукой, нога съ ногой; ужъ одинъ колеблется, но опять утверждается на ногахъ; ломаются, гнутся то направо, то налѣво; мышцы натянуты; ноги и руки ихъ въ безпрестанномъ движеніи; но вотъ оба на скошеной травѣ поскользнулись и ударились лбомъ объ лобъ, какъ два быка ревнивыхъ, бодающихся въ полѣ: раздается хохотъ. Раздраженные борцы, стиснувъ зубы, проклинаютъ зрителей и вотъ схватились, обнялись какъ будто на вѣкъ и вмѣстѣ колыхаются: грудь давитъ грудь, колѣно бьетъ колѣно; пошатнулся одинъ, ноги подкосились, спина гнется назадъ. Ужъ побѣдитель сцапалъ побѣжденнаго, приподнялъ его и долго держалъ на воздухѣ. — Толпа кричитъ: ура! — Борецъ, размахнувшись, грянулъ объ-земь соперника. Учредители игръ уносятъ падшаго; другой спесиво удаляется, и ему вслѣдъ кричатъ похвалу.

Сцена перемѣняется.

Вотъ съ правой стороны явилось четверо мальчишекъ. — «Давай, давай,» кричатъ они, махая кулаками. — Выходятъ слѣва четверо другихъ, одинаковаго роста. Сразились.

Кулачные удары сыплются, словно градъ, съ обѣихъ сторонъ, но чаще теряются въ воздухѣ, нежели попадаютъ. Вдругъ одинъ изъ мальчиковъ громко завизжалъ: товарищи его смутились. — «Отдай, отдай», кричатъ всѣ четверо — и ударились бѣжать. — Выходятъ къ нимъ на помощь трое удалыхъ юношей. Но и съ другой стороны являются защитники большаго росту, — и юноши свалились какъ скошенные колосья. Выбѣгаютъ новые заступники, тѣ остановились, и оба ряда бойцовъ стоятъ и глядятъ другъ на друга: ноги ихъ неподвижны; они качаются на чреслахъ и, собираясь съ силами, мѣтятъ, гдѣ ловче ударить соперника. — «Теперь пойдетъ драка не на шутку», говорилъ народъ. — «Постойте, братцы, скажите прежде какъ будете играть? Лежачаго бить или нѣтъ?» — Нѣтъ, закричали бойцы. — «Начинайте же!»

Пустились въ бой; удары рѣдки, сухи, тверды: то въ челюсть, то въ лобъ, то въ бока, то въ грудь высокую. Кость объ кость то и дѣло ударяетъ, но не слыхать ни жалобъ, ни стенанія: только слышно какое-то глухое кряхтѣнье, похожее на однозвучный шумъ топора, рубящаго деревья.

Вотъ одинъ справа отступилъ на шагъ; соперникъ впередъ; пятится второй; противникъ на него. Правая сторона слабѣетъ, а та дружно подается впередъ. — «Наша взяла!» закричали на лѣвой. — «Нѣтъ, нѣтъ!» отвѣчаютъ другіе, и цѣлая шайка справа кинулась сражаться. Народъ гудетъ и во всѣ глаза смотритъ на борьбу. Съ обѣихъ сторонъ валятся избитые, плечистые бойцы. Тутъ два Древлянина ринулись на падшаго и стали его топтать и бить безъ пощады. — «Не та игра», закричала толпа, — «лежачаго не бить! Таково было условіе!» Шумъ и крикъ поднялись кругомъ. «Лежачаго-то и бить,» возразили Древляне. Тогда со всѣхъ сторонъ бросились на нихъ, вытащили ихъ изъ круга и покатили внизъ съ горы. Шайка Древлянъ вступилась было за нихъ; но вмигъ отражена Кіевлянами. — Послѣдовало минутное молчаніе, но опять живѣе начался бой. Вдругъ богатырскаго росту Муро-

мецъ, который сначала неподвижно взиралъ на драку и только быстрыми глазами какъ будто подстрекалъ то однихъ, то другихъ, рѣшился и пошелъ на помощь одолѣнной стѣнѣ борцевъ. «Стойте!» закричалъ онъ побѣжденнымъ, «стойте и смотрите!» Вотъ онъ подвигается впередъ, какъ камнеметница въ осадѣ; засучиваетъ кулаки и вызываетъ на бой цѣлую шайку. Какъ побѣдители увидѣли извѣстнаго своею силой Муромскаго бойца, — страхъ внезапно замѣнилъ спесь. Живая стѣна колеблется, однако жъ стоитъ: вдругъ повернулись всѣ, ударились бѣжать и скрылись въ толпѣ зрителей. Муромецъ же остался на поприщѣ одинъ; поглаживая усы и бороду, глядитъ вокругъ себя и тщетно ожидаетъ новыхъ соперниковъ. — Зрители твердятъ межъ собой: «Поворотливъ! силенъ! молодецъ!» Одно имя на всѣхъ устахъ. Всѣ лица, всѣ движенія выражаютъ ему хвалу и славу. «Ай-да Муромецъ!» закричалъ Игорь. «Подавай», сказалъ онъ любимцу своему Мстиславу, «подавай свою кунью шапку, — и вы, Новогородцы, выньте изъ-за пазухи чего нибудь молодцу: ну добро! разстегнитесь, не жалѣйте!» И обратясь къ побѣдителю, Князь продолжалъ: «Вотъ тебѣ даръ за удальство твое! люблю, люблю! словно каменьями ихъ закидалъ. Туча было поднялась, да гдѣ ни взялся вихорь — и тучи не стало. Такъ-то и мы съ тобой, другъ Свѣнельдъ, только бы пуститься; враговъ всѣхъ раскрошимъ и разгонимъ.» — «Увидимъ», говорили между собою мужики области Древлянской, оскорбленные униженіемъ своихъ одноземцевъ, — «увидимъ! какъ бы тебя не раскрошить? вѣдь ты не Олегъ!» и приговаривая ругательныя слова, подошли опять къ медовымъ котламъ, черпнули еще въ нихъ, и пихая вправо и влѣво кулаками, стали продираться сквозь толпу.

«Не пускай ихъ», сказалъ Князю Мстиславъ; «вѣдь они тебѣ понадобятся на сходкѣ.» — Пускай ихъ идутъ, отвѣчалъ Игорь: волка какъ ни корми, а онъ все въ лѣсъ глядитъ. — «Смотри, Князь, какъ бѣгутъ и пихаютъ, не поклонясь тебѣ», сказалъ Свѣнельдъ, «и спасибо не скажутъ!» — Э! бояринъ!

— возразилъ старый Полянинъ, «еще теперь, слава Бѣлъ-богу, они людьми глядятъ; а спроси-ка у нашихъ старухъ, что̀ отъ нихъ прежде бывало. Какъ эти гости жаловали на наши сельскія игрища, такъ у отцовъ изъ хоровода дочерей крали; безпрестанно отъ нихъ набѣгъ на наши поля, то и дѣло разбой да пакости. — «Ну ужъ и мы сегодня хорошо ихъ угостили», сказалъ Игорь, захохотавши громко; не могу вспомнить, какъ они полетѣли съ холма! Если они съ той поры кубаремъ катятся, то чай давно къ своимъ дверямъ привалили. — Да что и вы, друзья Варяги, не потѣшите духъ усопшаго? Обнажите-ка мечи, аль пуститесь побороться: вѣдь и вы на то горазды, еще ихъ научите!»

— Князь! поздно, ужъ наши почти всѣ разошлись. — Посмотри, они тамъ толкуютъ подъ холмомъ, да вонъ и пошли къ городу; видно дѣло задумали. Сѣмъ-ка и мы къ нимъ пойдемъ. Поздно, поздно, пора кончить игрища, ужъ смеркается; тамъ за лѣсомъ вотъ видите ужъ мѣсяцъ серебрится.... — «Куда спѣшить? возразилъ сынъ Рюрика — и началъ лѣниво растягивать руки.... «Да гдѣ Свѣнельдъ?» — И онъ съ ними пошелъ, отвѣчалъ Варягъ. — «Пойдемъ же къ нему», — да велите пирога, меду, да пива ведро отнести къ мамѣ старухѣ, да скажите ей, чтобъ пришла сказки сказывать. Пойдемте! у меня, старики, у самого теперь что-то вертится на умѣ! услышите! дайте срокъ, и мое время прогремитъ!» — «И конечно! отвѣчалъ, приближась къ Князю купецъ Мстиславъ Многоустъ: «конечно прогремитъ, погромче прошлаго: вишь громъ небось любитъ лѣто, а не сѣдую зиму. — Пойдемъ за Княземъ, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Кіевлянамъ купцамъ, проводимъ его честь честію до палатъ, да по приказанію Князя угостимъ купцовъ Ильменскихъ. Я возьму къ себѣ самыхъ домовитыхъ; а отъ того, что признаться, не въ обиду вамъ, у меня хата покраснѣе вашихъ. Смотрите-же, сажайте ихъ въ передній уголъ, подъ домовыми богами; не жалѣйте ни каши, ни пива: такъ всѣмъ приказано. А ты, сынъ мой, бѣги на встрѣчу къ

тремъ Новогородцамъ, которымъ ночлегъ отведенъ въ избѣ моей.... Я самъ къ нимъ сей часъ буду.... да вели потеплѣе натопить баню, бѣги!»

Настала ночь. У подошвы холма сверкаютъ огни. Тамъ расположилась на мягкой муравѣ толпа пришедшихъ на зрѣлище, которымъ въ самомъ Кіевѣ не было пристанища; они ждали утренней зари, чтобы съ малыми дѣтьми возвратиться домой. — Различіе въ обычаяхъ и нравахъ между самыми Славянами и народцами Финской породы, не дозволяло имъ входить съ ними въ дружелюбныя сношенія. Они брезгали неопрятностію Чуди, Радимичей и Сѣверянъ, и страшились наглостей и сквернословія этихъ дикарей. Они соединили своихъ дѣвицъ и малыхъ дѣтей въ средину, легли вокругъ нихъ и всю ночь стерегли ихъ отъ ненадежныхъ сосѣдей; попечительныя матери, усыпляя дѣтей своихъ однообразными пѣснями, приговаривали таинственныя слова; свѣдующія старухи на ночь вѣшали внучатамъ своимъ на шею высушенныхъ летучихъ мышей, которыми онѣ всегда запасались для предохраненія отъ бѣдъ и отъ чернаго глаза, а взрослые мальчишки непрестанно били въ желѣзныя доски и кричали, чтобъ отгонять голодныхъ волковъ, выбѣгавшихъ изъ лѣсу. — Ни тѣмъ, ни другимъ страхъ не дозволялъ сомкнуть глаза, и ночъ всѣмъ казалась безконечною.

Острый, новый курганъ возвышается одинокъ на горѣ Щековицѣ, господствуя надъ волнистымъ Днѣпромъ и надъ любимымъ городомъ усопшаго Правителя. Сама природа какъ будто бы заготовила здѣсь заморскому Витязю предреченную могилу.

СКАЗАНІЕ ОБЪ ОЛЬГѢ.

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

«Что тамъ движется у рѣки на песчаныхъ сугробахъ? Ужъ не наши ли сидятъ?» сказалъ товарищамъ Древлянинъ Коростенской, спускаясь съ косогора. «Ахъ вы, братцы бойцы! Что вы чубъ-то повѣсили? Чай кости-то у васъ какъ въ мѣшкѣ взбудоражены?» — Раздави ихъ Перунъ! Сорвись на нихъ всѣ девять лихорадокъ! — отвѣчали разъяренные Древляне. — Да что вы тамъ такъ долго растабаровали? Что не шли? Охота вамъ была вечерять со псами, послѣ того какъ нашихъ скинули съ горы, что старой лапоть съ ноги. Стыдно! Мы такъ тотчасъ пошли къ нимъ на помощь!

«Куда намъ было торопиться?» отвѣчали тѣ. «Вѣдь ночью далеко не уйдешь. Мы, насмотрѣвшись на ихъ игрища да наслушавшись ихъ реву, пропустили еще нѣсколько глоточковъ меду да и пошли себѣ потихоньку.... То шагнешь ногой, то дубиной ступишь, то въ песокъ, то на гору. Ночь черна, какъ чело печное. А вы, удалые бойцы, полетѣли шибко, да не скорѣе же насъ утекли, а, какъ летучія мыши, здѣсь повисли на разсвѣтѣ.»

— Повисли?... Нѣтъ, мы за дѣломъ тутъ остановились. Мы думу задумали.

«Какую?»

— Да не сжечь ли такъ это село на горѣ, гдѣ срубили хату для бабы Княжеской?

«Сжечь село? Развѣ это дѣло легкое? Гдѣ вы огня возьмете?»

— Въ огнѣ недостатка не будетъ: вонъ топится изба; взойдемъ въ нее; натаскаемъ оттуда головней, сѣна; подбросимъ къ клѣтямъ да къ заборамъ, и гори село на раздолье.... Всѣ же спятъ, авось никто не уйдетъ, а мы покамѣстъ повернемъ плеча да и бѣжать!

«Оно бы не худо было, да слишкомъ мало насъ.» — Побери тебя Черный! Вишь мало говоритъ? Мы для того-то и ждали васъ на подмогу. Пойдемъ! Пойдемъ!

«Нѣтъ, дѣти! не пущу», — возразилъ Коростенской старикъ. — «Дайте мнѣ подумать.... Зажечь, не зажжемъ, а головы погубимъ. Вѣдь люди заморскіе не на шутку рубятъ, а я видѣлъ, какъ съ похороннаго праздника ихъ довольное число повернуло въ это новое селеніе. Съ нами хоть бы одна стрѣлочка была, а они, съ ногъ до головы, всѣ въ желѣзѣ: желѣзо въ рукахъ, желѣзо на башкѣ, и рубаха и опучи-то чай желѣзныя. Нѣтъ, братцы, пойдемъ-те со мной въ Коростенъ къ Князю нашему Малу; скажемъ ему, что Олегъ съѣденъ змѣей, что Князя нынѣ нечего бояться. Слышали ли вы, какъ объ немъ толкуетъ Новгородчина; тамъ такая заваривается каша, что ему скоро не до насъ будетъ. Какъ мы всѣ станемъ одно говорить Князю Малу, такъ онъ скорѣе повѣритъ всѣмъ, нежели мнѣ одному. Онъ радехонекъ стряхнуть съ себя дугу Варяжскую, хоть и самъ по матери имъ родня. То ли будетъ дѣло, какъ онъ гуртомъ на нихъ погонитъ всю Древлянскую волость? Тогда-то полетятъ они у насъ съ горъ Кіевскихъ попроворнѣе нашихъ братьевъ».

— Въ путь скорѣе! закричали всѣ въ одинъ голосъ. А вы, жены, ступайте домой съ ребятишкам, да смотрите, не оплошайте въ лѣсу; тамъ волковъ много, и медвѣди есть: берегите мальчишекъ, а дѣвчонокъ коли утащатъ, такъ туда имъ и дорога! Да что ты, рыжій молодецъ, все назадъ поглядываешь?

«А вотъ что: онъ въ дѣвку румяную больно всмотрѣлся. Пока мы тутъ сидѣли, она перешла черезъ дорогу: онъ было пустился за ней бѣжать, а она притаилась, какъ лисица, да прыгъ и ушла за заборъ.

— Пошелъ! пошелъ! закричали всѣ влюбленному Древлянину: какъ вырвется овца у волка, такъ волкъ скорѣе въ лѣсъ бѣги!

Мужики пустились по крутой дорогѣ, а женщины съ дѣтьми повернули въ дремучій лѣсъ.

Среди Княжескаго двора, на высокой голубятнѣ, стоитъ задумчивая Ольга и небрежно сыплетъ своимъ любимымъ голубочкамъ пшеничное зерно: они съ перекладинъ, съ кровли, слетаютъ къ ней и жадно бросаются на пищу. Одинъ голубокъ, сѣвъ къ ней на плечо, клюетъ разноцвѣтный бисеръ, украшающій ея повойникъ; другой прыгнулъ къ ней на руку и вырываетъ тихонько по зернышку изъ ея полураскрытыхъ пальцевъ. Другіе воркуютъ у ногъ ея и, надувши грудки, гордо закатываютъ назадъ головки свои.

Идетъ по двору Асмудъ. Княгиня его увидѣла и махаетъ ему шелковымъ платкомъ; отдавъ дочери Предславѣ двѣ горсти зерна, она сама сходитъ торопливо къ витязю и говоритъ ему: «Послушай, Асмудъ, то были намъ цвѣточки, а теперь пошли ягодки. Сегодня, ранешенько поутру, приходила ко мнѣ главная жена купца Мстислава Многоуста. Вѣрный мужикъ велѣлъ донести мнѣ и Князю про важное дѣло. Давно ли Игорь мой сидитъ надъ Словенами, а ужъ они ропщутъ на него; Иль-

мерскіе гости пуще Кіевлянъ, а ужъ Древляне говорятъ, словно волки лаютъ. «Что въ немъ?» твердятъ всѣ. «Видно, что «Олега не стало: ни онъ соберетъ сходку; ни онъ бесѣдуетъ «съ тіунами, со старшинами; ни онъ жертву принесетъ Перуну «и Волосу: что за Князь?» Да выслушай еще, Асмудъ! Многіе изъ тѣхъ, что призваны были въ Кіевъ дядею Олегомъ съ Припетя для лѣсной работы, съ рѣки Сулы для рыбной ловли да для починки старыхъ барокъ, изъ Смоленска да съ Нева-озера для новаго строенія въ селѣ, мнѣ пожалованномъ на вѣно моимъ благодѣтелемъ, на другой же день похоронъ усопшаго Правителя, изъ Кіева разошлись по домамъ. Да этому всему пособить можно, а что важнѣе для насъ: самые-то богачи Ильмерскіе на насъ негодуютъ. Что дѣлать, Асмудъ? Спасибо Мстиславу: онъ ихъ удерживаетъ и угощаетъ у себя, да кажется ужъ они болѣе и жить здѣсь не хотятъ. Если они уйдутъ во гнѣвѣ на насъ, Перунъ вѣдаетъ что̀ они тамъ у себя затѣютъ. Вѣдь Новогородцы народъ буйный: они не Кіевляне. Ими Вѣщій много дорожилъ. Вѣдь ты знаешь, Асмудъ, что ихъ дань не Древлянская.»

— Нѣтъ, не бойся, Княгиня,—возразилъ Асмудъ.—Они у насъ подъ пятою. На Ладогѣ Варяговъ много: то и дѣло черезъ нихъ проѣзжаютъ.... А что̀ правда, то правда: надобно ихъ ласкать, особливо богачей да купцовъ. Сказала ли ты Князю объ этомъ? Что онъ говоритъ?

«Князь», отвѣчала Ольга, «выслушавъ Мстиславову хозяйку, началъ надъ нею шутить, говоря, что бабы умѣютъ все украсить, любятъ наряжать себя, да и вѣсти также наряжаютъ.... Что съ нимъ дѣлать? Тошнехонько, братъ: часто сердце щемитъ!... Поди къ нему скорѣй; уговори его, чтобъ онъ собралъ весь міръ какъ бывало при дядѣ Олегѣ, тамъ на холмѣ, подъ священными ёлками.... иль хоть въ палатахъ купцовъ бы однихъ собралъ. Скажи ему, чтобъ онъ приласкалъ Новогородцевъ, вспомнилъ бы дядю Олега. Онъ много съ нашими витязями толковалъ, про походъ ли какой-то, али про

посольство въ Греки. Гадали, гадали, да ничего не выгадали.»

— «Мнѣ ничего невѣдомо, прервалъ Асмудъ: Свѣнельдъ одинъ силенъ у Князя. Его онъ только и слушаетъ, словно сѣдаго старика, а онъ-то часто и съ пути его сбиваетъ. Я же здѣсь ни во что почтенъ.

«Напрасно, братъ Асмудъ!» отвѣчала Ольга. «Мой хозяинъ тебя боится и уважаетъ, — и сколько разъ говорилъ мнѣ, что если Бѣлой-богъ намъ дастъ сына, то прямо отъ кормилицы отдастъ его тебѣ на руки. Да и въ самомъ дѣлѣ, кто изъ Варяговъ лучше тебя разумѣетъ Словенское нарѣчіе? Кто лучше тебя тетиву натянетъ? Кто обгонитъ тебя по льду? Кто безъ тебя сочтетъ всѣ звѣзды на синевѣ небесной? Свѣнельдъ — дѣтина умной, да слишкомъ задорливъ. Подумай: этотъ безбородый затѣялъ идти по дань съ своими молодцами! А хозяинъ мой его отпускаетъ: какая стать! Не лучше ли бъ было, погодя немного, зимнею порою, самому Князю съѣздить съ дружиной, съ бородачами? А то кто за ними тамъ усмотритъ? Приму жъ, можетъ быть, по четыре куницы съ тягла, а покажутъ по одной. Разумѣется, даромъ никто не поѣдетъ; каждому дай свою долю. Да зачѣмъ посылать безъ себя этихъ лисятъ блудливыхъ? Вѣдь не даромъ про насъ говорятъ Славяне: у Варяга языкъ тяжелъ да руки скоры; у Словенина кладъ, а у Варяга горсть. Поди, Асмудъ, уговори его, чтобъ онъ не пускалъ Свѣнельда, да чтобъ собралъ скорѣе мірскую сходку, а я пойду, стану у дверей подслушивать. Если же удастся тебѣ, тотчасъ разошлю рабынь своихъ по Кіевскимъ дворамъ, чтобъ онѣ скорѣе разнесли добрую вѣсточку.... Эй, Предславушка! сойди съ голубятни, тише.... не поскользнись, не пугай голубей! Тише.... Пойдемъ.

Игорь, между тѣмъ, въ дубовой свѣтлицѣ, окруженный дружиною старою и молодою, металъ зернь со Свѣнельдомъ. —

«Если твоя возьметъ», говорилъ онъ ему, «то сегодня же отправлю тебя на дань; а коль моя возьметъ, то поживешь еще съ нами до обора яблоковъ. Да не повременить ли тебѣ и безъ игры? Смотри: ужъ Листопадъ на дворѣ....»

— Нѣтъ, Князь Рюриковичъ,—прервалъ Свѣнельдъ,—если ужъ такъ положилъ, пусть же игра рѣшаетъ.

Тутъ Асмудъ показался въ дверяхъ, подозвалъ Князя и началъ ему говорить о томъ, какъ неосторожно посылать за данью юношей, гораздо болѣе преданныхъ бойкому Свѣнельду, чѣмъ самому Князю. Но Игорь, не дождавшись конца рѣчей его, закричалъ: «Слышишь, Туръ-Свѣнельдъ? Мнѣ велятъ тебя бояться: вотъ онъ думаетъ, что ты меня обсчитаешь.» — Свѣнельдъ заскрежеталъ зубами и, схвативъ лавку, бросилъ ее въ Асмуда, но она мимо его ударила объ стѣну. Асмудъ схватилъ мечъ съ гвоздя; Свѣнельдъ вооружился также, и оба кинулись драться. Тогда Князь съ дружиною бросился между нихъ. «Не рѣжьтесь!» кричалъ онъ. «Образумьтесь: вѣдь я пошутилъ. Поди, Асмудъ, поди къ женѣ моей, поди, толкуй съ ней о чемъ угодно: теперь мнѣ недосугъ. — Ну, Свѣнельдушка», продолжалъ Игорь, «давай играть: полно дуться да пыхтѣть. Вотъ тебѣ зернь костяная: брось же мечъ. На! смотри!...» Тутъ Игорь кинулъ кость и вскрикнулъ: три! Ну кидай ты теперь! — Свѣнельдъ дрожавшею отъ гнѣва рукою повѣсилъ мечъ на стѣну, покосился въ тылъ удалявшемуся Асмуду и сердито бросилъ зернь на полъ.... Шесть! закричалъ онъ,— ѣхать, ѣхать, братцы!—и разъяренными глазами искалъ еще въ дверяхъ своего соперника, чтобы похвастаться передъ нимъ. Поднялся шумъ между юными его товарищами; онъ распростился съ Княземъ и побѣжалъ съ восторгомъ изъ горницы, а за нимъ ринулась вся молодежь Варяжская. Игорь, взглянувъ съ досадою на брадатыхъ, нахмуренныхъ витязей, съ нимъ оставшихся, повелѣлъ подать себѣ и всѣмъ крѣпкаго пива, разстегнулъ пряжку пояса, растянулся на медвѣжьей кожѣ и, напившись досыта, тутъ же крѣпко заснулъ.

Между тѣмъ купцы Новогородскіе пировали у Мстислава, въ ново-срубленой свѣтлой избѣ, которая во всемъ Кіевѣ славилась своими красными окнами съ богатою рѣзьбою. — Уже нѣсколько разъ они собирались у него и сидѣли за гостепріимнымъ столомъ; но никогда онъ еще такъ пышно не угощалъ ихъ, ибо сей день былъ посвященъ Сивѣ, доброй совѣтницѣ, и потому Мстиславъ намѣрился послѣ пирушки завести съ ними рѣчь о торговыхъ дѣлахъ.

Лишь только гости усѣлись, горница наполнилась бабами и крестьянскими дѣвушками. Ребячьи головы строемъ торчали на печкѣ: они завистливыми взорами смотрѣли на гостей и на изобильную трапезу. Въ каждомъ окнѣ снаружи блистали глаза любопытныхъ, кои ловили всѣ движенія веселой бесѣды.

Хозяйки суетились вокругъ стола, а Мстиславъ, запыхавшись отъ домашнихъ заботъ, то бѣгалъ по избѣ, съ трудомъ пробираясь сквозь толпу, то садился съ гостями. «Что вы, гости дорогіе, не кушаете?» повторялъ онъ ежеминутно. «Неужели-то хлѣбъ да соль моя невкусна? Кажется, ничего не жалѣлъ. Лейте, жены; лейте черезъ край! Про Мстислава Многоуста никто не скажетъ: есть медокъ да засѣченъ въ ледокъ. Постойте, честные люди! У меня тамъ въ медушѣ стоитъ фляга такая, что у Князя самого такой не найти. Это фляга нѣмецкая: я самъ ее привезъ изъ Чудскихъ земель. А вино-то въ ней ужъ что за диво! Словно солнечныя капельки. Мнѣ подарилъ его первосвященникъ Ретрской за кунью шапку. Кстати я берегъ его до нынѣшняго дня: ужъ такъ и быть! Въ честь и славу вашу да Сивы, доброй совѣтницы, всю флягу опростаемъ.»

— Какъ! развѣ сегодня праздникъ Сивы? спросилъ старшина у главной жены Мстислава. Для чего же не было на холмѣ жертвоприношенія? У насъ такъ въ этотъ день малыхъ ребятъ носятъ прикладываться къ ея кумиру.

Э! отвѣчала старуха, не взыщите! Чай и кумиръ-то ея, нашей матушки Сивы, у Кіевскихъ жрецовъ вовсе еще не

вырубленъ. Какое дѣло Правителямъ Хозарскимъ и заморскимъ до боговъ Словенскихъ? А жрецы наши только лежатъ въ теплѣ, да разчесываютъ длинныя бороды, да пожираютъ народные дары.»

Новогородцы, подергивая плечами и качая головою, изъявляли свое негодованіе, и старшина собирался предложить ей новые вопросы, какъ Мстиславъ воротился съ флягой изъ подвала. Его жена, указавъ гостю на него пальцомъ, замолчала и отошла.

«Давай-ка, братъ, свои солнечныя капельки», закричали Новогородскіе купцы. — «Ты думаешь намь въ диковину», продолжалъ одинъ изъ нихъ, «Чудскія-то вины! Вѣдь ваша Кіевщина черезъ насъ же узнала людей заморскихъ и товаръ ихъ! Какъ бы вы безъ насъ до нихъ доплелись?» — Напрасно, отвѣчалъ съ жаромъ Мстиславъ - Разноустъ, наша Кіевщина прежде вашей Новгородчины узнала Грецкой и Хозарской товаръ; не всѣ моря у васъ подъ рукою.... Да о чемъ намъ спорить, братцы дорогіе? Что намъ до того: кто первый? кто послѣдній? Черезъ васъ мы на полночь, а черезъ насъ вы на полдень.

«На полдень! на полдень! загудѣли Новогородцы. — «Да! развѣ пропускаютъ насъ туда? Небось, заморская-то сволочь пуще пороговъ намъ загородила Днѣпръ, -- и дороги на полдень для насъ нѣтъ какъ нѣтъ. Сами тамъ и разбойничаютъ и торгуютъ, а намъ, купцамъ Славянскимъ, показываютъ издали Грецкую землю, словно свадебное платье небрачной невѣстѣ».

— Полно, братъ, сказалъ своему сосѣду Ильменскій старикъ,—словно грудной ребенокъ соску сосешь. Что-то хозяинъ больно разохотился.... Вино вину творитъ, — берегись! Голова хмѣльная на дѣло не годится, а душа милѣе ковша.

— Когда гости опростали флягу, хозяинъ сѣлъ на скамью, облокотился на столъ и, поглаживая усы свои, началъ говорить:

«Братцы, гости Ильменскіе! Не прогнѣвайтесь, если я въ чемъ не успѣлъ вамъ угодить. Кланялся вамъ и киселемъ изъ отборнаго овсянаго зерна, и здобнымъ курникомъ, и сотовымъ медомъ, не дикимъ, не Древлянскимъ, а чистымъ Смоленскимъ; кланялся вамъ и бархатнымъ пивомъ, и Бардахскими финиками, и даже златоцвѣтнымъ чужестраннымъ виномъ: ничего для васъ не жалѣлъ. Теперь, гости дорогіе, поподчуйте вы меня добрымъ словцомъ. Скажите: что̀? остаетесь у насъ въ Кіевѣ до Колядова дня, и что завтра сходите со мною къ Князю Игорю и къ нашей Княгинѣ?

— «Что намъ тамъ дѣлать? — отвѣчалъ старшина Новогородскій. — Ужъ довольно наслушались мы пустаго на погребальномъ пиру. Пора домой, — а съ бабами что̀ толковать? Когда у мужика толку нѣтъ, такъ у ней и пѣготова не будетъ; а веретено ея и безъ насъ вертится.

— «Да вы ея не знаете, прервалъ Кіевлянинъ; она баба не какъ другая: все то знаетъ, что мы съ вами. Вѣдь нашъ мудрый Олегъ съ ней про все говаривалъ, и про войну, и про торговлю, и про Тіунскія дѣла. Ни въ жизнь не забуду, какъ разъ Тіуны привели къ Вѣщему на судъ связаннаго вора. Истецъ, разъяренный, кричалъ изо всей мочи, что тотъ у него похитилъ цѣлыхъ десять голубей; но воръ отпирался и никакъ не путался въ отвѣтахъ; а воровство было доказанное по слѣдамъ татя и по сказкамъ сосѣдовъ. Дѣло длилось долго: Правителю наконецъ становилось скучно; онъ приказалъ переловить всѣхъ голубей на голубятнѣ обвиненнаго мужика и принести ихъ связанныхъ на мѣсто суда: такъ и было исполнено. — «Смотри, сказалъ онъ истцу, узнавай своихъ.» — Но это было невозможно за тѣмъ, что они всѣ были одинаковы, всѣ сизаго цвѣта. А за вора стоялъ плутъ сосѣдъ и помогалъ ему въ черныхъ дѣлахъ. Правитель задумался. Честные мужики начинали поговаривать: ужъ не принесть ли кипятку? Какъ вдругъ Княгиня наша, которая, молча, сидѣла возлѣ дяди своего, встала

и, поклонясь низенько: «Позволь, отецъ, сказала она, доложить себѣ слово: прикажи вирнику развязать крылья голубей.» — Для чего развязать? они всѣ разлетятся, отвѣчалъ Вѣщій. — «Прикажи развязать», повторила она. — Какъ скоро то было сдѣлано, стая голубей взвилась на воздухъ и пустилась вся въ одну сторону: народъ побѣжалъ туда же, а воръ ну кричать: видите вы, чьи голуби? ко мнѣ повернули! на мою голубятню! Вели, Князь, развязать меня, а этому злодѣю заплатить мнѣ пеню за удары, какъ слѣдуетъ. — «Вотъ краденые голуби,» сказала вдругъ Княгиня, указывая на тѣхъ, которые, отлетѣвши недалеко, отстали отъ другихъ, опустились наземь и тутъ съ мѣста на мѣсто перепархивали. — И впрямъ, сказалъ Князь и Бояре, — у нихъ снизу подрѣзаны крылья. Тогда Княгиня приказала поймать голубей и повела дядю и другихъ къ голубятнѣ истца. Вотъ птицы, узнавши свое жилище, стали ворковатъ и взбираться прыжками, по балкамъ и по лѣстницамъ къ старымъ товарищамъ, подъ уютную кровлю. Каково?»

— «Догадлива! твердили Новогородцы, ну баба! и вѣщаго научила. Вѣдь она, говорятъ, Варяжка. — Видно у заморскихъ женщинъ хитрости-то болѣе чѣмъ у нашихъ. — Наши такъ бабы не такъ смѣлы съ хозяиномъ али со свекоромъ. — За то ужъ коли сойдутся вмѣстѣ, такъ и сверчковъ заглушатъ.

— «Правда ваша!» промолвилъ съ ласковымъ видомъ купецъ Мстиславъ; «но вы скажите мнѣ, гости дорогіе, остаетесь ли до Колядова дня?»

— «Нѣтъ, товарищъ Многоустъ! отвѣчалъ старшина, — до Колядова дня еще далеко. Того и гляди, рѣка станетъ, а намъ здѣсь зимовать невыгодно: дѣло есть въ Смоленскѣ и мнѣ и сосѣду.... — И намъ дѣло есть, повторили другіе. Здѣсь время на утратѣ. — Ужъ товаръ нагруженъ на ладьяхъ, продолжалъ старшина, и удалые гребцы ждутъ меня.

— «Ну неправда», прервалъ Мстиславъ, «не нагруженъ товаръ. Вѣдь я въ Кіевѣ все, что̀ дѣлается, знаю. Еще товаръ твой и вчера лежалъ на Боричевомъ взвозѣ. Да хоть бы и то

было, выберите надежнаго человѣка, пошлите его въ Смоленскъ: пусть онъ за васъ тамъ рядитъ съ Кривичами; а вы туда доѣдете зимнимъ путемъ?

«Нѣтъ, братецъ, — если оставаться, такъ и добро при насъ останется; всякой своему счастію самъ кузнецъ, а чужую рожь вѣять глаза порошитъ. Да скажи, для чего намъ здѣсь оставаться?

— «Какъ для чего? мало ли о чемъ придется погадать, и съ нами, и съ Княземъ? — И про оружіе заморское, и про Болгарской сафьянъ, и про коней да барановъ степныхъ. Князю все это надобно, а у васъ часто бываютъ случаи по восточнымъ, по сборнымъ мѣстамъ. Поживите только съ нами, такъ мало ли барыша наживете?»

— «Барышъ съ накладомъ въ однихъ саняхъ ѣздятъ, — прервалъ старшина.

«Не хотите ли, любезные», продолжалъ Кіевлянинъ, посмотрѣть кой-что у меня: авось поправится! Безъ стыда скажу, что и дивное у Мстислава не въ диковину! А если не угодно, то воля ваша! Торгъ не неволя. Эй бабы! прогоните ребятишекъ! долой съ печи! вонъ! убирайтесь, незваные гости! Жены, запирайте дверь! Ну теперь примемся за дѣло. — Я набралъ товару трудами своими, не въ одну поѣздку, а во многія, не на одной сторонѣ, а во всѣхъ четырехъ. И у Нѣмцевъ-то былъ, и въ Корсунѣ, и у Хозаровъ; и въ Поруссіи торговалъ; и по степямъ, и по волокамъ, по переборамъ странствовалъ; и въ рѣкахъ-то тонулъ; плылъ и по святому Бугу-рѣкѣ. Да кстати, не хотите ли, гости честные, святой водицы Бужской? Самъ черпалъ для больныхъ своихъ.... Ужъ что за чудеса творитъ? У васъ дѣтушки здоровы ли? Я радъ всѣмъ услужить. Хоть другой врядъ достану ли еще, но ужъ такъ и быть, дамъ».

Между тѣмъ Мстиславъ, по глубокимъ своимъ карманамъ, и за пазухой, и въ кушакѣ широкомъ, искалъ образцовъ разнымъ товарамъ; выбиралъ что слѣдовало прежде другаго

показывать; развертывалъ, завертывалъ, пряталъ, и опять вынималъ второпяхъ, и такимъ образомъ поощрялъ любопытство своихъ гостей, которые прилежно глядѣли на дѣятельныя его руки.

«Вотъ бисеръ рѣдкой: у меня его довольно набралось: коробъ полный. Посмотрите, что за цвѣтъ! Словно волна морская.... А этотъ? что огонь, что жаръ-птица горитъ! Какой окажистой! Да крупнѣе врядъ и въ Царьградѣ найти!»

— «Только-то у тебя, братъ Многоустъ, — сказалъ Новогородецъ. Этого бисера у насъ много и у самихъ. Жены наши имъ всѣ обнизаны.

Мстиславъ, не отвѣчая ни слова, сталъ раскладывать нѣсколько цѣпей серебряныхъ. «Смотрите же: я промѣнялъ этѣ цѣпи въ Литвѣ и далъ за нихъ нѣсколько лисьихъ шкуръ. Это работа тѣхъ людей, чтó на взморьѣ живутъ, — а мнѣ ихъ уступилъ нашъ братъ Словенинъ. Смотрите, какъ хитрятъ: вѣдь словно трубчатая косичка изъ волосъ.»

— «Гляди, сколько у меня такой же диковины, сказалъ съ насмѣшкою Новогородецъ, вынувъ изъ кармана цѣлый пукъ такихъ же цѣпей, и въ числѣ ихъ цѣпь золотую. — Не хочешь ли самъ купить? Эти бабьи наряды всѣ къ намъ плывутъ. У кого сине море подъ рукой, того чтò удивитъ?

Мстиславъ съ досадою вынулъ изъ-за пазухи камчатый мѣшочекъ и съ гордымъ видомъ сталъ его развязывать: вдругъ грянулъ на столъ два куска чистаго золота. — «Что за утроба?» промолвилъ старшина, — сколько въ ней запрятывается: какъ изъ Чешскикъ горъ выкапываетъ то каменья, то серебро, то золото!...» Тутъ захохотали всѣ и стали разсматривать золотые куски, вѣсить ихъ и цѣнить; а Мстиславъ между тѣмъ, поглаживая свою бороду, тонко изъ подлобья на всѣхъ поглядывалъ. — «Гдѣ ты это досталъ, братъ Многоустъ? спросилъ старшина. — А вамъ чтò за дѣло? отвѣчалъ Кіевлянинъ, — и у васъ вѣрно того много: вѣдь у васъ море подъ рукою. Выни-

май-ка и ты, — сказалъ онъ купцу, который презиралъ его цѣпи, — чай и у тебя въ карманѣ то же найдется.

«Не сердись, Мстиславъ, не сердись,» отвѣчалъ Новогородецъ. «Скажи: гдѣ досталъ? да какая цѣна? — Э братъ! гдѣ тебѣ! — отвѣчалъ Кіевлянинъ, — это товаръ Княжеской. Развѣ вонъ, побогаче тебя, захотятъ торговаться, а ты сиди себѣ, братъ, съ своими цѣпями.

Купецъ, раздраженный этими словами, схватилъ ковшъ со стола и бросилъ его въ Мстислава. Тотъ, нагнувшись, спасъ свою голову. Всѣ вскочили съ мѣстъ. Кіевлянинъ понялъ, что выгоды его требуютъ тутъ же погасить ссору и помириться со всѣми. Шутками, лаской и подчивая безпрестанно гостей хорошими напитками, онъ успѣлъ ихъ опять усадить вокругъ своего гостепріимнаго стола и укротить гнѣвъ купца Новогородскаго.

«Вы хотѣли, любезные гости, знать откуда я досталъ эти два драгоцѣнные куска золота. Вотъ видите: когда Олегъ (не къ ночи будь помянутъ!) ѣздилъ на Грековъ.... Вѣдь вы знаете: онъ меня любилъ какъ кровнаго.... Бывало безъ Мстислава никуда.... Я провожалъ его до самыхъ пороговъ, когда онъ, Вѣщій, съ силою-ратью ходилъ въ Греки.... Помню, какъ этотъ старичишка кудесникъ (погибай онъ вѣкъ въ черной землѣ!) набаялъ ему бѣду отъ любимаго коня его....»

— Эна! куда завернулъ! — прервали Новогородцы. Къ чему конь да кудесникъ?...

«Послушай», сказалъ старшина, «коли утащилъ у кого свои золотые куски, такъ что взято-то свято. Намъ до того дѣла нѣтъ. Объяви только свою послѣднюю цѣну. Что хочешь? Мѣняешься что ли, аль продаешь на гривенки, на Новогородскія?»

— Да полно ужъ продавать ли вамъ? — отвѣчалъ Многоустъ. — Не обидѣлся бы Князь Игорь Рюриковичъ, что я его не предпочелъ.

Тутъ начался живой разговоръ между Мстиславомъ и богатымъ старшиною; а другіе купцы, не имѣя способовъ съ нимъ тягаться, одинъ за другимъ, встали изъ-за стола, вышли на помостъ и скоро всѣ опять ринулись въ избу: за ними два Варяга.

«Что они тамъ толкуютъ? Какое золото?» — закричали иноземцы, оба вооруженные. — Мстиславъ торопливо сунулъ свой кладъ за пазуху, но Варяги бросились на него, отняли золото и все то, что̀ на купцѣ и на столѣ находилось. — «Скажу Княгинѣ», кричалъ купецъ въ отчаяніи.... «Сей часъ пойду, скажу!... — Молчи, кричали иноземцы, гремя мечами. — Гдѣ ты взялъ это золото? Оно что-то глядитъ Греческимъ. Не кричи: не то погубишь свою голову! — Самъ Олегъ», возопилъ Славянинъ, «самъ Олегъ премудрый мнѣ это золото подарилъ.» — А ты намъ отдалъ да и съ придачею. Гдѣ вамъ Славянамъ съ нами бодаться? Скажи хоть слово теперь или послѣ, такъ мы тебѣ рубаху выкрасимъ въ багровый цвѣтъ. А вы, братцы Ладожцы! что на насъ глядите? Давайте-ка и вы что̀ у васъ за пазухой. — И тутъ подошли они къ старшинѣ Новогородскому.

«У меня за пазухой ничего нѣтъ», сказалъ онъ, отпятившись назадъ, «кромѣ ножа остраго да печати княжеской съ рѣзьбою.»

— Такъ у тебя найдемъ, — отвѣчали съ досадою иноземцы и бросились растягивать другаго Словенина и отобрали у него всѣ драгоцѣнныя цѣпи, которыми онъ недавно столько гордился передъ Мстиславомъ. — Прощайте же, бородачи!

Мстиславъ, вздохнувъ тяжело, возопилъ: «Терпи голова въ кости скована!» — и подозвавши къ себѣ старую жену свою, которая, подгорюнившись, издали смотрѣла на печальнаго мужа: «Поди, посмотри: ушли ли?» сказалъ онъ ей. — Ушли, ушли, отвѣчали въ дверяхъ другія женщины.

«Ну что̀ скажете?» — сказалъ гостямъ изумленный хозяинъ. Что скажемъ? отвѣчалъ старшина. Скажемъ, что

ежели бъ у насъ въ Новгородѣ они посмѣли то сотворить, такъ ни одного бы Варяга не осталось. — «Тише, тише», шепнулъ Мстиславъ. «Не думайте, гости любезные, чтобъ Князь это дѣло одобрилъ, если узнаетъ.»

— То-то и есть что не узнаетъ, отвѣчалъ старшина. Вы всѣ боитесь жаловаться на заморскихъ на людей; но тутъ мы обижены: нашего обобрали, я самъ пойду къ Князю.

«Э! отецъ мой!» сказалъ одинъ изъ Новогородцевъ, — «не ходи! Варяги всегда правы: и изъ воды сухи выходятъ; имъ вездѣ хорошо, вездѣ ловко.»

— Правда твоя, продолжалъ другой. Помнишь: бывало въ полкахъ, кого кололи Греки? все нашихъ Славянъ. Мы въ мягкихъ рубахахъ такъ на копье и лѣземъ, а до нихъ сквозь желѣзныя одежды и копье не прикоснется. Когда же послѣ рати назадъ поѣхали, — кому честь и слава? Заморскимъ Русакамъ: у Варяговъ на ладьяхъ парчевые паруса, а у нашихъ Славянъ гнилые крапивные.

«А дорогой-то», прервалъ другой, «Варяги бывало плывутъ себѣ по рѣкамъ, какъ гоголи Гдѣ волокъ али порогъ на встрѣчу, — они выплывутъ на берегъ, а кому вытаскивать ладьи? все Славянскимъ плечамъ. Они только стоятъ да указываютъ.»

— За то дома на торжищахъ хорошо, заворчали другіе купцы. Какъ на купеческомъ дворѣ сойдутся гости Словенскіе толковать про какой нибудь важной торгъ, да какъ явится купецъ Варягъ вооруженный словно на брань, — вотъ и торгъ пополамъ перерубленъ. А о товарахъ ужъ не говори: и у того, и у другаго, и поминай какъ звали!

— «Какъ! развѣ и у васъ то же?« спросилъ съ тонкою улыбкой Мстиславъ Многоустъ. «А ты, старшина, хвастался, что васъ Варяги боятся?»

Это совсѣмъ другое, -- возразилъ важно Новогородецъ. Гдѣ вамъ Днѣпровичамъ равняться съ нами? На торжищахъ дѣло особое, а въ избахъ нашихъ они не смѣютъ грабить,

какъ теперь у тебя. Видѣлъ ты? Смѣли ли они подойти ко мнѣ?

«Однако жъ товарища-то твоего они обобрали», прервалъ Кіевлянинъ.... Ну да братцы, всѣмъ равно! Перестанемъ говорить о невозвратной бѣдѣ. Выпалъ зубъ, — словами не вставишь, а впрочемъ будь я не Многоустъ, если Князь не возвратитъ вашему брату вдвое противъ того, что у него было отнято».

Тутъ Мстиславъ, который въ дѣлахъ торговыхъ никогда не терялся и всегда смотрѣлъ впередъ, скрѣпилъ свое сердце и сталъ живыми красками описывать замыселъ о новомъ торгѣ, въ коемъ онъ предвидѣлъ, какъ всегда, болѣе выгоды для товарищей Новогородскихъ нежели для себя самого. Онъ брался доставлять за дешевую цѣну разные мѣха изъ Древлянскихъ лѣсовъ, какъ-то: темнорусыхъ выдръ и тонковолосыхъ горностаевъ, а изъ Чешской земли желѣза, серебра и гуслей звонкихъ, да чудотворныхъ идоловъ изъ южныхъ Латышскихъ земель, и предлагалъ имъ мѣну на другіе мѣха, какъ-то на восточныхъ полосатыхъ барсуковъ, на рысьи пестрыя шкуры, на соль Озерецкую, на богатыя одежды, кушаки и сафьяны Бардахскіе. Мстиславъ увѣрялъ купцовъ, что Князь не будетъ тому ни мало препятствовать, только бы принять его и Княгиню соучастниками въ предполагаемомъ дѣлѣ. Онъ брался также выпросить у Князя дозволеніе выстроить на берегу Днѣпра большой постоялый дворъ съ обширными анбарами, гдѣ бы одни Новогородцы могли останавливаться и выгружать товары, и обѣщалъ на другой же день устроить съ Княземъ торговую бесѣду. Разговоръ продолжался до вечера: Мстиславъ, видя успѣхъ своихъ плановъ, въ знакъ благодарности, велѣлъ истопить для гостей жаркую баню, столь любимую сѣверными Славянами, что они называли ее своею второю матерью, и натаскать туда вѣниковъ и полныя ведра квасу.

Утренній морозъ предсказывалъ рановременную зиму; дворъ Княжеской устланъ снѣгомъ. Ильменскіе купцы давно уже на немъ дожидаются: то бьютъ въ ладоши, то топаютъ ногами. «Ну ужъ городокъ!» говорятъ они. «Чай у насъ еще врядъ ли и зима началась! Ай-да Кіевъ, матушка городовъ Русскихъ! Не лучше же ты грѣешь своихъ жителей, нежели дѣтушки твои, другіе города! Да гдѣ Мстиславъ? что онъ насъ не введетъ въ сѣни? Чай тамъ тепло: то и дѣло дрова носятъ. Пойдемъ!» — Нѣтъ, братцы, тамъ желѣзные лѣшіе не пускаютъ; ужъ я два раза подходилъ; только и горланятъ, что мѣста нѣтъ, да пихаются. — Ужъ не долго этимъ бѣлобрысымъ насъ пихать! — Придетъ время и мы въ сѣни заберемся. — Да куда провалился этотъ пёсъ Многоустъ? Онъ подъ кровлей, а мы въ снѣгу: хорошо угощеніе Княжеское! — Хороша бесѣда!

— «За чѣмъ было оставаться? — сказали всѣ старшинѣ. — Легко ли до Колядова дня? Ужъ и такъ зажились у Днѣпровичей съ самаго того дня, какъ получена Грецкая харатья, а все по пустому! — Какъ подумаешь дома-то: и грѣто, и уютно! — Какъ ни угощай на чужой сторонѣ, а свой очагъ всегда жарче и милѣе. — «Да, пожарче Княжаго здѣшняго очага....» — И начали опять ругать Варяговъ и во все горло звать Мстислава; но испуганныя галки, однѣ, отвѣчали на ихъ голосъ и заглушали ихъ жалобы рѣзкимъ своимъ гарканьемъ.

Между тѣмъ Мстиславъ съ жаромъ разсказывалъ Княгинѣ Ольгѣ всѣ выгоды, предполагаемые отъ новаго имъ замышленнаго торга, и хвасталъ передъ нею своимъ усердіемъ и познаніемъ въ торговыхъ дѣлахъ. Она обѣщала Мстиславу, что Князь пошлетъ его съ провожатыми къ южнымъ и западнымъ Славянамъ, дабы съ тамошнимъ купечествомъ устроить дружескія сношенія; дала также ему надежду, что съ первою торговою отправкою въ Царьградъ и онъ туда же будетъ посланъ съ Варяжскими купцами. «Дай тебѣ Сива сына-богатыря!» сказалъ купецъ. «Но надобно бы тотчасъ же Князю начать

бесѣду съ Новогородцами. Онъ приказалъ мнѣ привести ихъ раненько, а ужъ они тамъ давно дожидаются: какъ бы не разсердились!»

— Какъ быть! — отвѣчала Ольга. Вѣдь Князя дома нѣтъ.

— «Какъ дома нѣтъ? Онъ самъ назначилъ мнѣ часъ для бесѣды. Что жъ дѣлать?»

— Какъ стало порошить, послѣ тебя, съ самой повечерницы собрался на охоту съ тремя Боярами, и Перунъ вѣсть, когда возвратится. Ужъ эта мнѣ его охота! Повѣришь ли? какъ придетъ она, такъ глазки его соколиные на меня ужъ вовсе не взглянутъ; еще темно на дворѣ, а онъ ужъ въ поле или въ лѣсъ летитъ; пріѣдетъ поздно, разуешь его, снимешь шишакъ; а уже его бѣлокурая головушка такъ и валится на широкую грудь.... Поди, поди, Мстиславушка; время времени не работаетъ: поведи ихъ въ гостиную свѣтлицу, да не жалѣй ни пива нашего, ни меду, ни съѣстныхъ припасовъ.»

Кіевлянинъ ударилъ челомъ объ полъ, слѣдуя въ томъ обычаю, заведенному въ Кіевѣ Ханомъ Хозарскимъ, и побѣжалъ изъ терема къ купцамъ Новогородскимъ. На лѣстницѣ ожидали его Ольгины рабыни, которыя стали распрашивать его о разговорѣ съ Княгинею; но купецъ, по старой привычкѣ, отдѣлался отъ нихъ, подаривши однимъ бисеру, другимъ галунчиковъ, а старшей изъ нихъ досталась бисерная цѣпь и золотой образокъ.

«Покажи мнѣ, что тебѣ далъ Многоустъ?» спросила у ней вдова Ульяна, сказывальщица Княгини, — «покажи скорѣе.»

— А тебѣ что за дѣло. птица ночная? отвѣчала старуха, которая было спрятала подарокъ, замѣтя золотую штучку, блестѣвшую: но и другія, успѣвши также оную замѣтить, не смотря на почтеніе должное начальницѣ, стали у ней отымать подарокъ Мстислава. — Ольга вышла на шумъ, журила рабынь своихъ и велѣла молодымъ повиниться передъ старухой.

«Возьми у ней эту вещь, лебедушка Княгиня», молвила вдова Ульяна ей на ухо. «Она тебѣ самой пригодится: послѣ

раскажу.» — Ольга съ видомъ небрежнымъ взяла у старухи Чешскую таинственную вещь и приказала сказывальщицѣ явиться къ ней въ тотъ же вечеръ въ свѣтлицу ранѣе обыкновеннаго.

Какъ скоро Новогородцы увидѣли Мстислава: — «Спасибо тебѣ», закричали они вмѣстѣ, за дружеское посредство, а Князю за ласку. Хороша сходка! дѣльная бесѣда! — Къ кому ты привелъ насъ про дѣла толковать? Развѣ ко псамъ да къ галкамъ. — Чаи тамъ вверху они пируютъ себѣ въ теплой горницѣ, а мы здѣсь съ ранняго утра снѣгъ топчемъ какъ черный народъ. — Ты небось насъ кинулъ, а самъ взгнѣздился подъ теплую кровлю.»

— Какъ! развѣ вы не въ сѣняхъ дожидались? — возразилъ Кіевлянинъ. — А я имъ, заморскимъ, приказывалъ васъ тотчасъ пустить: неужели не послушались?

— «Тебя, Кіевлянина, станутъ слушаться, когда насъ Ильменцовъ не уважаютъ?»

— Такъ послушаются же, отвѣчалъ Мстиславъ, и тутъ же побѣжалъ опять къ Княгинѣ въ теремъ, и скоро двери въ сѣни растворились: рабыни ввели купцовъ въ гостиную свѣтлицу, гдѣ стали подчивать ихъ рѣдкими яствами и напитками. Вскорѣ послѣ пришла къ нимъ сама Княгиня: ея ласка, рѣчи умныя о торговлѣ, лестныя обѣщанія и похвалы очаровали совершенно гостей Словенскихъ. Они, ради ея, простили Князю его неуваженіе къ нимъ; забыли жаловаться на обиду, причиненную Варягами ихъ одноземцу, который самъ не смѣлъ мѣшать веселой бесѣдѣ своимъ донесеніемъ неумѣстнымъ, и послѣ трапезы, когда Ольга удалилась, они, разлегшись на медвѣжьихъ шкурахъ вокругъ огромной печи, долго толковали о разумной Княгинѣ, дивились ея мудрымъ словамъ и спрашивали другъ у друга: не перешелъ ли въ нее духъ Олега Вѣщаго?

Неутомимый Мстиславъ суетился вокругъ нихъ до той самой поры, пока они предались глубокому сну, и побѣжалъ тогда за ворота дожидаться Князя, чтобы дать ему понятіе о

важности торговой бесѣды, которою онъ столь легкомысленно пренебрегъ для охоты. Тутъ давно съ нетерпѣніемъ ждала его сказывальщица Княгинина.

«Какими судьбами, мой дорогой», спросила она, «могъ ты достать то, что̀ пожаловалъ нашей старухѣ?»

— Гдѣ мнѣ помнить, отвѣчалъ онъ, все то что я передарилъ въ дѣвичьей вашей? Что дано, то забыто.

— «Развѣ ты меня не знаешь?» продолжала она. «Я вдова Ульяна, сказывальщица, иноземка, любимица Ольги, владычицы нашей. Не оставь меня безъ отвѣта.»

— Какъ тебя не знать, касатушка! отвѣчалъ Мстиславъ. — Ты вѣрно говоришь про бисерное ожерелье и про золотую штучку, гдѣ изображены какія-то лица?

— «Такъ, такъ! образъ Святой Божіей Матери съ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ.»

— Этого я не знаю и не вѣдаю, — сказалъ купецъ. — Ужъ не ты ли та женка, которая должна была явиться ко мнѣ за....

— «Я, я», прервала вдова, «вѣрно черница изъ Преображенскаго монастыря, что въ Корсунѣ, вручила тебѣ для меня эти вещи: они мои собственныя, святыя благословенныя нашимъ первоучителемъ, правовѣрнымъ Кирилломъ. Чай его ужъ давно не стало! Чай онъ, нашъ благоподатель, предалъ духъ свой Господу. А я спрашивала, спрашивала: никто не умѣетъ ничего сказать про него.»

— Этого я ничего не вѣдаю, а помню только, что женщина въ черномъ одѣяніи вручила мнѣ эти вещи на какомъ-то Корсунскомъ погостѣ, имени не знаю, близъ какого-то терема съ башнями, да съ бѣлокаменною стѣною.

«Награди тебя Богъ! Подай тебѣ Господь и Царица небесная! Ну скажи, мой отецъ, что̀ тебѣ черница про меня говорила? Онѣ не знаютъ, голубушки, что̀ со мной случилось, что я была за покойнымъ Варлавомъ, да благодаря Всевышняго, хоть за Варягомъ, да за Христіаниномъ. Чаю, не вѣдаютъ,

что мнѣ здѣсь хорошо, что меня Княгиня жалуетъ.... Ахъ, Мстиславушка! мой соколъ ясной! Разскажи все ради Христа!»

— Да только твоя черница и сказала, чтобъ я отдалъ эти вещи Чешской полонянкѣ, живущей у насъ въ Кіевѣ. Ты не являлась, а я виноватъ: забывшись, другой и подарилъ.

— «Какъ быть-то?» отвѣчала вдова». «Я давно знала отъ нашего монаха, что какой-то купецъ взялся мнѣ привезти мой кладъ, да не знала, что ты; а вѣдь ты вѣдаешь, что, по милости вашихъ злодѣевъ жрецовъ да кудесниковъ, намъ православнымъ не всѣмъ можно открываться. Да что я! Вѣдь и ты Бога-то не знаешь! Ахъ, мой батюшка!...»

Тогда Мстиславъ, услышавъ издали шумъ и визгъ возращавшейся охоты, оставилъ Христіанку, а она со страхомъ побѣжала въ теремъ къ Княгинѣ. Игорь въ сѣни, Мстиславъ за нимъ, а Ольга къ мужу на встрѣчу. Усталый Князь, сквозь сонъ, улыбался ихъ разсказамъ, радуясь мысли увеличить свою казну; но не могъ промолвить ни слова о дѣлахъ. Онъ втащился на лѣстницу и, приказавши себя раздѣть, бросился на теплую лежанку и крѣпко заснулъ.

Факелъ изъ березовыхъ лучинъ, обмазанныхъ благовонною смолою, торчалъ въ углу на желѣзномъ свѣщникѣ. Ольга отдыхала на рухлой перинѣ подъ куньими шубами, разметавъ бѣлыя свои руки по мѣховому пуху. Ея взоры останавливались то на ложѣ дочери милой, то на сынѣ Рюриковомъ. Разскащица Ульяна сидѣла на коврѣ, разостланномъ на полу возлѣ Княгини. — «Разскажи мнѣ быль-сказку», говорила она рабѣ своей, «да поновѣе, а то все великанъ-разбойникъ, да жаръ-птица да коверъ-самолетъ. Ужъ они мнѣ прислушались, а сегодня что-то не спится. Позабавь меня, да не такъ грубо выговаривай, не по своему, не по Чешскому.»

Ульяна, которая напрасно старалась напомнить госпожѣ своей о вещахъ, подаренныхъ Мстиславомъ, ибо Ольга была погружена въ какую-то думу, рѣшилась прямо ей о томъ ска-

зать, и привставши, подошла на цыпочкахъ къ ея подголовьямъ, поглядывая со страхомъ на лежанку.

«Гдѣ у тебя спрятано, ласковая моя сударыня, то что̀ я тебѣ присовѣтовала взять?

— Что за тайна? спросила Ольга. Возьми, пожалуй, эти рѣдкости: я право ничего въ ней не замѣтила хорошаго. Да постой.... Къ чему ты сказала, что она можетъ мнѣ пригодиться? Вонъ онѣ висятъ у божковъ домовыхъ.

Тутъ Ульяна вздрогнула и, перекрестившись, подошла тихонько къ Славянскимъ идоламъ, пришептывая молитву: Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его! — и въ то время какъ она снимала четки и образъ съ гвоздя, одинъ кумиръ пошатнулся; она затряслась и, полумертвая, подбѣжала къ Княгинѣ.

«Что же это за диковина? что мнѣ въ этомъ ожерельѣ?» говорила Ольга, повертывая четки во всѣ стороны.

— А вотъ постой, Княгиня — мой свѣтъ!... Дай отдохнуть.... Провались они черти!... Это не нарядъ.

— «Что же такое?

— И впрямъ! вѣдь ты объ томъ не знаешь и не вѣдаешь, бѣдная Кралюшка! Четки у насъ правовѣрныхъ держатся въ рукахъ во время моленія; на нихъ считаютъ поклоны, да молитвы, а эти мои собственныя были — а образъ благословеніе нашего блаженнаго первоучителя Кирилла!

И тутъ Ульяна начала прикладываться къ образу и шептать молитву.

«Что ты тутъ колдуешь?» спросила Княгиня съ удивленіемъ, «и для чего ты перебираешь эти шарики? Да скажи мнѣ: какая нужда считать молитвы богамъ?»

— Спаси Господи! что̀ ты сказала? не богамъ, а Богу единому, животворящему, всемогущему и пречистой Дѣвѣ, заступницѣ нашей.

— «Не путай, пожалуй, мнѣ голову своею новизною», прервала Ольга, «и такъ у насъ довольно божескихъ именъ, и тѣхъ память не удержимъ.... Скажи: что тутъ на золотой дощечкѣ?»

– Приложись, красавица моя, приложись: тутъ образъ приснoблаженной Богородицы, честнѣйшей Херувимъ! А съ другой стороны еще святѣе Господь нашъ Спаситель, сынъ Бога живаго! Ежели бъ они были у меня во время болѣзни моего покойника, можетъ быть, онъ, приложившись, еще бы остался пожить со мною.

Ольга смотрѣла на сказывальщицу съ недоумѣніемъ и болѣе утверждалась въ общемъ мнѣніи, что Ульяна точно помѣшана. Образъ ея жизни, чужеземныя ухватки, христіанскіе разговоры были непонятны для прислужницъ Княгининыхъ и для нея самой; но она была въ милости у госпожи своей, ибо никто не могъ равняться съ нею въ разсказываніи повѣстей и небылицъ забавныхъ. Ольга, сжалившись надъ нею, возвратила ей драгоцѣнныя ея вещи и стала распрашивать о томъ, какъ живала она въ землѣ своей.

«Тебѣ не безъизвѣстно», начала вдова Ульяна, «что меня полонили витязи Олеговы въ Корсунскомъ монастырѣ, гдѣ я готовилась принять ангельскій образъ иноческой жизни; но Богу угодно было иначе. Я, здѣсь въ Кіевѣ, отдана была за вашего Варяга, за моего Варлава: онъ служилъ при Оскольдѣ и Дирѣ, ѣздилъ съ ними въ Христіанскую землю, видѣлъ чудеса Господни и исповѣдывалъ тамъ Христа.»

— Разсказывай мнѣ про свою родину, прервала Княгиня, потягивая свои бѣлыя руки.

— «Я родилась», продолжала разскащица, «въ Чешской землѣ: языкъ у насъ въ Моравіи одинъ съ вашимъ Кіевскимъ, однако жъ нашъ древнѣе. Отъ Чеховъ исходятъ всѣ Славяне. Родители мои покланялись силѣ діавольской; а меня съ малолѣтства видно полюбила Пресвятая Богородица, и я, говорятъ, всегда плакала, рвалась, когда мать моя подносила меня къ поганымъ идоламъ: вѣдь это черти, и не боги.... Повѣрь, мой свѣтъ-Княгиня: они тебѣ душу губятъ.» Промолвя сіи слова, она съ ужасомъ поглядѣла за собой на уголъ, гдѣ стояли домовые истуканы. Ольга же, приподнявшись на изголовьѣ,

строго взглянула на разскащицу; но вспомня, что она говоритъ не въ здравомъ умѣ, опять опустила свою голову и только попрекнула ей: для чего она своими безпрестанными перерывами мѣшаетъ ей уснуть.

«Разъ.... я была тогда ростомъ съ малиновой кустикъ.... во время Русальной недѣли....»

— Какъ! Русальной? Стало и у васъ есть Русалки какъ у насъ?

— «А какъ же? Развѣ ты не знаешь, владычица, что все Славянское отъ насъ: и языкъ и старина?»

— Полно пустословить, отвѣчала Княгиня. Первые Славяне, такъ говоритъ батюшка, суть Ладожцы, Новогородцы. Все начало ихъ съ Ильмеря да съ Нева-озера. Ну не умничай, а разсказывай, какъ у васъ празднуютъ нашихъ тетушекъ водяныхъ.

— «У насъ, Княгинюшка, на Русальной недѣлѣ, такое бывало празднество, что ни киноварью не начертить ни словами не разсказать. Ужъ какое сборище! какіе наряды! Какъ бывало, наканунѣ праздника, развѣсимъ на деревьяхъ ленты синія, алыя, зеленыя, то роща вся точно королевской цвѣтистой садъ! Такъ все дивно! ясно! Въ первый день праздника, какъ скоро солнышко покажется надъ челомъ сѣрой горы, что за нашимъ селомъ Моймаромъ, мы всѣ пустимся въ Русальный лѣсъ, дѣвицы, женщины и дѣти, а мущины издалека глядятъ на насъ и радуются: вѣдь это праздникъ дѣвичій да женской. Все боярство соберется изъ окружныхъ замковъ; князья, владыки и паны съ супругами своими, всѣ въ камчатыхъ одеждахъ и въ мѣхахъ богатыхъ.»

— «А что ваши боярскія жены носятъ на головахъ? спросила Ольга.

— «Онѣ у насъ носятъ шапочки золотыя съ опушкою бобровой али собольей.

— Что жъ хорошаго? сказала Ольга. Наши повойники, чай, гораздо красивѣе.

«Ахъ! моя государыня! И шапочки золотыя красивы: бывало, какъ наши папы круглолицыя разсядутся въ рядъ, въ золотомъ убранствѣ да въ каменьяхъ разноцвѣтныхъ, точно кралями глядятъ. — Вотъ соберемся въ лѣсъ, сорвемъ липку густую, разукрасимъ ее лентами и посадимъ на чистую лужайку, поближе къ потоку. Тутъ, подъ тѣнью Русальной липки, разставимъ въ кружокъ сковроды съ молочными пшенниками, да съ поджаристой яичницей, и присѣвши на пятки, станемъ пировать. А тамъ мущинамъ старосты подносятъ здобные пироги да кружки съ пивомъ. — Какъ кончится попирушка, мы всѣ вскочимъ вдругъ и ринемся въ рощу рвать вѣтви съ деревьевъ да плести вѣночки, и запоемъ себѣ хоромъ.» — Тутъ Моравка запѣла въ полголоса:

Ай во полѣ липанока!
Подъ липою дѣвица
Рвала вѣтви съ дерева,
Плела вѣнокъ зеленой.
Кому вѣнокъ подарить?
Прочь ты, старой, не тебѣ,
А дружочку молодцу!

Ульяна, увлеченная веселымъ воспоминаніемъ о своихъ молодыхъ дняхъ на родинѣ, совершенно позабыла, что грѣшно величать въ пѣсни языческаго бога, и что она можетъ разбудить правителя. Но Князь спалъ спокойно, а Ольга забавлялась странностью своей разскащицы и сравнивала на умѣ праздникъ Чешской съ Кіевскимъ.

«Коль скоро вѣнки бывало, сплетены», продолжала Ульяна, «мы ими увѣнчаемся и пойдемъ къ водоскату. Тутъ снимемъ ихъ съ головы и бросимъ въ воду. Чей плыветъ долго, не разовьется, той дѣвицѣ найти скоро милаго друга; а чей разовьется, потонетъ, той ложе брачное стелется въ сырой землѣ. Женщины замужнія, знаешь, ужъ про другое не гадаютъ, какъ про жизнь да про смертный часъ. . . .» — Теперь я понимаю,

прервала Княгиня, ваша Русальная ничто другое какъ наша Кіевсяая Клечальная или зеленая недѣля. Какъ бы ты не спесивилась да ходила на сходбища наши, такъ бы и здѣсь въ Травномъ мѣсяцѣ тотъ же почти праздникъ увидѣла, что у васъ въ Чешской землѣ, съ той разницей однако жъ, что у насъ онъ святѣе вашего, ибо не только для веселья живыхъ отправляемъ его, но и для радости милыхъ усопшихъ. Когда собираемся въ лѣсъ завивать вѣнки, то прежде остановимся на курганахъ и тамъ плачемъ долго, долго, и кличемъ имена погребенныхъ родныхъ; а гусляры и гудцы играютъ пѣсни. Тогда начинается пляска и веселіе.

— «И у насъ точно также», возразила Ульяна. «Я запамятовала сказать: всего вдругъ не припомнишь. И у насъ плачутъ надъ могилами: цѣлое утро передъ пирушкою слезы льются какъ дождь. А про гусли да про гудки что и говорить? И сравнить нельзя вашихъ съ нашими. Какъ бывало заиграютъ вмѣстѣ, такъ не вдругъ опомнится.»

— «Здѣсь въ Кіевѣ, прервала Ольга, величаютъ всѣхъ боговъ, а особливо Ладо, веселаго бога любви. — «А у насъ развѣ въ хороводахъ не поютъ: Ай Дидъ Ладо! Ладо Ладо!... Что я сказала! Ахъ я грѣшная! безумная! окаянная! промолвила съ ужасомъ Моравка. Ихъ поганыхъ не велѣно называть.»

— «Что ты? что съ тобой? спросила Ольга.» — Но раба ей ни слова не отвѣчала и, послѣ долгаго молчанія, вдругъ, томнымъ голосомъ, снова начала свой разсказъ:

«Подобоангельской Кириллъ явился на нашей на Моравской сторонѣ, что ключъ живой воды въ кремнистыхъ горахъ. Его райскія слова переродили наши души, и каждый слѣдъ святаго по нашей землѣ, что соха, приносилъ жителямъ изобиліе и благо. Помню я.... (тогда у насъ въ селѣ Моймарѣ праздновали Русальный бѣсовскій праздникъ).... я, некрещеная безумка, плясала съ дѣвочками на Усыпальницѣ, а женщины въ ладоши ударяли и припѣвали грѣшныя пѣсни, какъ вдругъ промежъ насъ является на лошакѣ старецъ, въ дорожной царьградской

одеждѣ, съ жезломъ въ рукѣ, а за нимъ ѣхалъ другой мужъ, постарше его, да двое молодыхъ Грековъ, которые держали книги, кадило и другую утварь церковную. Я послѣ узнала, какъ все это свято и дивно. Толпа народа слѣдовала за ними. Старцы стали съ лошаковъ, и мы всѣ оробѣли. Первый взошелъ на курганъ: то былъ нашъ просвѣтитель Кириллъ. Онъ, на Славянскомъ нарѣчіи, сказалъ божественную рѣчь. Помню я, какъ онъ насъ уговаривалъ оставить бѣсовскія игры и прогнать всю діавольскую силу изъ бесѣдъ нашихъ; не осквернять устъ хваленіемъ демона, но каждымъ дыханіемъ хвалить единаго Бога. Помню, что онъ показалъ намъ образъ Пречистой Дѣвы Маріи съ младенцемъ, такой прекрасный. Богоматерь смотрѣла такъ улыбчиво, что я тотчасъ полюбила ее и поняла, отъ чего наши истуканы угрюмые для меня были всегда такъ постылы и ужасны. Онъ и братъ его, Меѳодій, научили насъ, какъ радоватъ души усопшихъ не плясками, не пѣснями, а молитвами Богородицѣ, отверзающей двери милосердія въ царство небесное. Тутъ гдѣ ни взялся на холмѣ высокой деревянный крестъ, и отецъ Меѳодій, другой святитель нашъ, запѣлъ съ Греками молитву, всѣмъ памятную, на Славянскомъ нарѣчіи: «Егда поклонится всяко колѣно Іисусу и всякъ языкъ исповѣстъ.»

«Крещеные всѣ пали на землю, и мы, на нихъ глядя, повалились также наземь, словно жатые колосья. Ахъ, бѣдная Княгинюшка! если бы ты упоилась, какъ мы, святости душеспасительныхъ глаголовъ его, и тебя бы Богъ очистилъ отъ поганой скверны, и ты бы исполнилась духа Христіанскаго. Апостольской старецъ повелъ насъ въ стольной бѣлокаменный городъ, гдѣ князья и владыки собирали всѣхъ исповѣдующихъ Іисуса Христа; никто почти не отсталъ отъ него, кромѣ старухъ упрямыхъ, лютыхъ колдуновъ да дѣтей безмозглыхъ. Умру, не позабуду. Благодатный Кириллъ сталъ садиться на лошака, а я словно хмѣль, что вьется у забора, прильнула къ старцу и никакъ не хотѣла отстать отъ него. Онъ, видя мое усердіе, приласкалъ меня, заставилъ перекреститься и приложиться къ мо-

щамъ, что у него на груди висѣли, и самъ милостиво пошелъ съ нами пѣшкомъ, взявъ меня за руку. Дѣвочки, мои подруги, стали тихонько меня звать на воду, чтобы гадать надъ вѣнками: то потянутъ меня за одежду, то схватятъ за плечо; но я не вдавалась во искушеніе и оставалась тверда. Бабка моя также подошла ко мнѣ. «Убью тебя», шепнула она, «коли ты не оставишь этого старика.» Вѣдай, что она слыла у насъ колдовкой; любила бесѣдовать съ кудесниками и жрецами; я ея страхъ боялась; но тутъ отколѣ взялся духъ! Прижавшись къ святому учителю, я таки смѣло ее отъ себя отпихнула: столь сила крестная могуча противъ бѣсовской силы!»

Ульяна взглянула на Княгиню и увидѣла, что глаза ея затворились и голова опустилась на плечо.... Она—вслушиваться.... Ольга ровно, спокойно дышала и давно уже не внимала рѣчамъ сказывальщицы; но новыя мысли о Богоматери, о спасеніи небесномъ, о разумномъ учителѣ цѣлаго народа, разлились въ душѣ ея и сливались во снѣ съ прежними мыслями, какъ благоуханіе ѳиміама съ душнымъ воздухомъ запертаго жилища. Ульяна, по неволѣ, замолчала и, задумчиво глядя на четки и на образъ, стала проходить въ своей памяти, какъ Святитель Моравіи ихъ отдалъ ей при прощаніи, какъ купцы увезли ее, по приказанію Кирилла, въ Херсонской имъ любимый монастырь и помѣстили ее тамъ учиться премудрости духовной; какъ ее похитили оттоль и она кричала черницѣ, своей подругѣ, чтобъ сохранила ея милый кладъ. «Стало она, моя голубушка, мнѣ все прислала, говорила сама себѣ Ульяня: благослови ее Творецъ и ниспошли Онъ на моихъ господъ свой лучъ дара Духа живаго за ихъ хлѣбъ за соль и за ласку моей милосердой Паньи.» — И тутъ сказывальщица три раза перекрестила Княгиню Ольгу и скоро, опустивши свою сѣдую голову, сама крѣпкимъ сномъ заснула.

IV.

КНЯГИНѢ З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

ОТЪ РАЗНЫХЪ ПОЭТОВЪ.

КНЯГИНѢ З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

(*Посылая ей поэму:* ЦЫГАНЫ.)

Среди разсѣянной Москвы,
При толкахъ виста и бостона,
При бальномъ лепетѣ молвы,
Ты любишь игры Аполлона.
Царица музъ и красоты,
Рукою нѣжной держишь ты
Волшебный скипетръ вдохновеній,
И надъ задумчивымъ челомъ,
Двойнымъ увѣнчаннымъ вѣнкомъ,
И вьется и пылаетъ геній.
Пѣвца плѣненнаго тобой
Не отвергай смиренной дани:
Внемли съ улыбкой голосъ мой,
Какъ мимоѣздомъ Каталани
Цыганкѣ внемлетъ кочевой.

(1827) А. Пушкинъ.

Примѣчаніе: Каталани будучи въ Москвѣ восхищалась пѣніемъ цыганки Степаниды.

КУПЛЕТЫ

НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ КНЯГИНИ ЗИНАИДЫ ВОЛКОНСКОЙ
ВЪ ПОНЕДѢЛЬНИКЪ 3го ДЕКАБРЯ 1828 ГОДА,

сочиненные въ Москвѣ *Кн. П. А. Вяземскимъ, Е. А. Баратынскимъ, С. П. Шевыревымъ, Н. Ф. Павловымъ и И. В. Киреевскимъ.*

Друзья! теперь видѣнья въ модѣ
И я скажу про чудеса:
Не разъ явленьями въ народѣ
Намъ улыбались небеса.
Они намъ улыбнулись мило
Небеснымъ гостемъ подаря:
Когда же чудо это было?
То было третье Декабря.

Вокругъ эѳирной колыбели,
Гдѣ гость таинственный лежалъ,
Невидимые хоры пѣли,
Незримый дымъ благоухалъ.
Зимой, весеннее свѣтило
Взошло безоблачно горя.
Когда же чудо это было?
То было третье Декабря.

Оно зашло и звѣзды пали
Съ небесъ высокихъ — и свѣтло́
Вѣнцомъ магическимъ вѣнчали
Младенца милое чело.
И ихъ сіяньемъ озарило
Судьбу младаго бытія:
Когда же чудо это было?
То было третье Декабря.

Одна ей пламя голубое
Въ очахъ плѣнительныхъ зажгла:
И вдохновеніе живое
Ей въ душу звучную влила.
Въ очахъ зажглось любви свѣтило
Въ душѣ поэзіи заря:
Когда же чудо это было?
То было третье Декабря.

Звѣздой полуденной и знойной
Слетѣвшей съ Тассовыхъ небесъ,
Даны ей звуки пѣсни стройной,
Даръ гармоническихъ чудесъ:
Явленье это не входило
Въ невѣрный планъ календаря:
Но знаемъ мы, что это было
Оно на третье Декабря.

Земли небесный поселенецъ,
Росла плѣнительно она,
И что пророчилъ въ ней младенецъ,
Свершила дивная жена.
Не даромъ геніевъ кадило
Встрѣчало утро бытія:
И утромъ чуднымъ, утро было
Сегодня третье Декабря.

Мы, написавши эти строфы,
Еще два слова скажемъ вамъ,
Что, если наши философы
Не будутъ вѣрить чудесамъ,
То мы еще хранимъ подъ спудомъ
Имъ доказательство, друзья:
Она насъ подарила чудомъ
Сегодня въ третье Декабря.

Такая власть въ ея владѣньѣ,
Какая Богу не дана:
Намъ сотворила воскресенье
Изъ понедѣльника она.
И въ праздникъ будни обратило
Веселье кругъ нашъ озаря:
Да будетъ вѣчно такъ какъ было
Днемъ чуда третье Декабря!

Изъ царства виста и зимы,
Гдѣ подъ управой ихъ двоякой
И атмосферу и умы
Сжимаетъ холодъ одинокой;
Гдѣ жизнь какой-то тяжкій сонъ:
Она спѣшитъ на югъ прекрасной
Подъ Авзонійскій небосклонъ
Одушевленный, сладострастный,
Гдѣ въ кущахъ, портикахъ палатъ,
Октавы Тассовы звучатъ;
Гдѣ въ древнихъ камняхъ боги живы,
Гдѣ въ новой чистой красотѣ
Рафаэль дышитъ на холстѣ,
Гдѣ всѣ холмы краснорѣчивы;
Но гдѣ ни стыдно, можетъ быть,
Герои міра властелины
Вашъ Капитолій позабыть
Для Капитолія Корины,
Гдѣ жизнь игрива и легка.
Тамъ лучше ей: чего же болѣ?
Зачѣмъ же тяжести тоска
Стѣсняетъ сердце по неволѣ?
Когда любимая краса

Послѣднимъ сномъ смыкаетъ вѣжды,
Мы полны ласковы надежды,
Что ей открыты небеса,
Что лучшій міръ ей уготованъ,
Что славой вѣчною, свѣт о,
Тамъ заблеститъ ея чело;
Но скорбный духъ неуврачеванъ
Въ груди стѣсненной тяжело
И неутѣшно мы рыдаемъ.
Такъ сердца нашего кумиръ,
Ее, печально провожаемъ
Мы въ лучшій край и въ лучшій міръ.

Баратынскій.

Средь жизни холодной, средь жизни пустой,
Средь мертваго круга вседневныя прозы,
Какъ сонъ, какъ поэта живая мечта,
Отрадно явилась она предо мною.
Къ ней сердце летѣло, къ ней звуки неслись,
И въ пѣсню восторга ужъ стройно сливались, —
Но мимо видѣнье, на мигъ озаривъ
Мнѣ душу сіяньемъ, въ край лучшій умчалось
Какъ сонъ, какъ поэта живая мечта.
И первая пѣсня ей въ даръ зазвучала
Послѣднимъ, печальнымъ, сердечнымъ: *прости!*
Лишь думу объ ней и какъ мощи святыя
Съ любовью и вѣрой въ ту раку кладу,
Что память сковала изъ лучшихъ мгновеній,
Богато усыпавъ огнистой игрой
Блестящихъ, несбыточныхъ, чистыхъ мечтаній.

Киреевскій.

Какъ соловей на зимнія квартиры
Подъ небо лучшее летитъ,
Такъ и она въ отчизну сладкой лиры
Воскреснуть силами спѣшитъ.

И далеко отъ родины туманной
Ее веселье обойметъ.
Какъ прежній гость, какъ гость давно желанный,
Она на югѣ запоетъ.

Тамъ ей и быть гдѣ солнца лучъ теплѣе,
Гдѣ такъ роскошны небеса,
Гдѣ человѣкъ съ искусствами дружнѣе,
И гдѣ такъ звучны голоса.

Но здѣсь и тамъ тропою незабвенной
Она прорѣзала свой путь:
Гдѣ ни была, восторгъ непринужденный
Одушевлялъ поэта грудь.

Гдѣ ни была, волшебныя искусства
Спѣшили дань ей принести,
И на землѣ безъ горестнаго чувства
Никто ей ни сказалъ: Прости!

Ее хранитъ въ странахъ различныхъ свѣта
И память сердца и ума.
Ахъ! для чего въ Италіи все лѣто,
И для чего у насъ зима!

Москва. Января 1829.

И. Павловъ.

Я — арфа тревоги, ты — арфа любви,
И радости мирной, небесной;
Звучу я напѣвомъ мятежной тоски,
Милъ сердцу твой голосъ чудесной.

Я здѣсь омрачаюсь земною судьбой,
Мечтами страстей сокрушенный;
А ты горишь въ небѣ прекрасной звѣздой,
Какъ ангелъ эѳирный, нетлѣнный!

Иванъ Козловъ.

Княгинѣ З. А. Волконской.

Мнѣ говорятъ: «Она поетъ,
«И радость тихо въ душу льется,
«Раздумье томное найдетъ,
«Въ мечтаньи сладкомъ сердце бьется.

«И тихо, мило на земли,
«Когда поетъ она — милѣе,
«И пламеннѣй огонь любви,
«И все прекрасное святѣе!»

А я, я слезъ не проливалъ,
Волшебнымъ голосомъ плѣненный;
Я только помню, что видалъ
Пѣвицы образъ несравненный.

И помню я, какимъ огнемъ
Сіяли очи голубыя,
Какъ на челѣ ея младомъ
Вилися кудри золотыя!

И помню звукъ ея рѣчей,
Какъ помнятъ чувство дорогое;
Онъ слышится въ душѣ моей,
Въ немъ было что-то неземное.

Она, она передо мной,
Когда таинственная лира
Звучитъ о Пери молодой
Долины свѣтлой Кашемира.

Звѣзда любви надъ ней горитъ,
И — станъ обхваченъ пеленою —
Она эѳирная летитъ,
Чуть озаренная луною.

Изъ лилій съ розами вѣнокъ
Небрежно волосы вѣнчаетъ,
И локоны ея взвѣваетъ
Душистый ночи вѣтерокъ.

Иванъ Козловъ.

Къ Риму древнему взываетъ
Златоглавая Москва,
И любовью окрыляетъ
Хладомъ сжатыя слова.

Древней славой градъ шумящій
Пріими привѣтъ Москвы,
Юной славою гремящій
Въ золотыхъ устахъ молвы.

Я въ покровъ твой благосклонный
Довѣряю, царь градовъ;
Лучшій перлъ моей короны,
Лучшій цвѣтъ моихъ садовъ.

Я не съ завистью ревнивой
Цвѣтъ тебѣ передала,
Нѣтъ, съ тоской чадолюбивой
Отъ себя оторвала.

Нѣжно я его растила
Съ безкорыстіемъ любви,
На него я расточила
Всѣ сокровища свои.

Но не можетъ ненаглядный
Онъ на сѣверѣ блеснуть,
Руки матери такъ хладны,
Льдомъ моя одѣта грудь.

Что же дѣлать мнѣ несчастной?
На чужбину цвѣтъ отдать,
Коль не можетъ онъ прекрасный
У меня благоухать.

У тебя свѣтило наше
Льетъ роскошнѣй теплый свѣтъ,
У тебя и небо краше
Такъ возьми жъ къ себѣ мой цвѣтъ.

И согрѣй съ любовью нѣжной
У пылающей груди,
На могилахъ славы прежней
Въ немъ цвѣтущее блюди.

Только бъ онъ въ лавровыхъ сѣняхъ
У тебя красой цвѣтя,
О моихъ любовныхъ тѣняхъ
Помнилъ милое дитя.

Самъ любуйся на созданье
Нашихъ сѣверныхъ степей,
Но его благоуханье
Въ сѣнь родную перелей.

Шевыревъ.

Внявъ мольбѣ Москвы державной,
Ветхій прадѣдъ городовъ,
Подъ своею сѣнью славной,
Угощаетъ дочь снѣговъ.
Часть безсмертьемъ шитой тоги,
Въ кою мощь онъ облачилъ,
Ей на свѣтлые чертоги,
Благородно уступилъ.

Плющъ любовный, радость льющій
Въ сокѣ гроздій виноградъ,
Лавръ, торжественно цвѣтущій
Для возвышенныхъ наградъ,
Въ сѣнный садъ сочетаваетъ
И вѣнецъ изъ нихъ ей сплелъ,
Да и древо выражаетъ
Бытія ея символъ.

Все драгое, что сберегъ онъ,
Взявъ себѣ на зло вѣкамъ,
Вкругъ чертога свѣтлыхъ оконъ
Разметалъ онъ по садамъ.

Округленныя ихъ рамы
Естествомъ онъ расписалъ,
И окрестъ святые храмы
Въ хоръ молебный сочеталъ.

Тамъ герой его достойный
Въ ранахъ гордый инвалидъ,
Сынъ отъ древности покойной
Величаяся стоитъ,
Члены тѣла сохраненны
Обративъ привѣтно къ ней,
Цесарь въ зданіяхъ надменный
Въ тогѣ тканной изъ лучей.

Тамъ, всю жизни мощь раскинувъ,
Гдѣ златой горитъ закатъ,
Сосенъ куполы воздвигнувъ,
Башни, рамена палатъ,
По лазури небосклона,
Крестоносную главу,
Во подобьѣ Пантеона,
Римъ возноситъ въ синеву.

Но къ востоку покидаетъ
Онъ живое бытіе,
И печально простираетъ
Поле мертвое свое;
Но живое вѣчной славой, —
Древле поприще вѣкамъ,
Днесь въ бездѣйственности правой
Отдыхающее тамъ.

Тамъ бѣгутъ водопроводы,
Рвутся, тянутся вдали,
Тамъ гробницъ мелькаютъ своды;
Тщетно давятъ грудь земли.
Безмятежныхъ зданій группа,
Божьимъ пламенемъ дыша,
Оживляетъ эти трупы,
Мысль-минувшаго душа.

Поле смерти, поле славы
Римъ достойно оградилъ.
Окрестъ цѣпи величавы
Горъ эѳирныхъ округлилъ.
Какъ Олимпа подпираютъ
Небо знойное онѣ:
Сладострастно возлегаютъ
Облака на вышинѣ.

Уготованы чертоги,
Но ужель на облакахъ
Не возсядутъ древни боги,
Въ человѣческихъ красахъ?
Мысль ея — ихъ ликъ чудесный,
Созоветъ на вертоградъ,
Боги красоты небесной
Сновы горы населятъ.

Но съ какой-же мыслью нѣжной
Украшая сей чертогъ,
Прадѣдъ Римъ хламидой снѣжной
Апеннинъ главы облекъ?

Дщерь снѣговъ! ты понимаешь
Тонкой замыселъ его?
Тамъ ты родину встрѣчаешь,
Ризу края своего.

Будто близъ она съ тобою,
Но безъ хлада, безъ вреда:
Утѣшаетъ мысль мечтою,
И манитъ ее туда.
А огни лучей горящихъ
Со снѣговъ къ чему палятъ?
То сердца тебя любящихъ:
Такъ они къ тебѣ горятъ.

Все съ тобой — любовью друга!
Прадѣдъ Римъ тебя взлюбилъ,
Дщерь снѣговъ съ душею юга!
И себѣ усыновилъ.
Веселись же помышленьемъ,
Я — владычица сихъ мѣстъ!
Все со мной его радѣньемъ
Римъ и родина окрестъ.

Съ неба взоръ орлицы ясной
Обнимаетъ край земель:
Такъ душой своей всевластной
Обнимай свой міръ отсель:
Пусть изъ памятныхъ преданій,
Какъ сѣмянной сочный плодъ,
Вертоградомъ вспоминаній
Жизнь твоя намъ разцвѣтетъ.

Дивной сей метаморфозой,
Все завѣтное любви,
Кипарисомъ, лавромъ, розой,
Ты отмѣть, иль оживи.
Дай разцвѣсть деревъ семьею
Всѣмъ сочувствіемъ твоимъ!
Весь твой міръ здѣсь будь съ тобою
Долго, долго будь ты съ нимъ!

Шевыревъ.

